

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЯЗИ РОССИИ И СЕРБИИ

РЕДАКТОР
Зоран Милошевич

международная научно-практическая конференция

**ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЯЗИ РОССИИ
И
СЕРБИИ**

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЯЗИ РОССИИ И СЕРБИИ

Международная научно-практическая
конференция 23-24 апреля 2018 года г. Луганск
(Луганская Народная Республика),
редактор Зоран Милошевич (1959)

Издатель

Институт политических исследований, Белград
Общественная организация «СЛАВЯНОСЕРБИЯ»
(г. Белград, Республика Сербия)

www.ips.ac.rs

За Издателя

Живоин Джурич
Ольга Милунович

СОСТАВ ОРГКОМИТЕТА МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Председатель оргкомитета:

Трегубенко Елена Николаевна - доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, ректор ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко».

Заместители председателя:

Джуркович Любинко – директор белградского Центра евразийской безопасности.

Коларич Владимир – доктор наук, научный сотрудник Института по изучению культурного развития в Белграде.

Коротков Александр Михайлович - доктор педагогических наук, профессор, ректор ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет».

Кочетова Светлана Александровна – доктор филологических наук, профессор ректор ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков».

Милошевич Зоран – доктор социологических наук, профессор, научный советник Института политических исследований в Белграде.

Сорокина Галина Александровна - доктор педагогических наук,

профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, первый проректор ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко».

Члены оргкомитета:

Акиншева Ирина Петровна - кандидат педагогических наук, профессор, директор института педагогики и психологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко».

Бойчук Сергей Сергеевич – кандидат философских наук, и.о. заведующего международным отделом ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»

Кирмач Галина Анатольевна - кандидат педагогических наук, директор духовно-просветительского центра имени святого преподобного Нестора Летописца при ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко».

Ладыга Александр Иванович – кандидат исторических наук, директор Института истории, международных отношений и социально-политических наук ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко».

Перетятая Олеся Сергеевна - кандидат филологических наук, и.о заведующего кафедры украинской филологии и издательского дела ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко».

Ткачева Елена Александровна - кандидат педагогических наук, декан филологического факультета ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко».

Типография

С.З.Р. Графички ателье Сања

Прелом и штампа
Ситопринт, Житиште

Тираж
100

ISBN
978-86-7419-313-6

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЯЗИ РОССИИ И СЕРБИИ

Международная научно-практическая
конференция 23-24 апреля 2018 года г. Луганск
(Луганская Народная Республика)

**Редактор
Зоран Милошевич**

**Институт политических исследований, Белград
Общественная организация «СЛАВЯНОСЕРБИЯ»
(г. Белград, Республика Сербия)
2019**

СОДЕРЖАНИЕ

I

ПРАВОСЛАВИЕ, ЦЕННОСТИ И ПАТРИОТИЗМ

Беспалова Т.В., Ларионцев М.М.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ, СЛУЖЕНИЕ И
ГРАНИЦЫ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ 15-35

Серебряк Владимир Васильевич

ПРАВОСЛАВНАЯ ВЕРА – ИСТОЧНИК
ДУХОВНЫХ СИЛ РУССКОГО ВОИНСТВА 36-44

Богиня Юлия Александровна

ПРАВОСЛАВНЫЙ ВЗГЛЯД НА СЕМЕЙНЫЕ
ЦЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ 45-50

Беспалова Татьяна Викторовна,
Ларионцев Михаил Михайлович, Герасимов А.В.

ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ ПРАВОСЛАВИЯ
КАК АЛЬТЕРНАТИВА ПСЕВДОЦЕННОСТЯМ
ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ 51-56

Чеботарева Ирина Владимировна

РОЛЬ ХРИСТИАНСКОЙ
ПЕДАГОГИКИ В ФОРМИРОВАНИИ
ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ОСНОВ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ
БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ 57-66

Евсюкова Наталья Владимировна	К ВОПРОСУ ВОСПИТАНИЯ ЛЮБВИ К «МАЛОЙ РОДИНЕ» КАК ВАЖНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ	67-70
Прилуцкая Елена Анатольевна	ЛИТЕРАТУРА В ПРОЦЕССЕ ВОСПИТАНИЯ ПАТРИОТИЗМА	71-77
Кирмач Г.А.	КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ	78-89
Ефимова Ирина Витальевна	ПОДГОТОВКА БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ К РЕАЛИЗАЦИИ ДУХОВНО- НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ	90-97
Ильин Сергей Александрович	А.П.ЧЕХОВ И А.В.АМФИТЕАТРОВ: ТВОРЧЕСКИЕ СВЯЗИ	98-108
Турбина Марина Александровна	МЕЖТЕКСТОВЫЙ СЮЖЕТ В РОМАНЕ В.В. НАБОКОВА «ЛЮЛИТА» (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО)	109-115
Рочняк Елена Владимировна	МУЗЫКА В ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ МИЛАНА УЗЕЛАЦА	116-120

II СЕРБИЯ...

В.Ю. Даренский

ВЛИЯНИЕ СЕРБИИ НА СТАНОВЛЕНИЕ
РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ
(ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР)

123-141

Анпилогова Татьяна Юрьевна

ВКЛАД СЕРБОВ-КОЛОНИСТОВ В
СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ
ЛУГАНСКОГО КРАЯ В XVIII–XIX ВВ.

142-147

Велимирович Светлана Сергеевна

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИИ И СЕРБИИ В
XVIII В. КАК ПРИМЕР СОТРУДНИЧЕСТВА
ЕДИНОВЕРНЫХ ГОСУДАРСТВ

148-153

Капитонова Марина Сергеевна

СТАНОВЛЕНИЕ СЕРБИИ КАК ГОСУДАРСТВА

154-157

Татоли Т.В.

РУССКАЯ ВОЕННАЯ ЭМИГРАЦИЯ В
СЕРБИИ (20-30 ГГ. XX В.)

158-168

Владимир Коларич

МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ: ОПЫТ
СЕРБИИ

169-174

Кожушко Андрей Валерьевич

СЕРБСКИЕ ГЕНЕРАЛЫ – УЧАСТНИКИ
НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН

175-178

Соловей Мария Александровна
ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ИДЕИ
«ВЕЛИКОЙ СЕРБИИ» В СЕРБСКОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ В ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА 179-188

Болтаевский Андрей Андреевич
МАКЕДОНСКИЙ ВОПРОС КАК ФАКТОР
ПРОТИВОРЕЧИЙ НА БАЛКАНСКОМ
ПОЛУОСТРОВЕ 189-193

Загороднова Елена Михайловна
РЕАКЦИЯ РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
НА СЕРБСКИЙ ПЕРЕВОРОТ 1903 ГОДА. 194-204

Олег Валецкий, Ольга Милунович
КАМПАНИЯ МАССОВОГО
НЕПОВИНОВАНИЯ АЛБАНЦЕВ В
КОСОВО И МЕТОХИИ В 1980-Х ГОДАХ 205-233

III ГЕОПОЛИТИКА...

Черданцев Валерий Вениаминович
УРОКИ РАСПАДА ЮГОСЛАВИИ ДЛЯ
РОССИИ И РЕСПУБЛИК ДОНБАССА 237-244

Милокост Л.С.
РОЛЬ ООН В РЕШЕНИИ
КАШМИРСКОГО КОНФЛИКТА 245-255

Серостанова Оксана Борисовна

АКТУАЛЬНОСТЬ ИДЕЙ И. ВАЛЛЕРСТАЙНА
В УСЛОВИЯХ ПОВЫШЕННОЙ
КОНФЛИКТОГЕННОСТИ В МИРЕ

256-261

Зоран Милошевич

РУМЫНИЯ И РАЗДЕЛЕНИЕ ЮЖНЫХ И
ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

262-290

Любинко Джуркович

ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ

291-304

I

**ПРАВОСЛАВИЕ, ЦЕННОСТИ И
ПАТРИОТИЗМ**

УДК 323.1:008(=161.1)

Беспалова Т.В., Ларионцев М.М.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ, СЛУЖЕНИЕ И ГРАНИЦЫ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

**National Memory, Service and Borders of
Russian Civilization**

Аннотация

В статье поднимается проблема нового философско-политологического осмысления цивилизационной теории как основы государственного управления России в условиях иной политической реальности. Историческая память, общее языковое и культурное пространство России, Украины и Белоруссии, конфликты на разломах цивилизации (границах бывших национальных республик – Приднестровье, Донбасс) возвращают российскую политику в лоно переосмысления «границ» русской/российской цивилизации. Теория культурно-исторических типов Н.Я.Данилевского, интерпретация философом политического патриотизма в пользу народного задают особое понимание русской цивилизации и роли национальной памяти в сохранении цивилизационной общности. Научной новизной работы выступает обозначение механизмов наследования русской культуры (в продолжение идей И.А. Ильина) во взаимосвязи с отечественными патриотическими практиками и соответствующим им оформлением

воспоминаний/умолчаний, которые концептуально можно считать способами формирования национальной идентичности и сохранения русской цивилизации.

Ключевые слова: границы русской цивилизации, цивилизационная теория, государственное управление, культурно-исторический тип, национальная память, механизмы наследования русской культуры.

Abstract

The article raises the problem of a new philosophical and political interpretation of civilizational theory as the basis of state management in the context of a different political reality. The historical memory, common linguistic and cultural space of Russia, Ukraine and Belarus, conflicts on the faults of civilization (the borders of the former national republics - Transdnistria, Donbass) return Russian politics to the fold of rethinking the “borders” of Russian civilization. The theory of N.Ya. Danilevsky’s cultural and historical types, the interpretation of political patriotism by the philosopher in favor of the people’s one, sets a special understanding of Russian civilization and the role of national memory in preserving the civilizational community. The scientific novelty of the work is the designation of the mechanisms of inheritance of Russian culture (in continuation of I.A. Ilyin’s ideas) in connection with domestic patriotic practices and the corresponding appearance of memories/paralipsis, which can be conceptually considered ways of forming the national identity and preserving the Russian civilization.

Keywords: borders of Russian civilization, civilizational theory, state management, cultural-historical type, national memory, mechanisms of inheritance of Russian culture.

*О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? Волнения Литвы?
Оставьте, это спор славян между собою,
Домашний старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.*

А.С.Пушкин

Сохранение цивилизационного наследия во многом зависит от бытия наследников великой цивилизации, от сохранения собственной национальной памяти и исторически сложившейся иерархии ценностей. Обращение к цивилизационной теории в сфере государственного управления связано с новыми типами угроз в отношении России.

Прежде чем рассуждать о таких угрозах, авторы хотят особо подчеркнуть следующее: современная наука безусловно тяготеет к междисциплинарности, а тенденции к глобализации не могли не затронуть научную сферу. Мы согласны с положительной практикой заимствования и использования зарубежных достижений. История знает немало примеров полезного и взаимовыгодного опыта, возникшего в результате обмена технологиями, идеями, знанием. Но нам также очевидно, что эти заимствования должны служить на благо Отечества и российской цивилизации, а не способствовать их разрушению в интересах наших зарубежных партнеров. Говоря о специфике угроз, следует отметить комплексный характер деструктивного воздействия. Такие меры характерны для политики поддержки антироссийских настроений, в первую очередь, в странах, имеющих с нами общую историю, культуру, ментальность. Эта поддержка имеет в своем арсенале как финансовую помощь, так и поставки оружия, и внешнее давление на Россию.

Вот, например, показательное высказывание автора «Великой шахматной доски» Збигнева Бжезинского о планах Запада в отношении Украины: «Если Украину необходимо будет поддержать в ее попытках сопротивляться, украинцы должны знать, что Запад готов помочь им. И нет никаких

причин скрывать эту готовность. Гораздо полезнее заявить о ней, сообщить украинцам и тем, кто им угрожает, что, если Украина будет сопротивляться, она получит оружие. И мы предоставим это оружие еще до того, как совершится акт вторжения...

Чтобы попытки вторжения стали успешными в политическом смысле, необходимо захватить крупнейшие города. Если крупные города, такие как Харьков или Киев, начнут сопротивляться и начнутся боевые действия в городских условиях, конфликт затянется.

Я считаю, что мы должны дать украинцам понять, что, если они готовы к сопротивлению, мы предоставим им противотанковые орудия, ручные противотанковые орудия, ручные ракеты – то есть оружие, которое можно использовать в условиях города...» [1]

Комплексный характер воздействия не является новостью, но сегодня мало кто вспоминает труды начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР – первого заместителя министра обороны СССР (1977—1984), Героя Советского Союза Н.В. Огаркова, прозорливо указывавшего еще в начале 1980-х на реальность такой угрозы. К сожалению, недалновидная государственная политика в начале 1990-х [2] привела не только к потере уникального знания, но и к передаче его в руки потенциального противника. Так возникла и получила свое развитие военная доктрина “Network-centric warfare” или «Сетецентрическая война». Эта военная концепция ориентирована на повышение боевых возможностей в том числе за счет достижения инфокоммуникационного превосходства на основе технологий машинного обучения, искусственного интеллекта и технологий управления коллективным интеллектом. В завершённом виде варианты сетецентрической войны представлены в американской военной доктрине “Joint Vision 2020” [3].

Применение сетевых принципов привело к настоящей революции в военном деле. Внедрение информационных и сетевых технологий в бизнес и экономику показало их значительное превосходство над старыми индустриальными моделями. К примеру, такие мировые гиганты как IBM, Goo-

gle, NASA, Cisco System и другие доказали на своем примере эффективность внедрения принципов сетецентричности и агильности. Таким образом, сетецентрическая война – это перенос основных подходов и принципов постиндустриальной эпохи в военную сферу. Учитывая тесную взаимозависимость культуры и потребностей устойчивого развития в условиях агрессивного поведения ряда западных держав, вполне закономерным представляется вывод о необходимости отнесения культуры к перечню стратегически важных направлений. Уровень культурного развития общества, равно как единое понимание стратегических планов российского государства, напрямую влияют на обороноспособность государства и обеспечивают эффективное противостояние вызовам современности.

«Культурная война» (понятие А. Гобара) – самая незаметная и опасная. Люди под влиянием мощнейших технологий предают забвению свои песни, сказки, поэзию и язык, теряют веру в Бога, не считают нужным защищать интересы государства, акцентируя внимание только на интересах собственной семьи («моя хата с краю») – постепенно возникает другой народ. «Теория управляемого хаоса» активно используется в политике для ослабления своих политических противников.

По сути, на всей территории постсоветского пространства на волне формирования этнократического национализма (Прибалтика, Казахстан, Молдавия, Украина, Белоруссия т.д.) возникают совершенно новые версии исторического прошлого, связанные с утверждением права нации на политический суверенитет через частичное или полное отрицание общего культурно-исторического прошлого. Никого особо не заботит положение русскоязычного населения, по воле случая оказавшегося на территории этих государств. Классически, возникает языковая проблема: какой язык считать государственным? Эта технология срывает практически везде, а далее через образовательные и культурные практики возвращается новое поколение детей, оторванных от общей истории [4]. Поневоле вспоминается библейское предание о Вавилонской башне.

В таких условиях только идея Русского мира [5], российской цивилизации может выступить в качестве национальной идеи России, смыслы которой представляются исторически подвижными, так как меняются национальные интересы ее носителя. Однако есть константные черты, которые сохраняются в народной памяти всегда – речь о них пойдет ниже. Историческая память, общее языковое и культурное пространство России, Украины и Белоруссии, конфликты на разломах цивилизации (границах бывших национальных республик – Приднестровье, Донбасс) возвращают российскую политику в лоно переосмысления «границ» русской цивилизации. Границы русской цивилизации, Русского мира размыты, политическое время уплотняется, события развиваются все стремительнее.

С. Хантингтон в известной работе «Столкновение цивилизаций» цитирует идею Ж. Делора о том, что будущие конфликты будут загораться скорее от искры национального фактора, чем экономического или идеологического. Он также обращает внимание на наиболее опасный вид конфликтов – культурные конфликты «вдоль линий разлома цивилизаций» [6]. Идеология оказывается бессильна удержать общее историческое пространство, в отличие от культуры. Хантингтон критикует статистический подход, представленный Дж. Миршеймером, сводящий отношения России и Украины к соперничеству по вопросам безопасности, и акцентирует внимание на полицивилизационном подходе, в рамках которого важным фактором выступают тесные культурные и исторические связи России и Украины. «...Цивилизационный подход при этом фокусируется на «линии разлома», которая проходит по Украине, деля ее на православную восточную и униатскую западную. В то время как статистический подход на первый план выдвигает возможность российско-украинской войны, цивилизационный подход снижает ее до минимума и подчеркивает возможность раскола Украины. А учитывая культурный фактор, можно предположить, что при этом разделении будет больше насилия, чем при распаде Чехословакии, но оно будет куда менее кровавым, чем развал Югославии» [7].

Цивилизационный подход к проблеме взаимоотношений России и Украины представляется выигрышным не столько по причине менее насильственного сценария, сколько по причине возможного разрешения затянувшейся конфликтности с опорой на традиционные культурно-исторические основы цивилизации. Культура и общая национальная память представляют собой более надежный фундамент интеграции народов, нежели идеология или экономика.

На территориях ЛНР-ДНР с 2017 г. актуальны плакаты, с изображением Президента и надписью «Граница России нигде не заканчивается». Действительно, «границы» любой цивилизации довольно сложно очертить, так как пространство ее культурного влияния никак не связано с административными границами государства. Более того, сила и мощь государства-цивилизации как раз и заключаются в способности в самые сложные исторические времена сохранять свою историческую территорию, национальную память, веру и культуру. В государствах де-факто в последние годы формируется региональная идентичность (как государственная), конфликтность, возникшая на разломах цивилизации, закрепляется в народной памяти с обеих сторон. Причем антироссийская риторика особенно усиливается на территориях, где активно идет расширение НАТОвской ПРО. Возникает целый параллельный мир «непризнанных территорий», население которого духовно, культурно, исторически тяготеет к России. Никто не предполагал, что украинская идентичность будет конструироваться без учета общей исторической памяти с русскими и агрессией по отношению к России. Гораздо раньше эти процессы начались в Прибалтике, где активно нарушались гражданские и политические права русских, осквернялась память о подвиге советского солдата. Народное движение «Ночной дозор», возникшее в мае 2006 г., когда в Эстонии был осквернен памятник советским воинам, было немногочисленным, но внимание к проблеме экономической и гражданской дискриминации русского населения все-таки было привлечено. По сути, «война с памятниками» и памятью становится одним из мощнейших механизмов уничтожения цивилизации, как, впрочем, и способом ее возрождения. Все зависит от выбора аксиологического содержания памяти.

Советское прошлое – не единственное, что живо в памяти соотечественников, проживающих на постсоветском пространстве. Этот фактор до сих пор представляется значимым для восстановления общего культурного пространства, что необходимо учитывать при проведении внешней культурной политики России.

Иногда кажется, что вопросов больше, чем ответов. Когда мы говорим о русской цивилизации как культурно-историческом типе, то имеем в виду единый цивилизационный тип или нечто исторически подвижное? Как совмещать различные исторические эпохи в русле цивилизационного подхода? Можно ли соотнести различные политические проекты развития нашей цивилизации – русской, евразийской, российской, православной?..

Распространенным стал тезис об «умирании русской цивилизации», катастрофическом положении русского народа, что, отчасти, отражает реальные процессы. Эта позиция обусловлена недостаточной поддержкой русского языка и русской культуры [8] в России, в ближнем и дальнем зарубежье, разрушением образовательных традиций [9], потерей исторической территории [10]. Необходимо противопоставить этим процессам устойчивое содержание народной памяти, величие русской культуры и истории, в очередной раз суметь сохранить свою цивилизацию.

Во времена роковых событий (войн, революций, радикальных социальных перемен) народ как создатель цивилизации, ее субъект припоминает самые забытые страницы великой истории. Это происходит не сразу. Народ может какое-то время блуждать по бездорожью в поисках подлинно широкой необъятной национальной идеи. Политическое время, потраченное на эти поиски, с лихвой будет возвращено сразу же после принятия решения о необходимости возврата в наш язык понятия «цивилизация», «русская/российская цивилизация», «ценности русской цивилизации». Необходимость использования какого-либо понятия в языке обычно появляется в момент, когда явление, которое оно обозначает, начинает исчезать, что относится и к понятию «цивилизация», «русская цивилизация». Приходится признавать абсолютный кризис

цивилизационной идентичности на уровне массового сознания российского общества в современной России, связанный с длительным уничтожением культурно-цивилизационных смыслов и ценностей.

Языковая, образовательная и культурная политики превратились в механизмы конструирования национальной идентичности на территории всего постсоветского пространства, новой исторической памяти и нового культурно-цивилизационного пространства. Возможно ли выстроить его, ориентируясь лишь на экономические отношения? Пока можно наблюдать, как на наших глазах возникают «иллюзорные нации», не всегда связывающие свое прошлое, настоящее и будущее с Россией, как изменяются до неузнаваемости смыслы русской классики, исчезают из повседневной жизни народные традиции, активно распространяются «черные мифы» о русской истории.

Каждый исторический период России «строится на оболгании, оглулении и обесценивании предыдущего: петровское время отрицает допетровское, революция 1917 года отрицает весь монархический период, перестройка 90-х разрушает идеалы 70-х советских лет» [11]. Тем не менее, можно утверждать: Российское государство сохраняет свой культурно-цивилизационный код вопреки противоречивой политике памяти и забвения. Духовная мощь русского народа позволила объединить огромное количество народов, которые были вовлечены в пространство цивилизации добровольно.

В научной среде выделяют несколько этапов в осмыслении цивилизационного пути России: 60-е гг. 19 в. – нач. 20 в. – начало первому этапу положил выход работы Н.Я. Данилевского «Россия и Европа»; второй этап – 20-30 гг. 20 в. – труды евразийцев-историков и третий этап – после распада Советского Союза, когда возникает необходимость очередного осмысления цивилизационной теории в новых геополитических условиях [12]. Сейчас смело можно выделять четвертый этап, связанный с межцивилизационным противостоянием на исторической территории России [13], которое принимает самые разнообразные формы – от информационных, культурных, образовательных, языковых,

экономических до военно-политических. Стоит добавить: обращение к цивилизационной теории происходит еще и в сложнейших экономических, социальных условиях в самой Российской Федерации при обострении внешней политики государства.

Обратим внимание на некоторые сюжеты формирования цивилизационной теории в русле особого понимания ценности служения Родине. Одним из первых теорию культурно-исторических типов (цивилизаций, взаимосвязи культуры и цивилизации) разработал Н.Я. Данилевский, в основу которой заложил национальный фактор. Именно национальный фактор позволял множеству племен ощутить историческое родство, создать единый язык и общую религиозность. Россия как восточнославянская цивилизация становилась центром притяжения русской философской мысли. Обозначение цивилизации Данилевским тесно соседствует с определением служения России. Придавая понятию «Европа» культурно-исторический (не географический) смысл, связанный с развитием романо-германской цивилизации, и, руководствуясь этим критерием, философ выделяет самобытную славянскую цивилизацию и относит к ней Россию. Он также отмечает две формы проявления патриотизма: народную и политическую. Патриотизм как русское народное чувство, направленная естественная любовь по отношению к самобытному славянскому государству обладает следующими характеристиками: безусловен, не знает сомнений, убежден в особости (особость не является синонимом исключительности) предмета своей любви, так же, как и любой другой народ по отношению к своей родине. Неповторимое проявление русского патриотизма актуализируется в самые сложные периоды истории российского государства. Все территориальные приобретения России, совершаемые вне насилия, быстро становились русскими, отсюда, по Данилевскому, естественное, самобытное течение (проявление) патриотизма является его основной характеристикой. Патриотизм осмысливается философом как историческое явление, что и определяет его меняющийся характер: активный – пассивный. Исключительной мерой проявления активного народного патриотизма считается смерть во имя родины. В этом смысле патриотизм приобретает

значение истинной ценности, не меркнувшей перед страхом смерти [14].

Одним из первых Данилевский вводит понятие внешнего политического патриотизма, раскрывая его смысл устами шиллеровского героя, маркиза Поза, «гражданина Вселенной» [15]. Содержание внешнего политического патриотизма сводится, в том числе, и к борьбе со своим Отечеством ради ценностей свободы и человеческого благоденствия. Актуальная проблема для оппозиционной части современного российского общества, которое утратило границы критики власти и доходит до отрицания родины. Внешний политический патриотизм, по Данилевскому, проявил себя в осмыслении европейской цивилизации как окончательного культурно-исторического результата, к которому необходимо стремиться. Средством подобного обретения Отечества становится мысль, логика. Рациональное познание родины, как показывает Данилевский, выражается следующим образом: «...я люблю свое отечество, но должен сознаться, что проку в нем никакого нет» [16]. Метафизической основой внешнего политического патриотизма являются сомнение в себе, несостоятельность собственного духа, признание в этом и потребность в искусственном одухотворении, отличающиеся непоследовательностью и ложностью. При этом особенностью русского политического патриотизма выступает признание европейского превосходства во всем, что касается цивилизационного развития, но высказывается пожелание необходимой внешней силы и крепости российского государства. Становится понятной характеристика политического патриотизма как внешне обусловленного, но не меняется его итоговая оценка: невозможность внешней силы без крепости внутреннего содержания. Учет народного патриотизма в контексте политического, по Данилевскому, невозможен, т.к. сам политический патриотизм неприемлем для России [17]. Неверное толкование прогресса (как движения в одном направлении) является источником внешнего политического патриотизма. Н.Я. Данилевский определяет суть прогресса иначе – как возможность «все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, исходить в разных направлениях» [18]. Таким образом, патриотизм

как безусловная, бескорыстная, не требующая взаимности, естественная народная любовь, приобретающая значение истинной, является, по Данилевскому, необходимым фактором культурно-исторического прогресса России. Служение родине имеет значимость только при условии готовности человека к самопожертвованию; это задает совершенно иной смысл жизни – не только индивидуальный, но и цивилизационный.

«История русской памяти» и «память о русской истории»: опыт цивилизации

«История русской памяти» и «память о русской истории» – два измерения национальной памяти: первое отражает процесс формирования воспоминаний и умолчаний в русской традиции, второе – сложившееся устойчивое припоминание основных исторических событий России, которое активно транслируется практически во все исторические эпохи и сохраняет привычный исторический событийный ряд и его оценку. История русской памяти, как и память о русской истории, связаны и с историей мемориальной культуры. А.В. Святославский выделяет несколько периодов формирования мемориальной культуры в России: допетровский, петровский, период от Александра II до крушения монархии, советский и постсоветский. Можно выделять иные этапы, но это не так принципиально, когда рассматривается вопрос сохранения цивилизационного кода России.

Традиции мемориальной культуры, сложившиеся в России, история установки/сноса/восстановления памятников дают иногда больше исторического смысла, чем сам памятник. А.В. Святославский в своей работе приводит любопытный пример установления Первого гражданского монумента стрельцам-мятежникам в 1682 году и его сноса через полгода в период правления Софьи. Позже происходит установка на том же месте столпа как памяти о победе царя над заговорщиками в петровскую эпоху, конструкция дополняется пятью «рожнами», «на которые насадили головы казненных заговорщиков» и далее следует установка устрашающего столпа на Красной площади после очередного стрелецкого восстания в 1699 году. Этот пример символизирует довольно устойчивую тенденцию мемориальной культуры и политики

в России – сохранение мощи, державности, силы государства и в форме, и в содержании. Целью мемориальной политики было и остается сохранение российской государственности. Не случайно в России так мало памятников известным народным предводителям – два Е. Пугачеву и один С. Разину. Важно, что эти памятники устанавливаются в советское время, когда борцы с царским режимом интерпретировались в героическом контексте. «Русский бунт», казалось бы, не получает особого отражения в мемориальной политике, однако история русской памяти бережно, даже с любовью, хранит воспоминания об этих исторических подлинно русских людях в иных формах – в русской литературе («Я пришел дать вам волю»), в песенной культуре («Из-за острова на стрежень...») и многих других вариациях народной памяти.

Русский (в том числе и советский) цивилизационный опыт мемориализации культурного наследия имеет три измерения:

1. Мемориальная потребность [19].
2. Мемориальная культура и политика [20].
3. Долг памяти и право забвения: нормативное и нравственное измерение.

В зависимости от измерения можно вести речь о разных типах памяти, ее носителях или субъектах, собственных объективных законах сохранения национальной памяти.

Мемориальная потребность обусловлена запросом народа на то или иное содержание мемориальной политики. В ее основе – культура памяти, живая память русской души, когда через «догадничество» [21] возникает устойчивое представление о событии или исторической фигуре, которое является самым распространенным в обществе. Его обретение частично обусловлено обозначенной выше распространенностью, а частично – умением распознавать «свое».

Мемориальная культура складывалась исторически вопреки противоречивым культурным практикам. Мемориальная культура и мемориальная политика отражают историю формирования русской памяти и памяти о русской

истории. Это не игра слов, а совершенно различные способы оформления воспоминаний: объективированной и идеологизированной памяти. История русской памяти и память о русской истории неразделимы и задают точку отсчета в сохранении традиционного типа русского человека, особенно в эпоху роковых событий.

Долг памяти и право забвения. Долженствование в отношении воспоминаний сложно представить, как и искусственное навязывание официальной политикой целого перечня духовно-нравственных ценностей. «Долг памяти» есть некое стремление к сохранению воспоминаний и умолчаний не только отдельной личностью, а всем народом и цивилизацией. «Долг памяти» может проявляться в требованиях политических изменений по поводу содержания культурной политики, а в историческом пространстве – даже сводиться к возможному проявлению политического насилия с целью сохранения культурного наследия, наследников и цивилизации. Речь о самых значимых для нации воспоминаниях, без которых она таковой не будет являться. Иногда думается, что такого рода воспоминания не предаются забвению. Не совсем так – даже великое прошлое может исчезать...

Право забвения. Народ имеет право предать забвению любое воспоминание, если оно мешает ему бытийствовать. Право на забвение возникает в условиях колоссального напряжения исторических сил, когда выбор в пользу умолчания-забывания является единственно верным. Что забывают? Постыдные войны, преступные приказы? Нет, не всегда. Иногда забвения требуют такие исторические события, однозначная интерпретация которых не просто сложна, а невозможна. Гражданские войны [22] требуют абсолютного забвения (хотя, скорее, верного оформления общих воспоминаний и умолчаний) не по причине невозможности объяснить, почему одна из сторон оказалась исторически побежденной/победившей, а по причине возможной политической реанимации в будущем «тлеющего» в народной памяти конфликта.

Начавшаяся в 1990-е годы кампания демонтажа советских памятников (Дзержинскому, Калинин и пр.) отразила историю изменения идей, стереотипов и ценностей

[23] и историю изменения политического заказа на культурное достояние нации. Одновременно происходило увековечивание памяти жертв политического терроризма – это огромный блок мемориальной культуры постсоветской России. В пространство коммеморативных практик попадают лагеря, тюрьмы, места массовых захоронений жертв политических репрессий. С одной стороны, эта тенденция отразила чаяния части российского общества, предки которой были репрессированы и уничтожены (условно – «белый лик патриотизма» [24]); с другой стороны, довольно сильным полюсом в российском политическом пространстве являлся и является сейчас «красный лик патриотизма» [24], представители которого не видят в пока еще не очень далеком прошлом такого трагизма. Для последних героика советской эпохи затмевает любой трагизм (тем более что формально репрессии были осуждены на 20-м съезде КПСС). Как освоить общее историко-культурное наследие в условиях такого противостояния? Какое наследие оставить без наследников, а какому их вернуть?

Политика памяти в советской России была направлена на забвение по отношению к памяти жертв террора (который практиковала советская власть в период с 1917 по 1950-е годы) и членов их семей [25].

В постсоветской России мемориализация жертв «красного» и «белого террора» осуществлялась какое-то время в русле идеологического противостояния «красных» и «белых», обоснованного историческими фактами братоубийственной гражданской войны. На практике получилось так, что мемориализация жертв «красного террора» представлена меньше [26], что задало соблазн установки памятников «белым» (Колчак и др.). Грань между увековечиванием памяти жертв «красного террора» и героизацией предателей оказалась очень тонкой. Эта тенденция пока не преодолена.

Например, в Ростовской области в станице Еланской Вешенского района на территории частного музея был установлен памятник генералу Краснову – предателю, в годы Великой Отечественной войны. Ни один суд пока не дает правовой возможности демонтировать памятник, потому что рассматривается не деятельность генерала Краснова, а

правовой статус объекта (частное владение). К памятнику привозят на экскурсии школьников, где перевернутая историческая картинка формирует антинациональную память. История памятника «Исход» в Новороссийске тоже дала бесценный опыт в дальнейшем выборе концепции культурно-исторических памятников, посвященных эпохе Гражданской войны.

Никто еще не осознавал в 1990-2000-е гг., что это противостояние придется преодолевать, прежде всего, в области деликатного формирования национальной памяти и в сфере коммеморативной культуры. В Гражданской войне не бывает победителей и побежденных, это раскол единого народа, борьба за разные политические лики Отчизны – трагический урок, из которого необходимо выйти достойно. Лучшим способом новой мемориализации Красного и Белого движения возможно станут общие Гражданские мемориалы (по типу памятника Согласия и Примирения в Новочеркасске) или возведение храмов, часовен на местах массовых захоронений (по типу Храма всех святых на бывшем казачьем кладбище в Омске).

Огромный блок в отечественной мемориальной культуре занимают военные мемориалы. Военная память [27] включает в себя значительный пласт исторических событий, великих и трагических войн. Россия много воевала, потому история войн, побед и поражений занимает особое место в национальной памяти. Военная память – особый вид памяти, закрепляющий социальный травматический и героический опыт сначала в памяти воюющих, свидетелей военных событий, а далее – в памяти потомков. Парадокс, но по прошествии времени, с уходом участников войны, память о великих победах народа начинает частично стираться, скорее, ее уничтожает антинациональная элита [28]. Память о победе в Великой Отечественной войне вдруг начинает подменяться памятью о штрафбатальонах, «власовцах» как борцах со сталинским режимом, память о величии государства сталинской эпохи – памятью о жертвах ГУЛАГа и другими черными страницами истории. В среде современной культурно-творческой элиты возникает соблазн активного исследования «черных страниц» истории, доходящий до абсурдного отрицания побед и величия

России. Сложность осмысления социального травматического опыта как раз и заключается в способности подняться над трагедией отдельного человека, не предав ее полному забвению, но и не сделав главной сутью национальной памяти.

Романтизация образа «царской» России в современном российском кинематографе во многом объясняет отрицание образа «советской России» как периода слома русского цивилизационного кода. Однако еще участвуют в социальных процессах субъекты, для которых важен и образ «советской России», в котором, несомненно, присутствовало и на властном, и на народном уровнях проявление русского национального характера. Сила, мощь, державность советского государства не могут быть перечеркнуты негативными сюжетами сталинских репрессий, концлагерей и других трагических событий. В этом сложность и суть сохранения преемственности поколений, исторической памяти и культурно-цивилизационных смыслов нации.

Необходимо иметь в виду: память участников «забытых войн» [29] практически не передается, так как лишь отдельные социальные группы были задействованы в этих событиях. Зачастую вернувшиеся с подобного рода войн люди забывались государством и их дальнейшая жизнь была далеко не героической. Скорее даже наоборот. Возрождение национальной памяти во многом связано с возвращением достойного социального статуса ребятам, исполнившим свой воинский долг. «Герои нашего времени» существуют, рядом с нами, более того, память о них живет, ее достаточно лишь актуализировать на уровне государственной политики памяти.

Есть феномен «предписанного забвения» [30], символизирующий акт общественно одобренного забвения и прощения всего того, что было совершено в предшествующий период, в интересах политического согласия и примирения. Россия знает подобные примеры (1605 год), когда сложное прошлое уничтожается в пользу прошлого простого. Готово ли российское общество к подобному акту? Возможных вариантов содержания политики памяти и забвения, как минимум, три:

- политика памяти и забвения как упрощенное прошлое, признающее имперское прошлое (но отчасти

пропускающее советский период с темами репрессий как аномальный);

- политика памяти и забвения как констатация настоящего (история свободной России началась в 1990-е годы);

- политика памяти и забвения как усложненное прошлое с признанием преемственности эпох – царской, советской, российской. Выборка новых символических фигур памяти, исторических событий, требующих увековечивания в народной памяти, концептуального обоснования новой мемориализации культурно-исторического наследия. В последнем видится суть подлинно государственной политики памяти и забвения соответствующей живой народной памяти.

Механизмы наследования русской культуры дают возможность создать свой «режим правды» и необходимую для времени преемственность эпох. И.А. Ильин в работе «О национальном воспитании» особую роль отводил языку, песне, сказке, житию святых и героев, поэзии, истории, армии, территории, хозяйству. Представляется, что все эти формы национального бытия можно считать способами наследования русской культуры и условиями сохранения русской памяти, так как именно они сохраняют национальную память. Язык, песня, сказка, поэзия – живую народную память, память детства [31], память русской души, житие святых и героев – молитвенную память, история, армия, территория и хозяйство – национальную (имперскую) память русского народа. Это сюжет для отдельного разговора.

Возрождение национального самосознания носителя памяти и культуры, русского народа и других народов через культурно-образовательные практики – первостепенная задача государственной политики России. Только тогда заработают механизмы национальной памяти, станут узнаваемыми образы русской классики, вновь вернутся подвиг, надежда и привычный образ Родины. Любые формы идеологических противостояний можно разрешить в рамках парадигмы Русского мира, Российской цивилизации.

ПРИМЕЧАНИЯ

Выступление З. Бжезинского на конференции в Центре Уилсона в июле 2014 года, которая проходила под заголовком «Взаимная безопасность под вопросом? Россия, Запад и архитектура европейской безопасности» (Mutual Security on Hold? Russia, the West, and European Security Architecture). – URL: <http://www.inosmi.ru/world/20140629/221322375.html> (дата обращения: 10.04.2018).

Ярким примером тут может быть речь, произнесенная в 1992 году Борисом Ельциным в Конгрессе США. – URL: <https://youtu.be/zIgVUFhLpPU> (дата обращения: 10.04.2018).

– URL: http://www.dtic.mil/doctrine/jel/jfq_pubs/1225.pdf (дата обращения: 10.04.2018).

Верховная рада Украины приняла новый закон об образовании, самым скандальным пунктом которого стал запрет на преподавание в школах на русском языке (URL: https://www.gazeta.ru/politics/2017/09/08_a_10879520.shtml); в Латвии хотят запретить преподавание в школах на русском языке (URL: <https://ru.rt.com/9nfu>); суд в Эстонии подтвердил запрет на преподавание русского языка в русских школах (URL: <http://www.rosbalt.ru/world/2016/08/26/1544815.html>).

Пространства влияния русской культуры и русского языка, бескрайнего, не сводимого к административным границам Российской Федерации.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2003. – С. 23.

Там же. С.39

И традиционной, и классической.

Вступление России в Болонский процесс.

Подписание Беловежских соглашений.

Орлова И.Б. Евразийская цивилизация : Социально-историческая ретроспектива и перспектива. – М.: Норма, 1998. – С. 86.

Самусено И.М. Цивилизационная идентификация России [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/tsivilizatsionnaya-identifikatsiya-rossii> (дата обращения: 09.04.2018).

К русскому народу обычно причисляли всю восточнославянскую ветвь – великороссов, малороссов, белорусов.

Данилевский Н.Я. и современность : К 180-летию со дня рождения. – М., 2002. – С. 43. Н.Я. Данилевский и современность : К 180-летию со дня рождения : Сб. статей. Материалы науч. межрег. конференции, Москва, 2002 г. – Тверь: Булат, 2004.

Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М.: Книга, 1991. – С. 65. URL: <http://mediamega.ru/post/25615> (дата обращения: 10.04.2018).

Данилевский Н.Я. Россия и Европа... Там же. С. 66.

Там же. С. 68.

Память русской души или русская память, народная «живая» память.

«Организованная память», культура русской памяти, православная мемориальная культура, советская культура.

Подробнее в работах М.Петрова.???

«Красные» – «белые».

Ж.Ле Гофф, осмысливая новое качество исторической субъективности, отмечал три возможных направления: историю интеллектуальной жизни, историю ментальностей и историю ценностных ориентаций. Кризис идей, привычных стереотипов, символов, мифов и ценностей обнаружил себя в 1990-е гг. и до сих пор качественно не преодолен.

Три лика русского литературного патриотизма. Белый лик патриотизма (Шафаревич, Глазунов и др.), красный лик патриотизма (Проханов) и русский лик патриотизма (Шукшин, Мамлеев) – (автор понятий – Бондаренко), на наш взгляд, отражают политическое противостояние в современной России, различное осмысление истории России, ее прошлого, настоящего и будущего в русле государственного и политического патриотизма.

Святославский А.В. История России в зеркале памяти : Механизмы формирования исторических образов. – М.: Древлехранилище, 2013. – С. 420.

Мемориализация культурного наследия после революций принадлежит победителю.

Понятие Ирвин-Зарецкой.

Творческая, научная и политическая.

Память о войнах в Афганистане, Чечне, Приднестровье и др.

По Коннертону.

У Ильина – личностная память.

УДК 271.2:355.13(=161.1)

Серебряк Владимир Васильевич
Serebryak Vladimir Vasilievich

*Луганская академия внутренних дел имени
Э.А. Дидоренко*
*Lugansk Academy of Internal Affairs named after
E.A. Didorenko*

Серебряк Марина Владимировна*
Serebryak Marina Vladimirovna

*Луганский национальный университет имени
Тараса Шевченко*
Luhansk Taras Shevchenko National University

ПРАВОСЛАВНАЯ ВЕРА – ИСТОЧНИК ДУХОВНЫХ СИЛ РУССКОГО ВОИНСТВА

**The Eastern Orthodoxy is the source
of the moral courage of the Russian army**

В статье рассматривается историко-православный опыт русского воинства, его идеалы патриотического служения Отечеству. Отмечено, что православие в различные исторические периоды являлось краеугольным камнем государственности русского народа, условием хранения его уникальности среди других цивилизационных культур. Авторы подчеркивают, что именно Россия является оплотом православной веры и ее священная обязанность – защищать людей, единых по

* marinasv86@mail.com

духу. Это наглядно иллюстрирует историко-православная связь России и Сербии.

Ключевые слова: историко-православный опыт, православие, русское воинство, патриотизм.

The article deals with the historical and Orthodox experience of the Russian army, its ideals of patriotic service to the Fatherland. It is noted that Orthodoxy in various historical periods was a cornerstone of statehood of the Russian people, a condition of storage of its uniqueness among other civilizational cultures. The authors emphasize that just Russia is the stronghold of the Orthodox faith and its sacred duty is to protect people united in spirit. This is clearly illustrated by the historical and Orthodox connection between Russia and Serbia.

Keywords: historical and Orthodox experience, Orthodoxy, Russian army, patriotism.

Россия на протяжении многих веков имеет статус одного из основных мировых государств – центра притяжения сил, как положительного, так и отрицательного характера, что в свою очередь создает предпосылки к развитию не только сильной экономики, ресурсной базы, мощной армии, но и собственной духовно-нравственной концепции – нести миру свой уникальный историко-православный опыт. На сегодняшний день именно Россия является оплотом, защитником христиан, живущих в разных уголках мира. Действительно, она издавна усвоила некое священное право и тяжелую обязанность – помогать православным людям.

В различные исторические периоды существования русского народа православная вера являлась фундаментом его государственности, условием хранения уникальности и самобытности перед лицом других цивилизационных культур. «Русь Святая, храни Веру Православную, в ней же тебе утверждение», – эти слова знают все русские православные

люди. Можно без преувеличения констатировать, что история русского народа – это, прежде всего, история Святой Руси. Каждый православный человек всегда ощущает невидимую, но эмоционально-чувствительную связь с древней Святой Русью – изначальным истоком зарождения русской души. Праведный Иоанн Кронштадтский по этому поводу писал: «Держись, Русь, твердо Веры своей и Церкви, и царя православного, если хочешь быть непоколебимою. А если отпадешь от веры, то будешь уже не Русью Святою, а сбором всяких иноверцев, стремящихся истребить друг друга» [1]. Многолетний исторический опыт подтверждает правильность избранного нашими предками пути.

Целью нашей статьи является исследование историко-православного опыта русского воинства, его идеалов патриотического долга и примеров подвига самопожертвования ради веры и Отечества, который представляет собой концептуальную национальную преемственность воспитания поколений. Важность такого исследования подчеркивают слова И.А. Ильина: «Судьбы народа сокрыты в его истории. Она таит в себе не только его прошлое, но и его будущее; она являет собою его духовное естество: и его силу, и его дар; и его задание, и его призвание. История народа есть молчаливый глагол его духа; таинственная запись его судеб; пророческое знамение грядущего» [2].

Каждое государство, как и народ, имеет свой менталитет, дар Божий; у русского народа – это защищать православную веру. Неразрывная связь православной веры и её защитников, то есть армии, заложена изначалью, ещё во времена Крещения Руси. В 988 году в греческом городе Корсуне в церкви св. Василия крестилась, по преданию, вместе с князем Владимиром почти вся его дружина. Именно после этих событий начали формироваться священные воинские традиции. В сознании русского народа воинское служение стало восприниматься в сочетании с искренней верой, благочестием и национальным патриотизмом. Связь православной церкви и армии насчитывает уже не одно столетие, и после долгого периода искусственной изоляции религии от общества, православная вера вновь возвращается в армию, постепенно возрождаются духовные традиции русского воинства. Патриарх Московский

и вся Русь Кирилл в обращении к воинам отметил: «История, как давняя, так и та, которая творится у нас на глазах, ясно свидетельствует: воины должны быть сильны не только вооружением, но и высокой духовностью, и крепким национальным самосознанием. Армия, где собираются самые здоровые силы народа, по заветам Александра Суворова, должна быть школой нации» [3, с. 3]. Православная вера всегда воспитывала высокое чувство долга перед своим народом и ответственность каждого воина за судьбу Отечества. Любовь к Родине соподчинена тому, что происходит внутри человека; нельзя развивать чувство патриотизма в отрыве от духовной жизни, оно должно быть частью духовного мира человека.

Русское воинство издавна стало ревностным защитником православной веры. На весь мир Святая Русь прославилась благочестием своих князей, многие из которых были причислены к лику святых. Память о прошлом – это не просто воспоминания о событиях, нет, она заложила надёжный фундамент всей будущности государства, и в этом её глубокий смысл. Память о минувшем, как неразрывная связь поколений, живших, живущих и будущих, заключается в соборном сверхвременном единстве Духа воина-освободителя и русской души.

Святой воин-христианин, защитник православной веры, издавна был положительным героем для всех поколений, его образ становился источником написания летописей, житийной и классической литературы, а жизнь и подвиги – образцом для подражания. Многочисленные примеры мужества русских воинов во все времена оживляют и наполняют русскую душу особой силой Духа, которая объединяет все народы Руси в единый порыв защиты православной веры и Отечества. История подтверждает, что во всех жизненно важных или судьбоносных положениях, в которых оказывался русский народ, Господь, по молитвам святых, выделял ратных людей, которые с помощью силы Духа спасали его. Личности одухотворенные, которые впоследствии были признаны святыми, являются столпами духовности, патриотизма, беззаветного служения своему Отечеству и нравственным примером для будущих поколений.

Великие полководцы разных времён всю надежду в ратных сражениях возлагали на Бога: святой Александр Невский перед каждым сражением возносил молитвы к Богу. Как святой Архистратиг Михаил является вождём воинства небесного, так народ провозгласил Александра Васильевича Суворова своим земным «русским Архистратигом». Он всегда ставил превыше всего веру в Бога, которая помогала ему и его солдатам одерживать блестящие победы над врагами. Суворов был непоколебим в своем уповании на Бога. В его завещании говорится: «Молись Богу, от Него победа. Без молитвы оружия не обнажай, ружьё не заряжай, ничего не начинай. Всякое дело начинать с благословением Божиим» [4, с. 54]. В этом следует искать источник его гениальности как полководца. Озарение свыше и сила от Господа воинств дарованы были ему за истинную веру. А.В. Суворов был убеждён, что через искреннюю молитву на русского солдата нисходит помощь Божия, и он становится непобедимым. Ни одной битвы он не начинал и не заканчивал без молитвы, поэтому его войска не проиграли ни одного сражения.

Фёдор Фёдорович Ушаков – русский флотоводец, командующий Черноморским флотом, чья личная храбрость, искусное владение тактикой, выдающиеся качества командира и высокий духовный облик решили судьбу многих сражений. Это была, прежде всего, духовная победа, в которой христианское самоотвержение исполнило силой воинское искусство. Несомненное упование на помощь Божию и, следовательно, неустранимость перед неприятелем – вот что было решающим во флотоводческом таланте Феодора Ушакова.

Необходимо признать, что русскому народу довелось пережить множество бед и страданий. Практически каждому поколению наших предков довелось не единожды участвовать в войнах. Ещё в период Киевской Руси летописцы подметили, что забвение нравственных устоев и охлаждение к православной вере неминуемо навлекает на Отечество гнев Божий. Но, как и во все времена, Господь давал то, что всегда побеждало врагов, – Дух воина-освободителя. Сбылись слова просветителей Кирилла и Мефодия, справедливые на все времена: «Вы приняли бесценный дар – святое православие, храните его.

Если вы ослабеете в вере православной, то вас одолеют враги ваши, и вы станете их рабами» [5].

Пора, наконец, всем понять и осознать, что все бедствия нашего народа: порабощения, смуты, бунты, революции, войны и многое другое – являются следствием богоотступничества, богоборчества, клятвопреступления и беззаконий против нравственности. Высокопреосвященнейший Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн сказал: «И было бы всё это нестерпимо больно и беспросветно, если бы не утешала нас вера Православная, если бы не являла собой русская история поприще дивного промысления Божия, поучительную картину многочисленных чудес – религиозного подвижничества, государственной мудрости и воинской доблести – всякий раз спасавших Россию в смутные годы общественных бед и несчастий... Ныне всё зависит от нашей готовности к духовному труду, внутреннему религиозному возрождению. Воспрянем же – и с Божией Помощью сможем одолеть..., всех врагов, сколь бы ни были они страшны и многочисленны!» [6, с. 43].

Необходимо отметить, что православные люди всего мира с надеждой смотрят на возрождение Святой Руси как оплота и хранительницы православной веры. Это ярко иллюстрируют исторические связи России и Сербии, которые имеют многовековую традицию, начиная со времён Крещения Руси. Отношение этих двух народов основывались на православной вере, народное сочувствие к угнетенным братьям-единоверцам, находящимся под властью Османской империи, всегда выражалась в добровольческом движении. Большие денежные пожертвования, на которые приобретались оружие, продовольствие и медикаменты, переправлялись сербским повстанцам. Например, в 1876 году по России прокатилась волна солидарности в поддержку южнославянских государств. Офицеры русской армии уходили во временную отставку, чтобы поступить на службу в сербскую армию. В госпиталях Сербии и Черногории работали русские добровольцы-врачи, среди которых были Н.В. Склифосовский, С.П. Боткин. В ряды добровольцев вступали и крестьяне, которые отправлялись в Сербию на свои средства. На вопрос, что заставило их ехать туда – не нужда ли? – крестьяне отвечали, что они живут не

хуже других, а желают помочь братскому славянскому народу: «Душа не выносит того, что делается теперь в тех местах» [7, с. 480].

В разные времена Россия предоставляла сербам, которые бежали от гнета Османской империи, возможность поселения на своих территориях (в частности, на территории Луганской области), активно привлекала сербов и черногорцев на российскую службу, создавала особые условия для сербских переселенцев. История сербских поселений, равно как и сербов на русской службе, принципиально важна для понимания отношения этого народа к России. Готовность Сербии принять русских эмигрантов в 20-е годы XX века напрямую проистекает из готовности России принять сербских беженцев в XVIII–XIX веках и того вклада, который Россия внесла в формирование сербской культуры. Как справедливо отмечает крупнейший югославский византолог, историк русского происхождения В.А. Мошин, «эпоха, ставшая для южных славян временем тяжкого рабства, для их восточных братьев оказалась эпохой рождения новой политической жизни. Именно в это время Москва формулирует свою политическую миссию: защищать христианский мир от неверных и охранять Православную церковь» [8].

Нам необходимо всегда помнить величайший историко-православный опыт всей прошлой и настоящей жизни нашего Отечества: Русь жива православной верой, без неё она ничто. Это должно стать смыслом нашего существования как народа духовно-нравственного, народа – воина-освободителя, воина-защитника православной веры. Необходимо бережно хранить и передавать из поколения в поколение историко-православный опыт нашего народа. За время тоталитарного режима была разрушена преемственность исторического сознания народа, потеряны многие идеалы и забыты поучительные страницы тысячелетней истории Святой Руси, было подавлено личное и национальное самосознание и попораны духовные и нравственные основы жизни, человек перестал уважать свое прошлое. Будущая государственность России напрямую зависит от того, будут ли духовно-нравственные ценности поставлены в основу всей государственной системы, особенно по воспитанию подрастающего поколения. Президентом

Российской Федерации В.В. Путиным отмечено: «Для гражданина России особенно важны моральные устои. Именно они составляют стержень патриотизма, без этого России пришлось бы забыть и о национальном достоинстве, и о национальном суверенитете» [9, с. 9]. Государство держится на армии, воспитанной на примере святых ратоборцев и полководцев – носителей и защитников православной веры, на силе Духа, которая подается воинам во время оборонительно-освободительных войн за Отечество, свой народ и православную веру. Мы должны разумно и благоговейно относиться и хранить Божий дар – православную веру, как неиссякаемый источник, питающий во все времена национальный дух русского народа.

ЛИТЕРАТУРА

Кронштадтский И. Золотые слова о значении веры православной / Иоанн Кронштадский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://profilib.net/chtenie/66412/ioann-kronshtadtskiy-zolotyе-slova-o-znachenii-very-pravoslavnoy-3.php>

Ильин И.А. О путях России / И.А. Ильин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://politinform.su/pervaya-polosa/24196-o-putyah-rossii-ivanaleksandrovichilin.html>

Кирилл Патриарх Слово к воинам / Патриарх Московский и всея Руси Кирилл // Православный воин: сборник статей на православно-патриотическую тему. – М, 2011. – С. 3.

Жукова М.Г. Твой есмь Аз. Суворов / М.Г. Жукова. – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2010. – 160 с.

Власов Н. Гимн Православию / священник Никандр Власов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://ruskline.ru/analitika/2011/09/22/gimn_pravoslaviyu

Ильин И.А. Победа с Божьей помощью / И.А. Ильин // Православный воин: сборник статей на православно-патриотическую тему. – М, 2011. – С.44–47.

Громько М.М. О воззрениях русского народа / М.М. Громько, А.В. Буганов. – М. : Паломник, 2007. – 527 с.

Мошин В. Тречи Рим и Јужни словени / В. Мошин // Руско-Југословенски алманах. – Панчево, 1934. – С. 53.

Полтавченко Г.С. Государство и религиозные объединения: возможности взаимодействия в сфере образования / Г.С. Полтавченко // Религия и школа в современной России. – М. : «Планета 2000», 2003. – С. 9–16.

УДК 271.2:173

Богиня Юлия Александровна*

Boginya Julia Alexandrovna

*Луганский национальный университет имени
Тараса Шевченко*

*Духовно-просветительский центр имени св.
Нестора Летописца*

Lugansk National Taras Shevchenko University

*Spiritual and educational center named after St.
Nestor the Letopisec*

ПРАВОСЛАВНЫЙ ВЗГЛЯД НА СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

**Orthodox view on family
values in modern society**

Аннотация

В статье поднимается вопрос о семейных ценностях, которые претерпели некие искажения в современном обществе. Речь ведётся о браке и семье как целостном организме, о ценности обряда венчания, психологических аспектах и значении подобных традиций; анализируется отношение современной молодёжи к нетрадиционным формам брака в сравнении с православным мировоззрением. Приводятся цитаты и высказывания как классиков-богословов, так и современных священников,

* E-mail 2069952@mail.ru

которые учат правильному отношению ко всему, что касается семьи и её ценностей.

Abstract

The article raises the question of family values, which have undergone some distortions in modern society. It is about marriage and the family as a whole organism, about the value of the wedding ceremony, the psychological aspects and significance of such traditions; the attitude of modern youth to non-traditional forms of marriage in comparison with the Orthodox worldview is analyzed. Quotations and statements of both the classics-theologians and contemporary priests are taught, which teach the correct attitude to everything that concerns the family and its values.

Ключевые слова: семья, семейные ценности, традиция, православие, духовность, общество.

Key words: family, family values, tradition, orthodoxy, spirituality, society.

Святитель Николай Сербский о браке сказал так: «В браке две плоти становятся плотью единой, два храма Духа Святого обретают единый кров» [1].

Действительно, семья – это «плоть едина», это целостный организм. Вступая в брак, люди должны понимать, что они не только берут на себя ответственность за другого, а, возможно, и многих других членов семьи, которые будут являться плодами этого брака. Недаром в семейной традиции большое внимание уделяется обряду бракосочетания, в православной традиции – чин венчания. Это не просто культовый обряд, дань традициям, это мощный психологический якорь, закрепляющий за супругами их права и обязанности, их ответственность не только друг перед другом, но и перед родственниками как своими, так и противоположной стороны. Таким образом,

молодожены, одев на правую руку обручальное кольцо, дают понять всем остальным, что они состоят в новом социальном статусе, который их ко многому обязывает, они также показывают другим мужчинам и женщинам, что их сердце принадлежит одному человеку, и они готовы хранить верность.

Некоторые современные молодые люди, особенно это принято в странах Европы, заранее договариваются, что, вступая в брак, они имеют право на якобы «личную жизнь», боясь тем самым ограничить свою «свободу».

Человек, связав себя узами брака, действительно лишается той безграничной свободы, которая была у него в статусе холостяка. Однако нужно понимать, что в браке люди приобретают гораздо большее, нежели мнимая «свобода», которая зачастую тяготит и обременяет современных людей, называясь одиночеством.

Пышность торжества свадебной церемонии говорит о том, что родители жениха и невесты готовы затратить все материальные ресурсы для того, чтобы молодожены раз и навсегда соединились и никогда не разлучались. Белое платье невесты – цвет невинности, женщина может одеть лишь один раз в жизни.

Православие приемлет единственный венчанный брак. Народная мудрость гласит, что «браки совершаются на небесах», «первая жена от Бога» и тому подобное.

По церковному уставу существует всего два чина совершения таинства брака. Причем второй чин – для вступающих во второй брак (если один из супругов овдовел). А при живом супруге – особый случай. Если вторая половина уходит из семьи и не желает жить с бывшим супругом. А вообще, православное мировоззрение не приемлет без серьёзного повода отпускать свою вторую половину. Третий брак не приемлем вообще.

Современный взгляд на семью отличается кардинальным образом, В рамках семейного клуба «Любовь мудра», что регулярно ведётся на площадке Духовно-просветительского центра имени св. прп. Нестора Летописца, студентами часто высказываются такие мнения, что с первого раза невозможно

удачно выйти замуж или жениться, якобы для этого необходим длительный путь проб и ошибок; массовое мнение молодёжи о том, что если что-то не понравится, можно сразу развестись и не мучиться всю жизнь с нелюбимым человеком; мнение «зачем терпеть, если ты разлюбил и чувства остыли». Все эти высказывания являются деструктивными установками на семью и семейные ценности.

Православие не благословляет пробный, или как его теперь называют «гражданский брак». Наша современная молодёжь в своём большинстве одобряет эту форму «брака», высказывая шаблонную фразу, что «печать в паспорте ничего не значит». Однако это лукавство, поскольку любая печать в паспорте – это очень серьёзно и ответственно. Если, например, сказать человеку, что он прописан где-либо, но печать в паспорт не ставить, объясняя тем, что «она ничего не значит». Сможет ли доказать человек, что действительно проживает на той или иной территории? У него может возникнуть с этим много проблем. По словам православного психолога Ирины Рахимовой «имеет значение не столько печать в паспорте, сколько действие жениха и невесты – их произволяющая готовность поставить надписи в свидетельстве о браке, те слова, которые они говорят друг другу. Сознательно или нет, они дают при этом друг другу обязательства и права» [].

На самом деле такая установка на «несоздание семьи» является точным свидетельством психологической неготовности современной молодёжи к семейной жизни. Согласно нашим исследованиям, во время юношеского периода и периода ранней молодости люди склонны к одобрению формы сожителства, а не официально зарегистрированного брака. Именно поэтому в этом возрасте у молодых людей есть риск совершить массу жизненных ошибок, которые, порой, невозможно исправить. Очень важно в этом возрасте вести доверительные беседы о значении семьи и семейных ценностях. Просветительскую же работу необходимо начинать гораздо ранее, начиная с младших классов школы, поскольку, согласно наших исследований младших классов, понятия о настоящих семейных ценностях зачастую искажены уже у их родителей.

Семья не терпит проб, но допускает ошибки, которые нужно учиться исправлять, не меняя партнёра.

Хочу привести несколько цитат православных священников, наших современников, которые очень чётко и точно характеризуют семью и брак, дают очень мудрые советы. Протоиерей Алексей Уминский очень точно сказал: «Брак – это не то пространство, где человек живет безошибочно. Это пространство, в котором люди друг другу прощают ошибки» [3].

«Жить в семье и не РАСТИ ДУХОВНО невозможно. Потому что семья будет от вас требовать терпения. Семья будет трепать ваши нервы и пить кровь, семья будет воспитывать у вас целый ряд прекрасных качеств, таких как мужество перед житейскими невзгодами, например. Поэтому семейный человек – это закаленный, всеми ветрами обдутый человек. В семье реально спасаются!» [3]. Это слова протоиерея Андрея Ткачёва, который умеет всегда с юмором, но очень чётко обозначать понятия.

Протоиерей Николай Могильный о браке сказал так: «Господь так соединяет людей, чтобы они своими немощами давили на большие места и таким образом помогали друг другу меняться» [3].

Священник Алексей Юдин: «Первый этап развития семьи – научиться друг друга терпеть. На это уходит по разным оценкам порядка 10 лет. Что это значит – научиться терпеть. Это не значит, что ждуть, скрежеща зубами, когда же на супруга упадет метеорит. Терпеть – это значит сломать себя под другого. Каким образом? Характер – это нужно сломать под другого. И другой должен сделать то же самое. Это воспринять другого как самого себя. В этом процессе один становится частью другого. У нас же чаще видно как мы другого ломаем под себя. Если двое учатся терпеть друг друга, то через некоторое время происходит чудо – они становятся едиными» [3].

Действительно, для того, чтобы достигнуть семейных высот, необходимо пройти длительный путь терпения и прощения. В семье не может погаснуть настоящая любовь, потому что в семье любви можно научиться. Не страстной

любви, а настоящей, искренней, выдержанной общими испытаниями и скорбями. И если после этого люди остаются вместе, то можно уверенно заявить, что они научились любить.

У святителя Николая Сербского есть целая беседа о любви [1]. То, что преподносит нам в своих размышлениях этот мудрый старец не идёт ни в какие сравнения с современными понятиями о любви. У святителя Николая любовь – это самое высшее и светлое чувство, которое проявляется через отношения с ближними, преобразуясь в Божественную любовь.

О любви он сказал так: «Наши ближние являются для нас школой, где мы упражняемся в самой совершенной любви – любви к Богу. Всякое дело любви, сотворенное нами какому-либо человеку, более разжигает нашу любовь к Богу»[1].

Хочется надеяться, что современное общество рано или поздно осознает ценность подобной любви. Только в этом случае институт брака сможет окрепнуть и люди научиться создавать крепкие семьи.

ЛИТЕРАТУРА

Святитель Николай Сербский (Велимирович). Беседы./ Св.Н.Сербский (Велимирович) – М., Изд. «Лодья», 2001.

И.А.Рахимова. Нам не жить друг без друга./ Рахимова И. А. – М., Изд. Московской Патриархии, 2014.

Высказывания святых отцов православной Церкви, современных священников о семье. //Православный интернет-журнал «Преображение».

УДК 271.2-584:316.752(1-15)

Беспалова Татьяна Викторовна

Доктор философских наук

Руководитель Отдела государственной культурной политики

Российский научно-исследовательский институт

Культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачева (Москва)

Ларионцев Михаил Михайлович

Кандидат культурологии, руководитель Отдела актуализации наследия

Российский научно-исследовательский институт

Культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачева (Москва)

Герасимов А.В.

Старший преподаватель кафедры философии и социологии

ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»

**ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ
ПРАВОСЛАВИЯ КАК
АЛЬТЕРНАТИВА
ПСЕВДОЦЕННОСТЯМ
ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ**

Культурно-духовная подсистема социума через институт церкви и различные социальные организации, в нашем обществе – это, прежде всего Русская Православная Церковь Московского Патриархата продуцирует духовные ценности социума. По своей сути духовные ценности являются вневременными, метаисторическими нравственно-моральными идеалами, т.е. некими прогнозами, направленными не только и не столько на ближайшую, но скорее на далекую перспективу развития.

Следует отметить, что духовные ценности Православной церкви были привнесены в Древнюю Русь из лона материнской цивилизации (если использовать терминологию А. Тойнби), т.е. Византии. При этом, именно на базе духовных ценностей Православной церкви развивались институты государственности Древней Руси, Московской Руси и в последующем Российской империи. Таким образом, духовные ценности Православной церкви не были доминирующими в нашей истории только в период коммунистического эксперимента. После демонтажа СССР, во вновь образованных независимых государствах возник идеологический и ценностный вакуум. В Украине это положение усугубилось тем, что последние два десятилетия украинская правящая элита, опираясь на электорат западной и центральной Украины, постоянно двигалась в сторону Западного суперэтнуса, а также внедряло в сознание общества т.н. «западные ценности». По своей сути – это псевдоценности. По мнению Э. Фромма, это, прежде всего ценности рынка, так как именно рынок определяет ценность всех благ в западном обществе [3]. Человек при этом выступает как вечный потребитель, - *Nomo consumens*. Кроме этого сам человек превращается в товар, оценивая свою жизнь, как капитал, который следует выгоднее вложить. Его ценность определена спросом, а не человеческими достоинствами. Такой человек руководствуется, прежде всего, эгоистической заботой о себе, выступает при этом как система желаний и их удовлетворения. При этом желания и потребности постоянно стимулируются, направляются и манипулируются экономико-политическим механизмом западного общества. Такому человеку уже не нужны религиозные (духовные) ценности, которые он преобразует в пустые формулы. Поэтому, если Ф. Ницше в 19 в. утверждал, что «Бог умер», то в 20 в. отчужденный

одномерный западный человек сделал Бога партнером по бизнесу.

Таким образом, западный человек - это, прежде всего конформист, ориентированный на псевдоценности эгоизма, потребления и гедонистического материализма.

На наш взгляд, в Западной цивилизации произошла подмена позитивного мироощущения (на котором базируются и духовные ценности Православия) негативной идеологией по следующей схеме: гностики - манихеи - Августин Блаженный – Реформация (Ж. Кальвин и М. Лютер) - Протестантизм - европейский рационализм - капитализм - современный проект глобализма западной цивилизации [4].

Высказанное выше предположение основывается на анализе трудов Гумилева Л.Н., Достоевского Ф.М., Фромма Э., Фогелина Э., а также Эйзенштадта Ш. и других авторов. В частности Эйзенштадт Ш. полагает, что «великие революции можно рассматривать и как... наиболее успешные попытки в истории человечества осуществить на макросоциальном уровне утопическое представление с сильными гностическими компонентами» [6]. Кроме того, он считает заслугой Фогелина Э. то, что последний указал на очень давние истоки современных культурных и политических программ западного образца, уходящих корнями к различным гностическим учениям и течениям.

Восприняв негативную идеологию, западное общество через бесконечную свободу приходит к тотальной несвободе или к безграничному деспотизму [2]. О чем, пророчески предупреждал Ф.М. Достоевский (глава «Великий инквизитор»), считая, что западное общество поддалось на искушение «хлебом», т.е. материальным благополучием, отдав за место него одну из главных ценностей истинного христианства, - свободу воли [1].

На наш взгляд Западная цивилизация уже давно не является христианской по своей сути. Вспомним евангельскую притчу об изгнании Иисусом Христом бесов: «И когда Он прибыл на другой берег в страну Гергесинскую, Его встретили два бесноватые, вышедшие из гробов, весьма свирепые, так что никто не смел проходить тем путем.

И вот, они закричали: что Тебе до нас, Иисус, Сын Божий? пришел Ты сюда прежде времени мучить нас.

Вдали же от них паслось большое стадо свиней.

И бесы просили Его: если выгонишь нас, то пошли нас в стадо свиней.

И Он сказал им: идите. И они, выйдя, пошли в стадо свиное. И вот, всё стадо свиней бросилось с крутизны в море и погибло в воде.

Пастухи же побежали и, придя в город, рассказали обо всем, и о том, что было с бесноватыми.

И вот, весь город вышел навстречу Иисусу; и, увидев Его, просили, чтобы Он отошел от пределов их» [5]. Западное общество подобно жителям этого города добровольно отказалось от Христа, а значит и от истинных ценностей христианства.

Без сохранения пассионарности морально-религиозного типа, без воскресения истинных духовных ценностей современность рискует соскользнуть в варварство, и даже дикость.

Так, поддавшись на соблазн Западного мира, украинская политическая элита (в большинстве своем, - полукриминальная и компрадорская), привела Украину к таким последствиям: на протяжении 2014 – 2018 гг.:

- вместо «евростандартов», - обнищание населения в три раза, гиперинфляция и по сути финансово-экономический дефолт. Полный разрыв экономических и кооперационных связей с РФ;

- вместо демократии и свободы, которые были провозглашены на «евромайдане», - политическая, идеологическая и этническая нетерпимость; олигархи и ультранационалисты (по своей сути, - откровенные нацисты) у власти, в армии и в государственном аппарате;

- вместо гражданского общества, - гражданская война на юго-востоке, с использованием запрещенных (всеми конвенциями ООН) в населенных пунктах видов

оружия. В результате, - по данным ООН, - более 10 тысяч погибших мирных жителей. Из них более 300 детей! По данным внешней разведки Бундесвера (ФРГ), в итоге продолжающейся гражданской войны на Украине погибло более 50 тысяч человек;

- вместо суверенитета, - внешнее управление (США и др. страны Запада) и иностранцы на руководящих постах;

- вместо развития украинской нации и культуры, - запрет всей советской символики, традиций, ценностей, священного для каждого из нас праздника 9 мая, фальсификация истории, ложь, двойные стандарты и массовый снос памятников советской эпохи по всей Украине, кроме территорий, контролируемых ополченцами;

- вместо прав человека, - унижение, оскорбление политических оппонентов, а главное похищение и убийства оппозиционеров, депутатов, журналистов, и просто людей несогласных с проведением этого нечеловеческого эксперимента над 40 млн. страной.

ЛИТЕРАТУРА

Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 9. – Ленинград: «Наука», 1991.

Панарин А.С. Философия истории: Учебное пособие. – Москва: Гардарика, 2001. – 432 с.

Фромм Э. Психоанализ и этика. – Москва: Республика, 1993. – С. 285-287

Герасимов О.В. Духовні цінності православ'я як найважливіший чинник формування екологічного світогляду в сучасному українському суспільстві. - Збірник наукових робіт 1 Всеукраїнської науково-практичної конференції «Сучасні екологічні проблеми України» (Луганський інститут МАУП). – 2009.

От Матфея святое благовествование. - [Электр. ресурс] // Режим доступа: <http://lib.pravmir.ru/library/readbook/483> - Заголовок с экрана.

Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. – Москва: Аспект Пресс, 1999. - 416 с.

УДК 27-75:371.13

Чеботарева Ирина Владимировна*
Chebotariova Irina Vladimirovna

*Луганский национальный университет имени
Тараса Шевченко*

Taras Shevchenko Lugansk National University

РОЛЬ ХРИСТИАНСКОЙ ПЕДАГОГИКИ В ФОРМИРОВАНИИ ДУХОВНО- ПРАВСТВЕННЫХ ОСНОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ

**The role of christian pedagogics in the
formation of moral and spiritual basis of
professional behavior of future pedagogues**

В статье анализируется потенциал христианской педагогики в процессе формирования духовно-нравственных основ профессионального поведения будущих педагогов. Обосновывается сущность таких христианских ценностей как вера и любовь. Акцентируется внимание на методических аспектах использования возможностей христианской педагогики в процессе подготовки магистров.

The potential of Christian pedagogics in the process of formation of moral and spiritual basis of profes-

* irina_pedagogika@mail.ru

sional behavior of future pedagogues is analyzed in the article. The essence of such Christian values as faith and love are substantiated. The attention is concentrated on the methodical aspects of using the possibilities of Christian pedagogics in the process of preparation of students obtaining Master's degree.

Ключевые слова: христианская педагогика, профессиональная модель поведения, будущий педагог, духовно-нравственные основы.

Keywords: Christian pedagogics, professional pattern of behavior, future pedagogue, moral and spiritual basis.

Овладение человеком миром и средства, которые он использует для покорения природы, привели к глобальным проблемам. Как отмечают ученые всего мира, причем как представители естественно-математических, так и социально-гуманитарных наук, налицо кризис современной цивилизации: техногенные и экологические катастрофы, глобальное потепление, угроза от применения ядерного оружия, трансформация семьи как социального института, терроризм, депрессии, неуправляемость общественных систем, появление новых болезней и т.п. Большинство проблем, возникших у человечества, носят не экономический или технологический характер, а лежат в плоскости человеческих свойств (А. Печчеи); глобальный кризис является по сути психодуховным кризисом, а его преодоление возможно при условии радикальной глубокой внутренней трансформации человека, достижения им духовной зрелости (С. Гроф).

Основной причиной духовного кризиса является забвение золотого правила нравственности, лежащего в основе многих мировых религий (в христианстве, например, Евангелие от Матфея 7:12) служащего ядром, регулятором поведения человека и залогом стабильности общества. Забвение золотого правила нравственности привело к потере ценностных ориентиров, вытеснению духовных ценностей материальными,

к неспособности человека жить согласно совести и нести ответственность за принятые решения. Современный человек утратил жизненные духовно-нравственные основы, являющиеся для него иммунной системой, защищающей от «мировоззренческой катастрофы» (В.И. Слободчиков). Возомнив себя покорителем Вселенной, человек забыл, что он есть Образ Божий и для своего созидательного существования должен жить и творить по нравственным законам, данным ему Создателем, ценностно относиться к ближнему как удивительному венцу творения и окружающему миру, созданному для него с любовью.

Важное значение в преодолении глубокого духовного кризиса имеет педагогическая деятельность, в частности, готовность педагогических кадров моделировать свое профессиональное поведение на духовно-нравственных основах. С нашей точки зрения, усвоение будущими специалистами христианской педагогики, основанной на таких ценностях как вера, любовь, человек, свобода, ответственность, совесть, является условием подготовки нового педагога, способного качественно организовать духовно-нравственное воспитание молодого поколения и сформировать у него систему ценностей, руководствуясь которой можно снизить негативные тенденции в обществе. Как никогда актуальными являются мысли К.Д. Ушинского, подчеркивающего, что нехристианская педагогика является безголовым уродом и деятельностью без цели и результатов.

Акцентируем внимание на некоторых христианских ценностях, на важности их взращивания у будущих педагогов.

В первую очередь, обратимся к такой ценности как христианская вера. По глубокому убеждению Святейшего Патриарха Кирилла, благодаря вере человек устанавливает связь с Богом, размышляет, мотивирует свои поступки. Вера – это сила, способная защитить нравственное чувство человека [9].

Представитель христианской психологии Б.С. Братусь моральное воспитание молодежи видит в плоскости поиска веры как психологического факта, как необходимого условия и поддержки в любой деятельности. Вера человека, по мнению

ученого, служит созданию целостного образа его будущего, который «поддерживается и живет в нем, с которым у него эмоциональная, теплая связь, в который он верит, часто несмотря на колебания, ослабление воли или разумные доводы, призывающие повременить или вовсе прекратить деятельность» [3, с. 15]. С нашей точки зрения, педагог, на основе христианской веры, способен смоделировать профессиональную деятельность как процесс выполнения важнейшей миссии на земле – соработничество с Богом (Первое Послание к Коринфянам 3:1–9) по возвращению добрых ростков у молодого поколения, искоренению зла, проникнувшего в сердце и разум ребенка.

Б.С. Братусь настаивает на рассмотрении личности и ее духовного развития в ракурсе христианской психологии. Если моральная психология видит нравственное развитие личности как норму, главное условие развития человека, признание его как самоценности, то христианская психология кроме перечисленных моментов видит человека как сакральную ценность, Образ Божий, а его развитие – это путь подражания Христу. Ученый отмечает, что отказ от христианских идеалов, как уже показал опыт нашей страны, привел к иллюзорному счастью – «и земля не родит, и нравственность гибнет, и наука из необходимого подспорья становится опасной и античеловеческой» [4, с. 41]. Чтобы педагог мог достойно выполнять служение делу воспитания Личности, роль соработника Бога, безусловно, ребенок должен восприниматься им как ценность, как Образ Божий, который, как отмечает протоирей А. Зелененко, оказался в человеке поврежденным, но не уничтоженным. Он нуждается в исцелении и преображении своей природы, что, несомненно, может сделать только педагог, который руководствуется в своей деятельности системой христианских ценностей. А. Зелененко заключает: «Педагог, как детоводитель должен вести ребенка не к себе, а – посредством собственных и совместных усилий – ко Христу» [7].

А.М. Двойнин подчеркивает, что основной функцией веры является сохранение устойчивости личности, под которой понимается сохранение человеком своих личностных позиций, владение иммунитетом к чуждым взглядам, воздействующим

на человека. «Поэтому для конкретного верующего сверхъестественное (трансцендентное, Бог) не выступает в качестве идеи, догматического положения. Бог реально существует как автономный и самостоятельный субъект, который присутствует в жизни человека – человек общается с Богом, чувствует Его действие в своей жизни, совершает дела в Его имя и т.п. Поэтому по психологической природе религиозная вера это не одержимость идеей Бога, а взаимоотношения с Ним» [6]. Основываясь на суждениях А.М. Двойнина следует подчеркнуть, что отсутствие сформированных духовно-нравственных основ профессионального поведения педагога (нравственной устойчивости личности) привело к тому, что молодое поколение стало не способно сопротивляться ценностям западного общества (прагматизм, гедонизм, материализм, индивидуализм, власть, собственность, комфорт, свобода, не ограниченная моралью, искаженная мораль), которые усиленно пропагандируются через СМИ и преподносятся молодым людям в привлекательном виде. Эти ценности стали заполнять сознание детей и молодежи, что, безусловно, отразилось на духовном состоянии общества.

С точки зрения В.А. Сарапулова, обретение Любви и Веры как ценности дает возможность по-новому посмотреть на человека, на его предназначение в изменчивом мире. Как цель является смыслообразующим фактором, так и вера является фактором нахождения смысла жизни. «Вера своим внутренним, духовным действием производит совершенно реальные результаты: человек уподобляется тому, в Кого или во Что он верит» [8, с. 99]. Настоящая вера, по мнению В.А. Сарапулова, отвергает насилие, что делает ее созидательной силой. Благодаря вере человек признает и принимает определенные ценности абсолютными, и делает их своими внутренними установками.

Тысячелетия существования человечества подтвердили тот факт, что без веры и руководства системой ценностей, данной нам Всевышним, невозможно человеку счастливо выстроить свою жизнь. Протоиерей А. Ранне подчеркивает, что причина большинства проблем человечества, духовной неблагополучности кроются в отрыве от духовного источника, данного Богом людям [5, с. 26–27].

Обратившись к Библии, написанной под вдохновением Бога, мы находим, что вера, подкрепленная делами (Послание Иакова 2:26), дает человеку возможность быть в мире со Всевышним и иметь доступ к даваемой Им благодати (Послание к Римлянам 5:2, Евангелие от Марка 11:23). Апостол Павел мысль о вере выразил таким образом: «Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом. В ней свидетельствованы древние. Верою познаем, что веки сотворены словом Божиим, так что из невидимого произошло видимое» (Послание к Евреям 11:1–3).

Акцентируем внимание на любви как христианской ценности, которая тесным образом связана с верой. Иисус – Великий Учитель, проповедуя Истину, дал народу две основные заповеди («возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим, ... возлюби ближнего твоего, как самого себя») (Евангелие от Матфея 22:37,39), на соблюдении которых утверждается весь закон, сохраняются добрые отношения с Отцом Небесным и между людьми.

Следует подчеркнуть, что подготовка педагогических кадров должна основываться на культивировании Любви как высшей ценности. В вузах любовью необходимо не только напитывать будущих педагогов, но и обучать студентов использовать в профессиональной деятельности это ценное средство педагогического воздействия на развивающуюся личность. Ведь как показала история, классическая педагогика «работает» и способна творить чудеса по духовному преобразению человека, поскольку построена на любви к воспитаннику. В этом отношении ценными являются мысли и деятельность педагога-классика В.А. Сухомлинского, утверждающего, что, не имея в сердце высочайшей ценности – любви, педагог не имеет права работать с воспитанниками. Такому учителю необходимо либо получить другую специальность, либо развить в себе эту ценность, что не менее важно, чем интеллектуальное развитие. С точки зрения В.А. Сухомлинского, любовь – это благоговение перед духовным богатством ребенка, сердечность, доброта, это та сила, благодаря которой педагог влияет на духовный мир воспитанника, это источник, из которого учитель черпает

новые силы. «Любовь учителя к детям рождается в горении, в борьбе за человека, нередко – в муках» [10].

На основе любви строит свою деятельность и педагогические суждения Рыцарь Гуманной педагогики Ш.А. Амонашвили. С точки зрения ученого, любовь в педагогической сфере является той скалой, на которой можно строить дом, и он не разрушится. «Образовательное пространство должно быть заполнено до краёв духовной, мудрой, одухотворяющей, жертвенной любовью воспитателей и учителей к детям, ученикам. Для гуманной педагогики это аксиома» [1].

Педагог, испытывающий любовь к миру, профессии, к воспитанникам, ощущает счастье, радость от того, что он способен дарить любовь другим людям. «Большее счастье – давать, чем получать» (Деяния 20:35). У такого педагога не иссякает источник творчества, он в течении всего профессионального пути способен продуцировать интересные для воспитанников и коллег проекты, направленные на созидание духовно-нравственной личности, вовлекать в них семьи воспитанников, тем самым создавая условия для эманации любви и добра. Акцентируем внимание на методических аспектах использования возможностей христианской педагогики в процессе формирования духовно-нравственных основ профессионального поведения будущих педагогов на примере изучения дисциплины «Духовно-нравственные основы развития личности» (для студентов магистратуры направления подготовки «Педагогическое образование» (профили «Дошкольное образование» и «Начальное образование»). В рамках темы «Духовно-нравственные основы жизнедеятельности человечества» мы рассматриваем педагогику Ветхого и Нового Заветов. Прежде, акцентируем внимание будущих педагогов на том, что планета Земля и все, что ее наполняет, было создано Всевышним как дивное творение. Для счастливой жизни человека Бог предусмотрел все до мельчайших нюансов, за что мы должны быть Ему благодарны и ответственны за сохранение окружающей среды для последующих поколений. Важно акцентировать внимание студентов на том, что человеку Бог дал свободу в праве выбора, однако эта свобода для блага самого человека должна быть ограничена совестью и ответственностью за принятия

решений и их последствия даже в далеком будущем. Особенно ответственна деятельность педагога, поскольку от принятых им решений зависит судьба многих поколений воспитанников.

Мы обращаем внимание студентов на то, что человечество находится в точке бифуркации, и у него практически не осталось времени для изменения взаимоотношений с Природой, для обуздания своих возросших потребительских appetитов. Преодоление глубокого духовного кризиса возможно путем преобразования внутреннего мира человека, а через него – преобразование и окружающего мира.

Важным моментом в процессе обращения к педагогике Ветхого Завета является демонстрация студенческой молодежи негативных последствий безнравственного поведения человека (изгнание из рая, Всемирный Потоп, Содом и Гоморра и др.). Мы задаемся вопросом: «В чем сущность воспитания в дохристианский период?». В этом отношении ценными являются мысли протоирея Е. Шестуна, подчеркивающего, что «во время получения Моисеем закона и заключения Богом завета с отдельным народом человечество находилось в состоянии поисков путей общественной жизни, обеспечивающей ему благополучное бытие и здоровое развитие. Господь в Синайском законодательстве указывает, что этот путь возможен при условии, если взаимоотношения человека с Богом будут иметь характер сыновства. Десять заповедей есть не что иное, как определенное и объективное изложение норм человеческой совести, данной Господом человеку при его создании» [11, с. 40].

Что касается Нового Завета, то основное внимание мы уделяем деятельности Иисуса, проповедовавшего педагогику любви. Мы акцентируем внимание будущих педагогов на уникальной системе обучения Иисуса, благодаря которой Он мог открывать Истину любому человеку, независимо от его происхождения, пола, социального положения. Методы, средства, применяемые Великим Учителем, были действенными, во-первых, потому что Он есть совершенное отражение своего Отца, во-вторых, Иисус, как совершенная

Личность, Сам строго выполнял нравственные законы и учил

им следовать всем людям.

Мы подводим к тому, что в Священном Писании заключена великая мудрость, Истина, познание которой открывает человеку замыслы и законы Творца, выполнение которых защищает человека от Зла и приближает к Богу. По сути, Библия является руководством человеку как стать Человеком, это педагогика человеководения к радостной и счастливой жизни, жизни в мире с самим собой и Богом, как законодателем Вселенной, в которой человек является самым сложным созданием, наделенным свободой и способностью мыслить, чувствовать, отвечать за сохранность мира, созданного для него с любовью. Библия является педагогикой от самого Творца, знающего хорошо свое творение, его духовную и физическую сущность.

Итак, педагог, впитавший христианские ценности, способен моделировать свое профессиональное поведение на духовно-нравственных основах. Непрерывное постижение законов, принципов Отца Небесного (Осия 6:3), поможет познанию педагогом ребенка как Образа Божьего, чтобы в процессе его воспитания стараться придать наибольшее сходство с оригиналом (Я.А. Коменский).

ЛИТЕРАТУРА

Амонашвили Ш.А. Как любить детей (Опыт самоанализа) [Электронный ресурс] / Ш.А. Амонашвили. – Донецк : Ноулидж, 2010. – Режим доступа : http://metodist.teplovod.dp.ua/index.php?option=com_content&view=article&id=97:2010&catid=40:2013-01-07-14-16-48&Itemid=16.

Библия // Каноническая библия. Синодальный перевод. – М. : Российское Библейское Общество, 2007. – 1074 с.

Братусь Б.С. К проблеме человека в психологии / Б.С. Братусь // Вопросы психологии. – 1997. – № 5. – С. 3–19.

Братусь Б.С. Русская, советская, российская психология: Конспективное рассмотрение / Б.С. Братусь. – М. : Московский психолого-социальный институт Флинта, 2000. – 88 с.

Вера как ценность : материалы Всероссийской научной конференции. Великий Новгород, 25–27 июня 2002 г. – Великий Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2002. – 252 с.

Двойнин А.М. Ценностно-смысловые ориентации личности в контексте религиозной веры [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / А.М. Двойнин. – М., 2007. – 23 с. – Режим доступа : <http://nauka-pedagogika.com/psihologiya-19-00-01/dissertaciya-tsennostno-smyslovyje-orientatsii-lichnosti-v-kontekste-religioznoy-very>.

Зелененко А. Основополагающие принципы православной педагогики и утрата их современной школой [Электронный ресурс] / (Прот.) А. Зелененко. – Режим доступа : <http://www.portal-slovo.ru/pedagogy/37866.php>.

Сарапулов В.А. Любовь и вера как категории педагогики : христианский взгляд на проблему [Электронный ресурс] / В.А. Сарапулов // Вестник Московской богословской семинарии ЕХБ. – 2014. – № 2. – Режим доступа : <http://mbs.ru/index.php?r=series/item&type=publications&item=1419523661>.

Сила нации – в силе духа. Книга размышлений Святейшего Патриарха Кирилла / сост. А.В. Велько. – 2-е изд. – Мн. : Белорусская Православная Церковь, 2010. – 400 с.

Сухомлинский В.А. Как любить детей [Электронный ресурс] / В.А. Сухомлинский // Радянська школа. – 1967. – № 7. – Режим доступа : <http://gigabaza.ru/doc/76129.html>.

Шестун Е. протоиерей. Православная педагогика / протоиерей Е. Шестун. – М. : Про-Пресс, 2001. – 576 с.

УДК 172.15

Евсюкова Наталья Владимировна*

ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»

(г. Горловка, ДНР)

Evsyukova Natalia Vladimirovna

Educational Establishment of Higher Professional Education

*«Gorlovka Institute for Foreign Languages»
(Gorlowka, DPR)*

К ВОПРОСУ ВОСПИТАНИЯ ЛЮБВИ К «МАЛОЙ РОДИНЕ» КАК ВАЖНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

**To the question of love to «home area»
in up-bringing as an important part of
patriotic education**

Аннотация

В статье аргументировано доказывается важность краеведения для общего воспитания патриотизма.

* evsukova_78@mail.ru

Ключевые слова: патриотическое воспитание, краеведение, малая Родина

Annotation

The article proves the importance of local history for the general patriotic education.

Keywords: patriotic education, local lore, home area

Проблема патриотического воспитания молодежи актуальна как никогда. В ситуации, когда далеко не все зрелые, имеющие немалый жизненный опыт люди могут четко определиться со своей гражданской позицией, от того, как поведут себя молодые люди, будут ли они думать только о себе и своих выгодах, или возьмут на себя историкоформирующую роль, зависит будущее нашего общества.

Как в истории, так и на сегодняшний день взгляды на патриотизм как общественный и моральный принцип, его понимание и составляющие существенно отличаются в зависимости от эпохи и политико-идеологических предпочтений. Это происходит потому, что тема патриотизма среди других моральных категорий и принципов является чрезвычайно идеологизированной и мифологизированной. Возможно, это объясняется тем, что патриотизм как личное чувство и моральную ценность государство не раз использовало в своих целях, создавая государственный или этатический патриотизм, который характеризуется рассмотрением государства как главного объекта этих чувств.

Мы же акцентируем внимание на том, что понятие «Родина» не может быть синонимом понятия «государство». Об этом говорит хотя бы тот факт, что большинство населения старше тридцати, проживающего на территории современных Донецкой и Луганской Народных Республик, являются гражданами уже третьего по счету государства (рожденные в СССР и жившие более 20 лет в Украине). Следовательно, Родина

– это сложный комплекс территориальных и социокультурных компонентов, где человек чувствует себя частью этого места и этого общества, к судьбе которых он небезразличен.

Патриотизм определяет духовный и нравственный климат общества. Значение его особенно возрастает, когда объективные тенденции развития общества сопровождаются повышением напряженности жизни его граждан (войны, конфликты, обострение кризисных явлений, дестабилизация). На этом этапе идея патриотизма становится тем стержнем, вокруг которого формируется чувства, мнения, убеждения, позиции, стремления людей, их готовность к активным действиям на благо Отечества. Причем ежедневные, не бросающиеся в глаза, «привычные» действия по поддержанию порядка и улучшению качества жизни там, где ты непосредственно живешь, конкретная помощь окружающим часто являются намного важнее высокопарных слов и пафосных речей «ура-патриотов». Однако и воспитать патриотизм как внутреннюю убежденность намного сложнее.

В современном образовательном процессе система патриотического воспитания на основе историко-культурных традиций малой родины является одним из путей создания обучающей, воспитывающей и развивающей среды. При этом краеведение выступает и как основа нравственно-патриотического воспитания, и как средство развития познавательных-креативных качеств личности.

Аксиома: чтобы верно оценивать настоящее со всеми его достижениями и проблемами, необходимо знать прошлое во всей его сложности и противоречивости, осознать цену, которой был оплачен каждый шаг на пути к сегодняшнему дню. А история становится понятной, когда она близка человеку, когда он чувствует свою сопричастность с ней.

Изучение истории родного города, института, знакомство с жизнью и деятельностью известных земляков – все это способствует формированию патриотического мировоззрения, воспитанию таких качеств как гордость за свой край, ответственная и активная гражданская позиция. В ходе сбора информации формируются умение высказываться,

обосновывать и отстаивать свое мнение, конструировать программу подготовки и проведения конкретного дела.

В современной историко-политической ситуации задача формирования патриотизма является достаточно сложной, но крайне необходимой. И тут особая роль принадлежит педагогу, как нынешнему, так и будущему, который поддержит и сможет развить у молодежи понимание ценности Родины не как государства или территории, где по тем или иным причинам вынужден проживать человек, а, скорее, как духовного понятия, связанного с мировосприятием и ощущением себя как части чего-то более высокого. Только в результате постоянной кропотливой работы формируется настрой человека на участие в посильной деятельности по развитию культуры, в социально-экономическом процветании своего города.

УДК 821.163.4+821.161.1]:172.15

Прилуцкая Елена Анатольевна*

Prilutskaya Elena Anatolevna

Профессор кафедры языковой подготовки

Professor of Language Training Department

Кандидат филологических наук, доцент

Candidate of Philological Sciences, Lecturer

Донбасская юридическая академия

Donbass Law Academy

ЛИТЕРАТУРА В ПРОЦЕССЕ ВОСПИТАНИЯ ПАТРИОТИЗМА

Fiction in the process of patriotism education

Аннотация

В статье рассматривается участие художественной литературы в процессе формирования гражданской позиции и воспитания патриотизма в юношеской аудитории, анализируются различные толкования патриотизма, отмечены имена русских и сербских авторов, в чьих произведениях патриотическая тематика является ведущей.

Ключевые слова: патриотизм, базовые ценности, художественная литература

* e-mail: hel.libich@gamil.com

The article deals with the participation of fiction in the process of forming the social content position and patriotism of the young people, the analysis of various interpretations of patriotism in modern science, the Russian and Serbian authors in whose works the patriotic theme is the leading one.

Key words: patriotism, basic values, fiction.

*«Смятение чувств и акцентов смятенье,
И мелочи тон задают без смущенья,
И более вечности значит мгновенье,
И разум выходит из повиненья.
В творящемся хаосе и беспорядке
Душа близорукая путает краски.....»*

Так московская поэтесса Лариса Миллер оценивает духовное и нравственное состояние современного общества. Действительно, начало XXI века ознаменовалось кардинальной ревизией прежних социальных и этических ценностей: идеалы прошлых лет утрачены, а новые не имеют четких границ или перекроены по новому содержанию. Одной из таких основ, на которой создаётся и развивается общество, есть отношение к своему отечеству, восприятие его истории и оценка сегодняшнего положения, т.е. то, что по идеи, реализуется в воспитании чувства патриотизма. Но и сам патриотизм оказывается либо утраченным совершенно, либо содержательно скорректированным. Наглядно второе положение может быть проиллюстрировано сегодняшней ситуацией на Украине, когда стороны, противостоящие в ситуации Гражданской войны, объясняют свою борьбу патриотическими чувствами. Что это за ситуация? Получается, что существует патриотизм хороший и плохой? С одной стороны – вышиванки, а на другой – «Бессмертный полк»? Но ведь и в том, и другом – проявление национальных реалий. Как помочь юноше, не имеющему

богатый жизненный опыт, разобраться и выбрать правильное понимание, а, следовательно, и правильный путь в жизни?

Многочисленные источники дают определение патриотизма, в котором семантически значимым становится слово «любовь» - любовь к своему отечеству, к своему народу у С.И. Ожегова, «любовь к своему Отечеству, готовность подчинять свои личные и групповые интересы общим интересам страны, верно служить ей и защищать ее» читаем в Педагогическом словаре, «любовь к Отечеству и всем его достижениям, в первую очередь к тем, которые обеспечивают человеку достойную жизнь, причем в сравнении не с собственным прошлым, а с лучшими мировыми образцами (В.Н. Аверкин) [1]. Пожалуй, в данном акценте – суть понимания патриотизма не лубочного, но единственно ценностного: ориентируемся на лучшее, не замарывая Отечество грязью и кровью, а другие народы подлостью и предательством.

Но как убедить юношу, как воспитать в нём трепетное отношение к земле, где ты родился, где жили твои предки, чтобы он смог прочувствовать вослед А.В. Суворову восторг в утверждении «Я – русский (украинец, серб, татарин, грек, еврей) – какое счастье!». Безусловно, это трудоёмкий и длительный процесс.

«Патриотизм – это тот фундамент, на котором должна быть построена жизненная позиция каждого гражданина ДНР», - сказала Ольга Макеева, заместитель Председателя Народного Совета ДНР на заседании Круглого стола, посвященного вопросам формирования в Республике патриотических детских и юношеских общественных движений.

Проблемы патриотического воспитания личности нашли отражение в ряде нормативных документах республики. Глава Донецкой Народной Республики Александр Захарченко своим распоряжением утвердил программу «Патриотического воспитания детей и молодежи Донецкой Народной Республики» и план мероприятий по реализации данной программы на 2017-2018 годы. Целью данной программы является воспитание гражданина и патриота, которому присуще чувство гордости за своё Отечество, малую родину, обладающего активной гражданской позицией, готовностью к служению

Отечеству. Программа была вынесена на общественное обсуждение, одобрена Координационным советом по вопросам патриотического воспитания детей и молодежи ДНР и согласована с органами исполнительной власти, ведомствами и организациями, осуществляющими деятельность в сфере патриотического воспитания. Программа устанавливает меры государственной поддержки таких субъектов патриотического воспитания граждан ДНР, как военно-патриотические клубы, объединения, поисковые объединения и отряды.

Та же задача «воспитывать гражданина и патриота, которому присуще чувство гордости за своё Отечество, малую родину, обладающего активной гражданской позицией, готовностью к служению Отечеству», стоит и перед системой образования Российской Федерации, обозначенная в Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России [2].

Итак, задача определена, но что может быть в активе для её решения. Прежде всего, необходима ориентация на ценностные традиции отечественной истории.

Одной из таких базовых ценностей, её гордостью является литература. Неисчерпаемо ее влияние на духовный мир человека, на выбор нравственных ориентиров. Художественная литература – одна из наиболее эффективных возможностей воспитать гражданина-патриота.

Художественная литература лишена зрительной наглядности, слухового восприятия; она создает с помощью языка образы, которые можно лишь представить. Однако, она располагает исключительными возможностями для изображения социальной действительности, для показа людей, по мнению М. Горького, в столкновениях между собой, в борьбе классов. Литература, воссоздавая реальную действительность во всей сложности ее конкретных проявлений, в ее историческом развитии, учит людей опыту ушедших поколений и направляет их усилия к достижению более совершенных условий жизни. Белинский гордился тем, что русская литература создала нравы русского общества, воспитала уже несколько поколений, резко отличающихся одно от другого. Чернышевский видел в литературе учебник жизни

Безусловно, литература представляет наиболее эффективное средство пропаганды идей, повышающих способности человека и пробуждающих в нем самые лучшие чувства и стремления. Познавательная и воспитательная роль художественной литературы всегда признавалась и активно использовалась в формировании наиболее ценных характеристик личности – гуманизм, патриотизм, честность.

Сила влияния художественного образа обусловлена тем, что он воздействует не только на мысль, но и на чувства, эмоции человека (общеизвестно, что эмоциональная память наиболее стойкая). Образная мысль художника всегда несёт эмоционально насыщенное начало. В соответствии с природой художественного образа его познавательная и воспитательная сила тем выше, чем больше развиты наблюдательность, воображение, образное мышление и культура переживаний читателя. Художественная литература, стимулируя эти способности человека, содействуют их развитию.

В истории национальных литератур обнаруживается принципиально значимая тема, характеризующая интерес и отношение автора к истории своего народа и его судьбе, т.е. то, что определяется как патриотическая. Наиболее активное обращение к данной тематике обнаруживается у авторов, чья творческая деятельность стала частью борьбы за национальную идентичность и независимость.

Так, становление и развитие современной сербской литературы тесно связано с подъёмом национально-освободительного движения, кульминацией которого стали вооружённые восстания 1804-1813 г.г. против османских завоевателей. Главной школой своей писательской практики такие писатели, как Вука Караджич, Сима Милутинович Сарайлия и др., считали народное творчество. Первой попыткой художественного осмысления событий освободительного восстания становится поэма Милутиновича «Сербиада». Задуманная как монументально-эпическое произведение на патриотическую тему в своих истоках поэма восходит к национальному героическому фольклору. Милутинович пишет поэму, находясь в России, отсюда очевидно художественное влияние поэмы Хераскова «Россиада».

На протяжении многих периодов развития русской классической литературы патриотическая тематика не теряет своей актуальности. На произведениях Пушкина, Лермонтова, Толстого, Тургенева и воспитано ни одно поколение молодых людей, утверждавших и отстаивающих авторитет своего Отечества. Писатели и поэты XX века продолжили традицию развития патриотической тематики в иных социально-исторических условиях.

Следует отметить, что деятели русской литературы всегда были предельно внимательны и уважительны к творчеству писателей и поэтов стран, исторически близких России. Так, Пушкин не остался равнодушным к сербам. Об этом говорят его стихотворения, которыми он откликнулся на страдания сербов - «Дочери Карагеоргия», «Бонапарт и черногорцы», «Над Сербией смилуйся ты, Боже» [3, 68].

Обращение к литературным источникам – перспективно в практике воспитательного процесса по формированию гражданской позиции у молодых людей.

Сегодня правительство Донецкой Народной Республики делает много для создания условий, содействующих становлению и развитию личности гражданина – патриота становящегося государства. Одной из таких инициатив стало открытие центра «Куприн. Свободное пространство» по адресу г. Донецк, ул. Университетская, 28, где можно организовать литературную гостиную, собрание, диспут и проч. Есть площадка, нужны инициативные люди, обладающие опытом работы с молодёжью.

«Сегодня – дети, завтра – народ», когда-то сказал С.Михалков. Надо сделать всё, чтобы будущее народа состоялось в мощном государстве, чтобы «живородящая святыня» (А.С. Пушкин), их Родина, «жила в блаженстве и славе», как напутствовал Петр Первый.

ЛИТЕРАТУРА

Аверкин В.Н. Патриотизм - это наше что? Беседа ректора НИРО// Современные проблемы науки и образования. – 2017. – № 1. – С. 1-2

Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. [Электронный ресурс] (Режим доступа) <http://day-of-culture.narod.ru/private/Priloj/Koncersia.htm>

Микульчак И. Русско-сербские литературные и культурные связи// Jazyk a kultura, , 2012. – № 9. – С. 68

УДК 17.023.36:159.922

Кирмач Г.А.*

*кандидат педагогических наук,
доцент кафедры педагогики Луганского
национального университета имени Тараса
Шевченко*

Луганск

КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

Аннотация

Статья посвящена анализу понятий «культура» и «психологическая культура», рассмотрены условия, в которых происходит личностное становление современного молодого человека. Выявлены базовые детерминанты зрелости личности в целом. Автор останавливается на детальном рассмотрении главной дефиниции психологической культуры – совесть.

Ключевые слова: культура, психологическая культура, функции культуры, духовное ядро, альтруизм, семья, совесть.

Summary

This article is devoted to the analysis of concepts „culture” and „psychological culture”. The conditions in which a personal formation of the modern young man takes place are considered. Basic determinants of a maturity of the personality in general

* E-mail: galina_44@i.ua

are revealed. The author stops on a detailed consideration of the main definition of psychological culture - conscience.

Keywords: culture, psychological culture, functions of culture, spiritual kernel, altruism, family, conscience.

Если обратиться к понятию культуры, необходимо отметить, что в разных источниках оно толкуется по-разному: в зависимости от области науки, которая ее рассматривает. В современной научной литературе встречается более 250 определений культуры. Не будем вдаваться в терминологическое буквоедство по поводу определений: что есть культура? Воспользуюсь блестящей метафорой Пришвина: «Культура – это связь людей».

В узком значении культуру понимают как сферу духовной жизни людей с присущими ей ценностями, нравственностью, этическими особенностями. Как отмечает Г. М. Шеламова, культура – это «сложное объединение ценностных, личностных и деятельностных аспектов, которое не имеет однозначного и универсального определения, и, вместе с тем, ее можно проанализировать и определить в контексте той или другой области человеческой жизни» [12]. Вопрос культуры, ее функций для общества и личности изучается многими исследователями. Выделяют такие функции культуры: 1) получение новых знаний, норм, ценностей, ориентаций и значений; 2) накопление, хранение и распространение (трансляция) знаний, норм, ценностей и значений; 3) отражение духовного процесса посредством поддержки его наследственности; 4) коммуникативная функция, которая обеспечивает знаковое взаимодействие между субъектами деятельности, их дифференциацию и единство; 5) социализация общества через создание структуры отношений, опосредствованных культурными компонентами [2].

Культурная регуляция человеческой деятельности осуществляется через систему ценностей. Ценности служат

причиной выбора того или иного объекта, составляющих потребностей, целей, которые имеют более высокое значение. Они определяют то, что стоит над всем, и к чему можно стремиться, относиться с уважением, признанием, почетом.

Воспитание молодого поколения в контексте культуры человеческого взаимодействия всегда рассматривалось как условие выживания человечества. Отечественные философы, психологи, педагоги, культурологи (М.М. Бахтин, Н.А. Бердяев, Л.С. Выготский, Д.С. Лихачев, А.Ф. Лосев, А.Н. Леонтьев, Ю.М. Лотман, А.В. Петровский, и др.) утверждали, что человек становится частью человечества, только постигая культуру и творя ее, подчеркивали психологический контекст этого постижения.

Сегодня мы имеем дело с духовным кризисом, о котором предупреждали еще великие русские философы, начиная с Владимира Соловьева: опасность вырождения человечества в «зверочеловечество», что в обозримом будущем сможет «ввергнуть все общество в мир абсурда». Духовный кризис выражается в утрате идеалов и смысла жизни, разрушении нравственности.

Современное общество силой формирует человека как ненасытного эгоцентрического сибарита-потребителя – и противостоять этому принудительному воздействию очень тяжело, ведь альтернативные модели жизни практически уничтожены, и возродить их в индивидуальной жизни можно лишь чрезвычайным усилием.

Альберт Швейцер в свое время очень четко диагностировал состояние этого общества: «Ставшая обычной сверхзанятость современного человека во всех слоях общества ведет к умиранию в нем духовного начала... Для работы в оставшееся свободное время над самим собою, для серьезных бесед или чтения книг необходима сосредоточенность, которая нелегко ему дается. Абсолютная праздность, развлечение и желание забыться становятся для него физической потребностью. Не познания и развития ищет он, а развлечения – и притом такого, какое требует минимального духовного напряжения... Склад ума миллионов этих... людей оказывает обратное воздействие на все институты, призванные служить образованию, а

следовательно, и культуре. Театр уступает место кабаре, а серьезная литература – развлекательной... Проникшись духом легкомыслия и поверхностности, институты, призванные стимулировать духовную жизнь, в свою очередь содействуют сползанию общества к такому состоянию и накладывают на него печать серости и бездумья... У нас складывается упрощенное представление о человеке. В других и в самих себе мы ищем лишь прилежания труженика и согласны почти ничем не быть сверх того» [Выделено нами. – Авт.] [11, с. 240-241].

Именно в ситуации переоценки традиционной системы ценностей и происходит личностное становление современного молодого человека.

Большое количество психологических проблем и трудностей современного человека лежат в его отходе от своего духовного центра, той сердцевины, вокруг которой интегрируется личность. Так, по видимости стремясь сделать земную человеческую жизнь максимально комфортной (в том числе и путем забвения жизни вечной), современное общество достигает этого ценой абсурда, заключенного, прежде всего, в бессмысленности самого этого стремления как такового. Поэтому, в первую очередь, она убивает людей совестливых и способных задумываться о смысле самой жизни, без которого не стоит и жить – и те, кто не находит выхода из абсурда, в подавляющем большинстве предпочитают «мягкие» формы самоубийства (пьянство, наркомания и т. д.). В абсурде «общества потребления» могут «нормально» жить только люди с самой неразвитой душевной организацией, ограниченной чисто витальными потребностями (которая, впрочем, иногда может сочетаться с внешним интеллектуализмом). Однако и это не может продлиться слишком долго.

Основанием для такого вывода служит представление о человеке как о существе высшего порядка, носящего в себе некое духовное ядро как собственное средоточие. Это ядро или средоточие определимо как подлинное Я человека.

Многие психологи в становлении личности делали акцент на духовно-нравственную зрелость, которая является базовой детерминантой зрелости личности в целом. Так, академик Д.И.

Фельдштейн становление личности рассматривает в контексте культурно-исторического воспроизводства индивида как человека, являющегося носителем родовой сущности человека [7, с.26].

В настоящее время кардинально меняется содержание внутренней жизни человека, так как современный мир стремится отодвинуть нравственные вопросы на второй план, затушевать их. Неизбежной расплатой за это становятся разнообразные аномалии – от социальных к психическим. Как метко заметил В. Франкл: «Несмотря на нашу веру в человеческий потенциал человека, мы не должны закрывать глаза на то, что человеческие люди являются и, быть может, всегда будут оставаться, меньшинством. Но именно поэтому каждый из нас чувствует вызов присоединиться к этому меньшинству. Дела плохи. Но они станут еще хуже, если мы не будем делать все, что в наших силах, чтобы улучшить их» [9, с. 83-84].

Данная задача напрямую связана с преодолением отчужденности, эгоизма и опустошенности человеческой жизни. Многочисленные исследования, которые проводились психологами, подтверждают тот факт, что современный растущий человек сегодня стал другим. Он вырос в плане социальной зрелости в одних случаях и проседает в других. Так, по данным академика Д.И. Фельдштейна, у детей сегодня существенно возросло стремление к самоутверждению (доминированию и самопрезентации). Но при этом резко изменилась личностная направленность. Если в 1993 году 58 % детей подросткового возраста характеризовались альтруистическим настроем, то в 2011 году такой тип направленности отмечен только у 16 %, т. е. уменьшился в три и шесть десятых раза [6, с. 83-84]. Потеря альтруистической направленности личности свидетельствует об оскудении человеческого потенциала у подрастающего поколения. Как в этой связи не вспомнить слова известного философа М. Мамардашвили, который говорил: «Людей много, душ на всех не хватает».

Подлинная модель альтруизма описана в притче о блудном сыне (Лк.15.блудный сын). Младший сын, уйдя

из дома, расточил имение своё; живя распутно, очутился в дальней стороне, забыв об отце и о Родине. И вот, когда он решил возвратиться и покаяться перед отцом, отец, увидев сына, ещё до всяких слов «пал ему на шею и целовал его». А сын сказал ему: «Я согрешил против неба и пред тобою, и уже не достоин называться сыном твоим». Что сделал отец? Наш житейский опыт подсказывает, раз ты пошел против неба и меня, ты действительно не достоин называться моим сыном. Опыт Тараса Бульбы: «Я породил тебя – я тебя и убью». Евангельский отец поступает иначе, он даёт сыну лучшую одежду и устраивает праздник.

Альтруизм прощения – позиция отца, которая даёт возможность внутренне измениться сыну. Именно в семье даётся, по выражению Ф. Тютчева, такая благодать как сочувствие – все это условие формирования полноценной личности. Испытывая на себе альтруистическое отношение, ребёнок впечатывает в свою душу модель альтруистического, неутилитарного поведения к другим людям.

Семья составляет фундамент культуры. Ослабление культуротворческого потенциала семьи представляет серьёзную угрозу для развития личности и всего общества. Семья прочно остаётся в лоне культуры там, где она ближе всего к вечным абсолютным идеалам. В силу чрезвычайного развития современной культуры, семья в наше время превратилась в потребительскую единицу, что несёт угрозу здоровью нации в целом. Ведь в педагогике неслучайно установлен приоритет воспитания нравственной чистоты и неукоснительного соблюдения человеческих ценностей над развитием всех других качеств личности. Вспомним мудрые слова Иоанна Златоуста: «Образованию ума всегда должно предшествовать воспитание сердца» [5].

В наше время, когда «психология» стала обязательным школьным предметом, для преподавателей этой дисциплины важно понять, каков культурный потенциал данной науки и какую роль она сможет сыграть в становлении личности подрастающего поколения.

Изучение основ психологии в школе даст возможность выпускникам школы приблизиться к пониманию

феномена человека, уникальности его внутреннего мира и неразрывной связи с миром внешним, другими людьми, нациями, человечеством в целом. Решить эту задачу – значит сформировать психологическую культуру личности.

Понятие «психологическая культура» вошло в научный обиход относительно недавно и не имеет единой трактовки. Основу для научной разработки понятия «психологическая культура» как внутренней культуры человека можно найти в работах классиков зарубежной и отечественной психологии как З. Фрейд, К. Юнг, А. Маслоу, Л. Выготский, Б. Ананьев, С. Рубинштейн, а также в отдельных работах психологов нашего времени.

По мнению В. Дружинина, психологическая культура многослойна. В неё входят: 1) обыденное психологическое знание и психологические практики, существующие в религиозной жизни, общественно-политической, экономической, образовательной деятельности; 2) профессионально психологическая деятельность и практическое знание, имеющие научное обоснование и долю искусства; 3) психологическая наука и образование, образующие сферу психологии [1].

Вопрос о пользе или вреде использования психологических знаний весьма актуален применительно к психологии. Ведь психологические знания касаются на практике не абстрактных понятий, не безликих формул или химических реакций. Это знания о живом человеке, его внутреннем мире, душевных переживаниях, размышлениях, сомнениях, страхах и страданиях, желаниях и надеждах. Психологические знания могут быть использованы или в интересах человека, тогда они помогают развитию его сознания, личности, самостоятельности, индивидуальности, укрепляют его психологическое здоровье или в целях манипулирования сознанием человека, его чувствами, отношениями и пр. В этом случае психологические знания направлены не на созидание, а на разрушение психики человека, разрушение самой его духовной человеческой сущности. Примеры такого аморального использования психологических знаний мы встречаем в политической, финансовой, торговой сфере.

Приобщение людей в тоталитарные секты, сетевые компании основано на знании психологии личности, что может вести не к развитию личности, а к её порабощению.

Курс психологии в школе и вузе помогает подрастающему поколению лучше понимать себя и других. Но всегда ли предлагаемые знания являются бесспорными, всегда ли преподаватель психологии олицетворяет тот образец уважительного отношения к другому человеку? Психологическая культура предполагает, что реализация психологических знаний в обществе осуществляется с позиций уважения, любви, совести, ответственности, бережного отношения к чувству личного достоинства как своего, так и другого человека. В контексте психологической культуры реализуется живое общение, обусловленное взаимной заинтересованностью собеседников. Отношение к «другим» как к средству достижения целей своих или для «своих» фактически легализирует аморальное отношение к людям и является реализацией культуры полезности. Суть «культуры полезности» передают следующие строки О.Э. Мандельштама: «Бывают эпохи, которые говорят, что им нет дела до человека, что его нужно использовать, как кирпич, как цемент, что из него нужно строить, а не для него» [3, с.205]. При таком подходе к другому человеку проблема смысла жизни в принципе неразрешима, если не считать выгоду смыслом жизни.

Культура – это прежде всего способность человека носить в себе другого, оставаясь собой. В работе Сергея Леонидовича Рубинштейна «Человек и мир» открылись иные ракурсы понимания человека: центральной, системообразующей характеристикой человека является его способ отношения к другому человеку. Эта мысль встречается у многих психологов, но у Рубинштейна она была выражена с замечательной яркостью и глубиной: «Первейшее из первых условий жизни человека – это другой человек. Отношение к другому человеку, к людям составляет основную ткань человеческой жизни, ее сердцевину. «Сердце» человека все соткано из его человеческих отношений к другим людям; то, чего оно стоит, целиком определяется тем, к каким человеческим отношениям человек стремится, какие отношения к людям, к другому человеку он способен

устанавливать. Психологический анализ человеческой жизни, направленный на раскрытие отношений человека к другим людям, составляет ядро подлинно жизненной психологии. Здесь вместе с тем область «стыка» психологии с этикой». [4, с. 262-263].

Психологическая культура личности предполагает развитые навыки совестной реакции у человека. Слово «совесть» приставкой «со» указывает на со-общность, со-участие, со-чувствие, сотрудничество и все другие выражения единства людей. Корень этого слова – «весть» (от «ведать», «знать») говорит о сигнализирующей роли совести; она дает нам знать о правильности или неправильности поступка именно с точки зрения человеческого единства.

В зарубежной психологической науке совесть изучалась в психологии сознания (В. Джемс), психоаналитических (З. Фрейд, К. Г. Юнг, Э. Фромм, Э. Нойманн и др.), гуманистических (А. Маслоу, В. Франкл, А. Лэнгли и др.) концепциях, в концепции развития нравственного сознания (Л. Колберг и др.). Первое развернутое рассмотрение феномена совести в отечественной психологии принадлежит Г.Челпанову, основателю первого в России психологического института, автора первого отечественного учебника по психологии, который обосновывал психологию как науку о духе, центральную для комплекса других наук.

Г.Челпанов писал, что «совесть предполагает представление о личности», видел в ней «внутреннего судью», «единство самосознания» и «воплощение нравственной идеи» [10, с.169].

Для современного человека возвращение к голосу совести важно как никогда. Как справедливо отмечает В. Франкл: «Мы живём в тот период, когда господствует чувство бессмысленности. В этот период воспитание должно быть направлено не только на передачу знаний, но и на такую настройку совести, чтобы человек стал достаточно чувствителен к восприятию требований, выдвигаемых любой ситуацией. Во времена, когда для многих из нас десять заповедей потеряли, по-видимому, своё значение, человек должен быть в состоянии воспринимать десять тысяч заповедей, которые заключены

в десяти тысячах ситуаций, встречающихся в его жизни» [8 с.279]. Подобные идеи высказывал в своей работе «Человек и мир» С. Л. Рубинштейн: «Смысл человеческой жизни – быть сознанием Вселенной и совестью человечества» [4, с. 232].

Сегодня наступает новое время, когда возбуждение совести у подрастающего поколения должно стать государственным делом. Ведь совесть – это та реальность, которая в нас существует. В её эмоциональной памяти хранятся общеисторические ценности и смыслы. Основа любого народа состоит из совестливых людей, в противном случае – он распался бы и рассыпался.

Таким образом, главной дефиницией психологической культуры является совесть. Если человек живёт и действует по зову совести, он живёт и развивается, если же им руководят принципы общественной морали, то он неизбежно останавливается в своем развитии, регрессирует и имеет все шансы получить психические расстройства. Как прозорливо точно писал А.С. Пушкин:

*Ах! чувствую: ничто не может нас
Среди мирских печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина разве совесть.*

Отметим, что совесть не всегда совпадает с моральными принципами общества, а скорей всего содержательно их превосходит. Как ни обосновывать совесть, она ставит индивиду требование: следуй своему внутреннему голосу, не бойся сбиться с пути.

Совесть неудобна и обременительна для современного человека. И когда у человека просыпается совесть, мы пытаемся её всячески усыпить. Близкие и родные стараются её усыпить: «Ну что ты переживаешь», «Все так живут», «Ну с кем не бывает». Мы даем человеку образ мышления, что виноват кто угодно, только не он сам. Трагедия такого подхода заключается в том, что усыпленная таким образом перестает просыпаться.

Поскольку в отечественной ментальности особое место принадлежит совести – понимания ее, обращения к ней, ожидания «пробуждения совести», опасений о «сгоревшей

совести» и т.п., – то без специального выяснения позиций на эту тему невозможна никакая серьезная работа в нравственной психологии.

Подводя итоги, можем с полной уверенностью сказать, что без нравственных убеждений и внутреннего нравственного закона, каковым является совесть, культурное поведение человека будет формальным или наигранным. Психологическая культура является не только результатом образования и воспитания, но также большой внутренней работы человека, работы по сопряжению и гармонизации собственных жизненных интересов и потребностей с интересами и потребностями других людей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Дружинин В.Н. Феномен психологической культуры личности в образовательном контексте / В.Н. Дружинин // [Электронный ресурс]. URL: <http://old.prosv.ru/metod/egorova/1.html>.

Знаменская С. В. Педагогические условия формирования коммуникативной культуры студентов в процессе профессиональной подготовки в вузе : дисс. ... канд. пед. наук : 13.00.06 / Стояна Васильевна Знаменская. – Ставрополь, 2004. – 169 с.

Мандельштам О. Э. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. Проза / Сост. и подгот. текста С. Аверинцева и П. Нерлера; Коммент. П. Нерлера. – М.: Худож. лит., 1990. — 464 с.

Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание/ Сергей Леонидович Рубинштейн – М. : Издательство АН СССР, 1957. – 328 с.

Святитель Иоанн Златоуст о семье и образовании детей [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/77199.html>

Фельдштейн Д.И. Психолого-педагогическая наука как ресурс развития современного социума // Психологическая наука и образование. – 2012. – №.1 С. 18–32.

Фельдштейн Д.И. Психология развития человека как личности : избранные: в 2 томах — М.; Воронеж: Изд-во Московского психолого-социального ин-та : МОДЭК, 2005. — 566 + 455 с.

Франкл В. Основы логотерапии. Психотерапия и религия. — СПб. : Речь, 2000. — 268 с.

Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник: Пер. с англ. и нем./Общ.ред. Л. Я. Гозмана и Д. А. Леонтьева; вст. ст. Д. А. Леонтьева. — М.: Прогресс, 1990. — 368с: ил. — (Б-ка зарубежной психологии.).

Челпанов Г.И. Психология. Основной курс, читанный в Московском университете в 1908–1909 гг. /Под ред. Г.О. Гордона и Н. А. Рыбникова. М., 1909. Портал психологических изданий PsyJournals.ru http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2011/n3/47067_full.shtml [К вопросу о духовном и нравственном содержании психологических понятий в научной школе Г.И. Челпанова - Психологическая наука и образование psyedu.ru 2011. — № 3.

Швейцер А. Упадок и возрождение культуры. Избранное. / Альберт Швейцер. — М.: Прометей, 1993 — 337 с.

Шеламова Г. М. Деловая культура и психология общения : учебник / Г. М. Шеламова. — М. : Академия, 2004. — 160 с.

УДК 371.13:17.021.2

Ефимова Ирина Витальевна*

*Аспирантка кафедры теории и методики
физического воспитания ГОУ ВПО
«Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко»*

Efimova Irina Vitalievna

*Postgraduate student, Department of theory and
methodology of physical education GOU VPO
«Luhansk national University named after Taras
Shevchenko»*

ПОДГОТОВКА БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ К РЕАЛИЗАЦИИ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ

**Training of future teachers to realization
of spiritual and moral values in the
process of professional education**

Аннотация

В статье автор раскрывает проблему подготовки будущих учителей к реализации духовно-нравственных ценностей в процессе профессионального воспитания. Для того, чтобы

* rin10643@yandex.ru

быть готовым к реализации этих ценностей, будущий учитель должен быть их носителем. Поэтому приобщение будущих учителей к духовно-нравственным ценностям является одной из важных задач профессиональной подготовки. В решении проблемы автором большое значение уделяется духовно-нравственному самоопределению будущих учителей и становлению педагогической позиции в процессе профессионального воспитания.

Ключевые слова: духовность, нравственность, ценности, будущие учителя, профессиональное воспитание.

Annotation

In the article the author reveals the problem of training future teachers to implement spiritual and moral values in the process of professional education. In order to be ready to realize these values, the future teacher must be their carrier. Therefore, the introduction of future teachers to the spiritual and moral values is one of the important tasks of vocational training. In solving the problem, the author pays great attention to the spiritual and moral self-determination of future teachers and the formation of pedagogical position in the process of professional education.

Keyword: spirituality, morality, values, future teachers, professional education.

В современных условиях развития высшей школы смещаются акценты на профессиональное образование будущих учителей, в процессе которого формируется личность будущего специалиста, его мировоззрение, ценностный потенциал, происходит поэтапное духовно-нравственное

развитие в ситуации кризиса духовности и культуры, падения морали и нравственности.

Считаем, что необходимо направить весь образовательно-воспитательный процесс не только на подготовку профессионально компетентного выпускника, но и на формирование гармонично развитой, духовно ориентированной личности будущего учителя, так как именно учитель является определяющим фактором в духовно-нравственном становлении школьника, в достижении новых целей образования в контексте концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России в сфере общего образования [1] и программы духовно-нравственного воспитания учащихся и студентов Луганской Народной Республики на 2016-2020 годы [2].

Следовательно, актуальность проблемы подготовки будущих учителей к реализации духовно-нравственных ценностей в процессе профессионального воспитания обусловлена современными тенденциями в образовании, нереализованным потенциалом высших учебных заведений в подготовке кадров, готовых решать проблемы духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения, недостаточной разработанностью теории и практики формирования духовно-нравственных ценностей будущих учителей в процессе профессионального воспитания.

Учитель всегда был воплощением самых высоких духовных устремлений народа, а личность педагога наделялась особыми духовно-нравственными качествами: мудростью, справедливостью, добротой, умом и т.п. Несомненно, что и личность будущего учителя и осуществляемая им профессиональная деятельность должны быть наполнены высокими идеалами и стремлениями, отвечающими потребности саморазвития и необходимости совершенствования окружающих, прежде всего учеников.

Настоящий учитель стремится познать и понять духовный мир ребенка, щедро делится с ним своими ценностями. Это и есть не что иное, как духовность педагога, духовное богатство личности, глубокая внутренняя сила нравственных, интеллектуальных, эстетических возможностей.

В своём исследовании И. Д. Лельчицкий ищет ответ на вопрос: «...какой учитель нужен обществу, государству, школе, ученикам; в чем заключается миссия учителя в начале третьего тысячелетия развития человеческой цивилизации; какими личностными и профессиональными качествами он должен обладать; какие ценности должны быть для него приоритетными; какой должна быть направленность взаимоотношений между учителем и учеником» [3].

Высокопрофессиональный педагог, обладающим творческим потенциалом, способный успешно работать в быстро меняющихся условиях социокультурной ситуации и жесткой конкуренции – таковы требования современной школьной политики к будущему учителю. Сегодня важна для будущего учителя не только профессиональная компетентность, но и его моральный облик, его духовный мир, духовные качества. Ведь именно от них и зависит конечный результат воспитательного процесса.

Проблема формирования духовно-нравственных ценностей будущего учителя является частью общей проблемы подготовки студентов к профессионально-педагогической деятельности. К настоящему моменту имеется ряд исследований, которые обращены к процессу духовно-нравственного воспитания будущих специалистов в высшей школе .

Анализ научно-педагогической литературы показывает, что вопросы профессиональной подготовки будущего учителя исследованы в работах С.И.Архангельского, Л.В. Байбородовой и др.

Различные аспекты понятия «духовности» и «нравственности» отражены в исследованиях Б.С. Братуся, В.В. Зеньковского и др.

Проблема профессионального воспитания в вузе освещается в работах Э.Ф. Зеера «Личностно-ориентированное профессиональное образование», Н.М. Борытко, В.И. Слободчикова и др.

Вместе с тем, несмотря на достижения в педагогической науке и теории высшего профессионального образования ряд

вопросов остаётся изученным не в полной мере, в том числе проблема формирования духовно-нравственных ценностей будущих педагогов в процессе профессионального воспитания.

Данное обстоятельство подтверждается рядом противоречий между:

- направленностью государственной политики на возрождение духовности и приобщение молодых людей к высоким нравственным ценностям в целях преодоления существующего духовного кризиса и недостаточной разработанностью духовно-нравственных основ профессионального воспитания в высших учебных заведениях;
- потребностями высших учебных заведений в духовно-нравственной направленности профессионального образования студентов и не разработанностью в педагогической науке организационно-педагогических условий формирования духовно-нравственных ценностей будущих педагогов в процессе профессионального воспитания.

Проблема профессионального воспитания будущих учителей в высших учебных заведениях в настоящее время обусловлена модернизацией системы образования.

Рассмотрим сущность основных понятий, которые используются при исследовании проблемы профессионального воспитания. Так, «профессиональное воспитание» как понятие стало активно применяться в последнее десятилетие прошлого века.

Профессиональное воспитание – это последовательное движение студента как личности к выбранной им же самим цели. Результатом данного движения является получение системы профессиональных ценностей и идеалов будущим специалистом, совершенствование его духовных потребностей, ценностей, формирующих будущего специалиста.

В современной литературе большинством учёных профессиональное воспитание рассматривается «как сознательно организованный процесс, в котором будущий

специалист выступает как субъект собственного саморазвития, самопознания, самовоспитания и самореализации, осуществляя присвоение духовно-нравственных и профессиональных ценностей, аккумулированных в культуре, литературе, психологии и педагогике» [4].

Мы рассматриваем профессиональное воспитание как многомерное и многоплановое явление, включающее формирование духовности и нравственности, т.е. активного стремления к красоте, добру, истине, целостному осмыслению мира, приобщённости его к мировым и национальным культурным ценностям, как процесс обретения им профессионального мастерства – глубоких профессиональных знаний, умений, вкуса, сформированной педагогической культуры, потребности в самосовершенствовании.

Главной целью профессионального образования становится формирование личности профессионально и социально компетентной, способной к творчеству и профессиональному самоопределению. Поэтому проблемы формирования профессиональной компетентности, социального и духовно-нравственного развития будущих специалистов, должны стать основополагающими в совершенствовании профессиональной подготовки студентов.

Практика и педагогическая наука определяют новое отношение к проблемам воспитания подрастающего поколения. В исследованиях, связанных с поиском духовных оснований воспитания, утверждается мысль о том, что воспитание призвано актуализировать свои гуманитарные функции, отвечать на существенные вопросы жизни – о ее смысле и цели, быть питательной средой духовного и нравственного развития личности.

Профессиональное воспитание, по мнению Е.П. Белозерцева, «происходит в процессе взаимодействия, в творческом усвоении теории и практики профессионального труда. Студент и преподаватель, взаимодействуя и общаясь, проходят через творчество, учение, труд» [5].

Получивший определённую профессиональную квалификацию специалист сможет пройти путь к профессионалу,

если его профессиональное становление включало в себя не только приобретение навыков и умений, но и формирование духовных качеств. Профессиональное воспитание будет достигнуто тогда, когда личностные качества человека будут сочетаться с профессионально значимыми качествами специалиста. Тогда не будет безответственного отношения к педагогическому труду, жестокости, недоброжелательности, беспринципности [6].

Воспитанность будущих педагогов определяется по следующим показателям:

-отношение к детям: отношение к ребенку как главной ценности, интерес к жизни ребенка, милосердие, доброта в отношении к детям, стремление защищать и охранять детство, способность к продуктивному взаимодействию;

-отношение к профессии: интерес к профессии учителя, потребность в работе с детьми, мотивация в получении профессии и совершенствовании в ней, убежденность в необходимости трансляции нравственных ценностей, принятие профессиональных ценностей, оценка социального статуса профессии;

-отношение к окружающим: интерес к людям, эмпатийность, толерантность, понимание ценности человеческой жизни, стимулирование активности и самостоятельности действий других людей; отношение к обществу: интерес к жизни общества, мотивация участия в общественно-педагогической деятельности, социальная активность, принятие общественно признаваемых ценностей;

-отношение к себе: интерес к себе как ценности, самопринятие, оценка своих способностей, саморегуляция поведения, рефлексия.

Можно заключить, что системообразующим результатом воспитания студентов выступают ценности и смыслы личностно-профессионального становления будущего педагога: нравственная и гражданская позиция по отношению к детям, самоутверждение в профессии, высокий профессионализм, педагогическое творчество и свой педагогический стиль.

ЛИТЕРАТУРА

Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России в сфере общего образования: проект/ А. Я. Данилюк, А. М. Кондаков, В. А. Тишков. Рос. акад. образования. — М.: Просвещение, 2009.

Постановление Совета Министров ЛНР № 532 от 04.10.2016. Об утверждении Программы духовно-нравственного воспитания учащихся и молодежи на 2016-2020 годы [Электронный ресурс]. URL: <http://sovminlnr.su>.

Лельчицкий И. Д. Эволюция личностно-профессионального идеала учителя в отечественной педагогике первой трети XX века: Автореф. дис. д-ра пед. наук. М., 2004. С. 3.

Дёмкина Е.В. Современные подходы к профессиональному воспитанию личности будущего специалиста в условиях образовательного процесса // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология . 2011. №3. С.36.

Белозерцев Е.П. Образ и смысл русской школы: очерки прикладной философии образования / Е.П. Белозерцев. - Волгоград : Перемена, 2000. С.382.

Репринцев А.В. В поисках идеала Учителя: проблемы профессионального воспитания учителя в истории философско-педагогической мысли. Известия ВГПУ, №2(261), 2013 г. Курск, 2000. С.14.

УДК 821.161.1.09 Чехов А. Р.+821.161.1.09
Amfiteatrov A. V.

Ильин Сергей Александрович*

Piyn Sergei Alexandrovich

*Луганский национальный университет имени
Тараса Шевченко*

Luhansk Taras Shevchenko National University

А. П. ЧЕХОВ И А. В. АМФИТЕАТРОВ: ТВОРЧЕСКИЕ СВЯЗИ

**A. P. Chekhov and A. V. Amfiteatrov:
creative relations**

В статье С.А.Ильина «А.П.Чехов и А.В.Амфитеатров: творческие связи» впервые анализируется восприятие личности и творчества А.П.Чехова известным писателем к. XIX – н. XX вв. А.В.Амфитеатровым. Его мемуары, не вошедшие в 10-томное собрание сочинений, имеют большую литературно-эстетическую ценность и впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: жизнь, личность, творчество, проза, драматургия, журналистика.

The author of the article "A. P. Chekhov and A. V. Amfiteatrov: creative relations" S. A. Piin analyzes reception of A. P. Chekhov's personal qualities and works by A. V. Amfiteatrov, the famous writer of the end of the XIX – the beginning of the XX centuries. His memoirs, which were not included into

* linserg25@mail.ru

the 10-volumed collection of his works, have big literary and esthetic value and first were introduced in the scientific activity.

Keywords: life, person, creative activity, prose, drama, journalism.

В недавно вышедшем десятитомном собрании сочинении Александра Валентиновича Амфитеатрова (1862-1938) его воспоминания представлены весьма скупо. Однако именно мемуары Амфитеатрова – писателя, драматурга, журналиста, певца – представляют наибольший интерес. Этот пробел восполнен двухтомником, сделавшим доступным наиболее ценную часть его литературного наследия (Амфитеатров А.В. Жизнь человека, неудобного для себя и для многих / Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. А.И.Рейтблата: В 2 т. – М.: Новое литературное обозрение, 2004). В сборнике подобно рассказано о встречах с

Л.Н. Толстым, П.И. Чайковским, А.С. Сувориним, Вл.С. Соловьевым, В.М. Дорошевичем, Н.С. Гумилевым и многими другими. Особый интерес представляют ряд очерков посвященных Чехову: [А.П.Чехов] В посмертные дни (1904), Ненужная победа (1911), Оклеветанный Чехов (1909), [О Чехове:] Из записной книжки (1914), Антон Чехов и

А.С Суворин. Ответные мысли (1914).

Проблематика мемуаров Амфитеатрова необычайно широка. Это не камерные дневниковые тексты, а широкая панорама культурной, и в частности литературной, жизни конца XIX – начала XX веков, в которую он вписывает Чехова. Амфитеатров познакомился с Антошей Чехонте в редакции юмористического журнала в 1882 году, был с ним в дружеских отношениях, постоянно переписывался, поэтому накопил много ценных наблюдений над поразившей его личностью Чехова и особенностям его творческого труда. Личность Чехова, по Амфитеатрову, – неразгаданный феномен, ей свойственны одиночество, особенная внутренняя работа, сложность познания души, уникальная наблюдательность,

чуждость мистике, метафизике, славе и величию. С одной стороны, Чехов – «писатель роковой и страшный», с другой – «человек глубоко интимный» [1, т. 1, с. 430; с. 461; с. 463].

Россия Чехова – «грустная, покаянная, самопроверяющая, самобичующая», страна разносторонней скорби и немногих, скромных и робких радостей. Чехов, «гениальный художник», создал столько русских типов, что «если бы собрать и поселить вместе все действующие лица Чехова, то возник бы целый уездный город. И был бы он – настоящий русский город», потому что Чехов – «великий Пан русской природы, русского бытового уклада», человек, сотканный из русской стихии [1, т. 1, с. 424]. Его громадный талант и тончайший ум совмещались с «великою душою, беспредельною сердечностью без фраз и громких слов, с твердым и ясным характером, красота которого раскрыта не для многих. Скромность мудрого наблюдателя-молчальника создавала ему «среди близоруких людей репутацию человека замкнутого, скрытного, гордого, даже сухого», но только не для Амфитеатрова, для которого Чехов – «самая святая из святынь русской литературы, непосредственно примыкающая к Пушкину и Лермонтову, любимая, как Салтыков, стоящая рядом с Достоевским и Толстым» и для его поколения во многом «выразительнейшая и нужнейшая», чем оба последние [1, т. 1, с. 466-467].

Такое понимание Чехова было доступно далеко не всем. Например, А.Д.Курепин – журналист, фельетонист, редактор журнала «Будильник» (1882-1891), которому Амфитеатров посвятил роман «Отравленная совесть» (1910), обожавший дарование Чехова и благословивший его в печать, – «так и умер в убеждении, что Чехов – огромный талант, но плохая голова, да еще скрытная, черствая натура. А между тем были уже написаны и «Скучная история», и «Дуэль», и «Степь»...» [1, т. 1, с. 426]. Василий Иванович Немирович-Данченко, по мнению Амфитеатрова, «самый тонкий русский юморист и едва ли не самый блестящий русский рассказчик и разговорщик», после вечера, проведенного с Чеховым, заметил: «А и скучный же ваш Чехов!» [1, т. 1, с. 461-462]. Манеру Антона Павловича среди общества уйти в себя, «заключиться в наблюдательное внимание», незнакомые люди принимали за суровость, угрюмость, нелюдимость, даже за недоброжелательство и

обижались [1, т. 1, с. 462]. Знакомая Чехова по Ялте, неглупая, развитая, причастная к литературе, после двух обедов с Антоном Павловичем заключила: «Ум и дарование совсем не одно и то же... Вот, например, Чехов. Талант, а глуп» [1, т. 1, с. 462-463]. Это, конечно, частные случаи, но замкнутость Чехова, его самоуглубленность, особенная внутренняя работа породили «общий предрассудок, будто он был человек безразличный в политическом и социальном отношении – «без образа мыслей». Это Чехов-то!» – восклицает Амфитеатров [1, т. 1, с. 463].

Хроническое состояние задумчивости, «зрения, обращенного внутрь себя», порой вырывалось вслух словами, неожиданными для собеседника. Так, в 1892 году, на Малой Дмитровке, во время рассказа Амфитеатрова о поездке в Италию, вдруг «меланхолический басок прогудел мягко и решительно: «Надо ехать в Австралию». Затем Антон Павлович спохватился, даже слегка покраснел и возвратился к первоначальной теме разговора [1, т. 1, с. 427]. По воспоминаниям артиста Московского художественного театра А.А.Вишневого, приводимых Амфитеатовым, во время рыбной ловли в подольском имении Чехов неожиданно засмеялся и резко высказался об игре одного из актеров в «Дикой утке» Г.Ибсена, и это через три месяца после представления. Наблюдения Амфитеатрова представляют большую ценность: ведь этим свойством внутренней сосредоточенности, которое прорывается неожиданными репликами, Чехов наделил многих своих персонажей, например, Астрова («А, должно быть, в этой самой Африке теперь жарища – страшное дело!»), Чебутыкина («Тарара... бумбия... сию на тумбе я...») и других.

Успех и неуспех в понимании Чехова также не соответствовали общепринятым представлениям. По мнению Амфитеатрова, казалось бы, Чехову грех жаловаться на неудачи в литературной карьере: московский «Будильник», петербургские «Осколки», созданная для этих изданий сотня миниатюр сложилась затем в прославившие его «Пестрые рассказы», признание публики и критики, нововременский период, «с почти влюбленным благоговением» к Чехову А.С.Суворина, «Русская мысль», «Северный вестник», период художественного театра, европейская слава, обеспеченное

положение – счастливчик, в сорочке родился! Однако «этот счастливец томился глубоким и искренним самонедовольством, полным недоверия к существованию своего успеха, и – быть может, больше того – тяжелых сомнений в самой нужности своего творчества» [1, т. 1, с. 428]. Только в поездке на Сахалин Чехов видел «важное общественное дело, значение которого не может подлежать спору [Там же].

Конечно, по свидетельству Амфитеатрова, провал «Чайки» в Александринском театре «страшно потряс писателя и несомненно отнял у его жизни несколько месяцев, если не лет». Но и почетом Чехов совсем не дорожил, не был воителем, вождем. «Пессимистический потомок Экклезиаста», «русский Экклезиаст», Чехов принимал свой успех «как-то грустно, скептически, не без печальной насмешки втайне и над самим собою, и над чьей-то воздающими...» До конца дней Чехова мучило сомнение, выдержит ли он неожиданное величие, которое упало на его плечи [1, т. 1, с. 428-429]. Его мозги нельзя было ни утешить, ни опьянить, он постиг человеческую пошлость настолько глубоко, что стал «писателем роковым и страшным». Скорбь отравила чеховскую мысль, хотя она умела и улыбаться сквозь слезы [1, т. 1, с. 428-430].

После смерти Чехова хлынул поток воспоминаний о писателе, причем в ряде публикаций его облик искажался. Так, прозаик, журналист и мемуарист Николай Михайлович Ежов (1862 или 1864 – 1941 или 1942) настолько негативно охарактеризовал личность и творчество Чехова, что Амфитеатров вынужден был выступить с опровержением. По утверждению Ежова, «быстрая литературная карьера А.П.Чехова совершенно изменила его самого и его отношения к окружающим. Удача вскружила ему голову... Он на всех глядел покровительственно, в словах был небрежен и не замечал, если от этого страдало чье-нибудь самолюбие... сделался нетерпим к чужому мнению... его душе были доступны вполне низменные страсти» [2, с. 505-507]. Ежов также писал, что «чеховский талант небольшой и чисто подражательный» [2, с. 514], «пьесы его не имеют особых достоинств и не заслуживают того успеха, какой им был оказан...» [2, с. 511], «книга «Остров Сахалин» есть образчик, как не надо писать подобные книги» [2, с. 508] и т.п. Мемуарный очерк Ежова

вызвал ряд протестующих откликов, в том числе и самого Амфитеатрова (в газете «Одесские новости» 23 августа 1909г.).

Прежде всего, Амфитеатров напоминает читателям, что Ежов, упрекающий Чехова в надменности по отношению к товарищам писательской молодости, всецело обязан своей литературной карьерой Чехову, который считал его «талантливым человеком, нуждающимся лишь в материальном обеспечении, чтобы развернуть свои беллетристические способности [1, т. 1, с. 434]. Именно Чехов рекомендовал А.С.Суворину Ежова «на доходное место московского фельетониста «Нового времени», которого г.Ежову без Чехова не видать бы, как своих собственных ушей [1, т. 1, с. 435]. Чеховская рекомендация принесла Ежову, «бывшему товарищу по небольшим изданиям», материальное благополучие: он вел московский фельетон в «Новом времени» с 1896 по 1917 г.г. и, живя безбедно, перестал нуждаться в грошовом и полуслучайном заработке в «Будильнике» и «Осколках». Однако Чехов ошибся: «Сделавшись журналистом, г.Ежов беллетристику забросил и застрял на фельетоне корреспондентского типа» [Там же].

Утверждения Ежова, что удача вскружила голову Чехову и он стал суховат, стал глядеть свысока на знакомства, что прежние товарищи по небольшим изданиям казались ему мелюзгою, Амфитеатров называет «нехорошей, да и неумной неправдой» [1, т. 1, с. 436]. «...Если что и изумляло в Чехове, – вспоминает Амфитеатров, – так это его твердая верность старому, от студенчества пошедшему товариществу, дружбам и симпатиям, заключенным в начале литературной карьеры [1, т. 1, с. 436-437]. П.А.Сергеенко, В.А.Гиляровский, В.М.Дорошевич, В.А.Тихонов, В.В.Билибин, И.Л.Щеглов, Н.А.Хлопов, А.С.Лазарев, (А.Грузинский), наконец, сам Амфитеатров и многие другие сверстники Чехова по первым начинаниям «не имели никакого основания жаловаться на невнимание, забвение или нелюбезность Антона Павловича в дни самой шумной славы его [1, т. 1, с. 437].

Чехову была свойственна манера острых критических замечаний не только в случае с Билибиным, подробно рассмотренным Амфитеатровым [см.: 1, т. 1, с. 437-440]. Так,

сотоварищ Чехова по малой прессе П.А.Сергеенко признавался в одном из писем к Антону Павловичу: «Вследствие каких-то причин наши отношения принимают какой-то колючий и нехороший характер, оставляющий во мне осадок чего-то дурного. Между тем я питаю к тебе теплое чувство как к человеку и обожаю тебя как писателя. И мне всегда бывает больно и обидно, что я самое главное и хорошее между нами как-то загораживаю всяким хламом и оставляю в итоге вовсе не то, что составляет душу моих отношений к тебе. Думается, что это является отчасти вследствие чувствительного самолюбия, которому ты иногда наносишь уколы» [3]. Однако ни Щеглову, ни Тихонову, ни Сергеенко и в голову не приходило искать в замечаниях Чехова «злые чувства». Напротив, поскольку замечания эти были верны, метки и приносили много пользы, то вызывали только чувство благодарности.

Чехов не только метко критиковал произведения своих товарищей, но и умел держать удары, подчас чувствительные и несправедливые, что никогда не приводило к бурному выяснению отношений. Амфитеатров вспоминает, что когда вышла в свет чеховская «Дуэль», повесть ему «ужасно не понравилась, показалась циническою, беспринципною». Словом, Амфитеатров ее не понял и тем не менее сгоряча напечатал в бакинской газете «Каспий» рецензию, в которой «Дуэль» «разнесена была вдребезги» [1, т. 1, с. 441]. В частности, Амфитеатров писал: «Дуэль» – «самое слабое и неудачное из произведений автора», «если бы она не была подписана именем известности, на нее не стоило бы обращать внимания. Жидкость <...> сюжета производит особенно комическое впечатление, когда автор желает придать своим людишкам значение социальных типов: карлики влезают на ходули и притворяются великанами! <...> Г.Чехов гораздо лучше сделает, если заключится в сфере своей прежней специальности беллетриста-миниатюриста <...> Г.Чехову не удалось сказать ровно ничего, – двести пятьдесят страниц его «Дуэли» созданы по старым, истёртым, как взятый из библиотеки роман, шаблонам; факты мелки, вялы и незначительны; мысль героев и рассуждения – плод не жизненного наблюдения, а меланхолической кабинетной работы» [4]. Чехов, «генеральствующий по ежовской теории»,

должен был бы взъесться на рецензента, но чеховская реакция на «каспийскую» брань была умиротворяющей: «Послушайте же, это он на что-то другое сердит был... не в духе писал...». Также нелицеприятные статьи Амфитеатрова о появлении «Вишнёвого сада» на петербургской сцене в 1904 году вызвали не раздражение, а благодарственное письмо Чехова из Ялты, полное трогательной теплоты [1, т. 1, с. 441].

По Ежову, Чехов «постепенно отодвинул от себя все авторитеты, стал в роль критика даже к большим писателям», в частности, оспаривал взгляды Л.Н.Толстого. В этом для Амфитеатрова нет ничего заслуживающего осуждения, ведь «Толстой как философ и религиозный учитель, конечно, не значил для него, врача, естествоиспытателя, логика по Миллю и Бэну, ровно ничего» [1, т. 1, с. 442]. Хотя Чехов и уважал в Толстом художника, безапелляционное признание авторитетов было для него дико: «...В нём, истинном позитивисте, литературном наследнике Базарова, блистательнейшем представителе и учителе материалистического анализа, не было даже следа способности к идолопоклонству и покорству пред авторитетом» [1, т. 1, с. 442-443].

Чехову было свойственно «единство материалистического мировоззрения». По свидетельству Амфитеатрова, из всех писателей, учёных, «ярких и знаменитых светочей интеллигенции» не было ума менее мистического, менее нуждавшегося в религии, чем ум Антона Павловича. Перефразируя известное высказывание, мемуарист отмечает, что Бог и религия – это гипотезы, в которых Чехов никогда не имел надобности. Антон Павлович, «один из величайших аналитиков всемирной литературы, решительно не признавал никаких метафизических априорностей. Сталкиваясь с ними в реальной жизни или в сюжете серьезного рассказа, он не умел относиться к ним иначе как к нервной болезни, которой необходимы самый тщательный диагноз и пользование («Чёрный монах», «Палата №6», «Перекасти-поле», «Перевоз») [1, т. 1, с. 444]. Никакой мистики, сверхчувственного и сверхъестественного Чехов не признавал и держал себя с такими людьми как в лечебнице для тихо помешанных, которых «наблюдают и описывают, но с которыми не полемизируют» [Там же]. Чехов, «меланхолический и мягкий,

но последовательный и неуклонный потомок Базарова», совершенно не воспринимал поиски религии, наполнившие жизнь интеллигенции 90-х годов, отсюда и его неприятие «обращённого и опрощенного Толстого» [1, т. 1, с. 445].

Психолог-атомист, Чехов в жизни многим казался грубым в своих откровенно-материальных взглядах на женщину. «Многим – Аркадиям Николаевичам Кирсановым, – уточняет Амфитеатров, – любителям «говорить красиво»... Сам Чехов по этой части иногда произносил слова весьма резкие и совершенно лишённые «условных лжей» [1, т. 1, с. 463]. Однако кому были адресованы эти беспощадные слова? Амфитеатров указывает на различные «женские чуда декаданса, качающиеся между мистицизмом и чувственностью... Этот мирок полубезумных, полущельм наслушался от него немало горьких правд, острых словечек и эпиграмм в прозе». Но серьезно, глубоко и умиленно благословляет Чехов великую и святую, возвышенно-телесную женскую любовь, будь то целомудренная Верочка, беспутная «Ведьма», тоскующие «Бабы», обездоленные старые девы, брошенная Сара, униженные проститутки, певички, беременная помещица, красавица-армянка на постоялом дворе [1, т. 1, с. 464)]. Кто хочет понять ясный и естественный взгляд Чехова на женщину, тот, по совету Амфитеатрова, должен перечитать «Отцов и детей» И.С.Тургенева. «Там, в намеке тургеневского проникновения, зарыты корни и исходные точки прекрасной женской галереи, которую завещал нам великий художник Чехов [1, т. 1, с. 465)]. Ни «эротоманом», ни «сладострастником» Чехов не был, и Амфитеатров свидетельствует, что за 22 года их знакомства он не слышал, чтобы Антон Павлович «говорил нехорошие слова или вел фривольный разговор на цинические темы» [Там же].

Красной нитью через мемуары Амфитеатрова проходит мысль о целостности личности и творческого пути Чехова, о невозможности «раздробить поразительную цельность личности Чехова искусственным делением его биографии на три периода, будто бы резко различные между собою: Антоша Чехонте, суворинский Чехов, Чехов либеральных дружб и Московского художественного театра. Неправда это. Не было трёх Чеховых. Было он один, всегда всё тот же, цельный, прямой, ясный, с первых резвых рассказов в

«Будильнике» и «Осколках» до стука лопахинского топора в «Вишнёвом саде»...» [1, т. 1, с. 467]. Амфитеатров готов отстаивать «с полным собранием его сочинений в руках» непрерывную логичность, стройную последовательность, глубокую внутреннюю связь жизни и творчества Чехова. Антон Павлович не был «пассивной куклой», которой играли А.С.Суворин, В.А.Гольцев, Художественный театр и т.д. [Там же]. Амфитеатров опровергает многие крайности, свойственные характеристике отношений Чехова и Суворина. Ни умалять, ни преувеличивать значение Суворина в жизни Чехова нет необходимости, это ошибка, «беспристрастный, объективный исследователь это отвергнет. Сквозь какую призму ни глядеть на роль Суворина в жизни Чехова – она прекрасна» [1, т. 1, с. 468]. Суворин разглядел в Чехове надежду русской литературы, создал все условия (и материальные, и моральные), чтобы дарование Чехова развивалось спокойно и независимо, уберег молодого писателя от «компромиссов подчинения», неизбежных для художественного таланта в 80-90-е годы, «дал ему вырасти внепартийным и независимым» [1, т. 1, с. 469; 470]. Трогательно-влюблённое отношение Суворина к Чехову не может быть оспорено: он буквально «благоговел» перед Антоном Павловичем, не выносил, чтобы о Чехове говорили дурно, ревниво относился к критическим отзывам о Чехове, страдал, когда не нравилась какая-нибудь чеховская вещь [1, т. 1, с. 471)].

В своих мемуарах Амфитеатров воссоздал образ Чехова–наблюдателя–объективиста, который шёл через факт к закону жизни. Полный произвольной, почти механической наблюдательности, со зрением, обострённым до «силы микроскопа», к сорока годам Чехов имел «взгляд вещего пророка, с памятью нескольких столетий, с печальным опытом позади, без радости в думах о будущем» [1, т. 1, с. 425; с. 426]. Поэтому он «человек скептицизма истинно трагического» [1, т. 1, с. 425], а основная черта его творчества – «бесстрашная грусть» [1, т. 1, с. 482]. «Одинокий, одинокий, одинокий в жизни» [1, т. 1, с. 425], Чехов, как тип мыслителя-интеллигента, «тесно примыкает к Базарову. Как бытописатель – к Салтыкову. Как психолог и художник – к Мопассану, закончив и увенчав этим западным поворотом гоголевский период нашей литературы» [1, т. 1, с. 483].

ЛИТЕРАТУРА

Амфитеатров А.В. Жизнь человека, неудобного для себя и для многих / Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. А.И.Рейнтблата: В 2т. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – Т.1. – 584с.; т.2. – 608с.

Ежов Н.М. Антон Павлович Чехов: (Опыт характеристики) // Исторический вестник. – 1909. – №8. – С.499–519.

Письмо П.А.Сергеенко к А.П.Чехову от 3 декабря 1898г. // ОР РГБ. – Ф.331. – К.58. – Ед. хр. 486. – Л.5–5 об.

Каспий. – 1892. – 19 января. Подпись: Ал. А-и (А.В.Амфитеатров).

УДК 821.161.1-31.09 Nabokov V. V.:821.161.1.09
Dostojevski F. M.

Турбина Марина Александровна*
Turbina Marina Alexandrovna

*Луганский национальный университет имени
Тараса Шевченко*

Luhansk Taras Shevchenko National University

**МЕЖТЕКСТОВЫЙ СЮЖЕТ
В РОМАНЕ В.В. НАБОКОВА
«ЛОЛИТА» (НА МАТЕРИАЛЕ
ТВОРЧЕСТВА Ф.М.
ДОСТОЕВСКОГО)**

**Intertextual plot in the novel
V. V. Nabokov «Lolita» (on the material
of creativity off M. Dostoyevsky)**

В статье Турбиной М.А. «Межтекстовый сюжет в романе В.В. Набокова «Лолита» (на материале творчества Ф.М. Достоевского)» рассматриваются интертекстуальные связи романа В.В. Набокова и русской литературы XIX века.

Ключевые слова: интертекст, интертекстуальные связи, аллюзия, реминисценция, пародия.

In the article by Turbina M.A. «Intertextual plot in the novel V.V. Nabokov «Lolita» (on the material of creativity of F.M. Dostoevsky)» considered the

* marina12011@yandex.ua

intertextual relations of the novel V.V. Nabokov and Russian literature of the XIX century.

Key words: intertext, intertextual relations, allusion, reminiscence, parody.

Об интертекстуальных связях в творчестве В. Набокова написано немало работ. Набоковская интертекстуальность притягивает интерес не столько изобилием и многообразием параллелей и аллюзий, позволяющих более точно истолковывать замысел писателя, сколько структурным многообразием интертекстуальной техники: от аллюзий на уровне мотивной организации до принципов построения повествования, от исторических и биографических претекстов до философских и литературных, от сближения текста с претекстами и претекстов между собой, установления между ними отношений параллелизма до пародирования и установления отношений противопоставления между текстом и претекстом и текстами – участниками интертекстуальных отношений. Интертекстуальная парадигма в романе В. Набокова

«Лолита» – один из примеров комплексной интертекстуальности, занимающей доминирующее положение в художественной структуре работы.

Актуальность исследуемой темы обусловлена постоянно растущим вниманием литературоведов к изучению интертекстуальных связей в творчестве В. Набокова, в частности в романе «Лолита». Цель: рассмотреть интертекст Ф. Достоевского в романе В. Набокова «Лолита». Задачи: 1. Рассмотреть типологию интертекстуальных элементов и их взаимоотношение в художественном тексте; 2. Проанализировать интертекст Ф. Достоевского в романе В. Набокова «Лолита»; 3. Определить зависимость интертекстуальных связей от коммуникативной установки автора.

Описывая аллюзии и реминисценции из русской классики, нет необходимости творчество В. Набокова делить на этапы, так как подметить нюансы стилевого отношения

его прозы с русской литературой XIX века можно только в том случае, если комплексно рассматривать произведения, сочиненные до 1940 года и после переезда в США. В этих оттенках стилевого отношения есть особенности. По словам И. Пули, «писатель растворил в своей романной поэтике «пушкинскую тему», «диалог» с классикой XIX века, особенно обостренный с Достоевским» [5, с. 212].

Замысловатое объединение в «Лолите» сразу нескольких произведений Ф. Достоевского узнаются без труда: «Кроткая», «Записки из подполья», «Преступление и наказание», «Бесы», «Идиот». При анализе «Лолиты» навязывается гипотеза, что В. Набоков имел утаённую цель решительно одолеть бремя художественных открытий Ф. Достоевского.

В романе приметно стремление передать сконструированность, неестественность таких героев, как Ставрогин и Свидригайлов, сломать миф о мрачном величии их образов. В. Набоков специально снижает грандиозность такого рода злодеяний, которые с мучительной болью показывает Ф. Достоевский. И все же к открытой философской конкретике, «космическим» рассуждениям, как в романах

Ф. Достоевского, В. Набоков не обращается, полагая это, вероятно, не делом литературы. «Исповедь Ставрогина» – отгадываемое сюжетное ядро романа [5; 2; 1].

Интертекст Ф. Достоевского, наравне с пушкинским интертекстом, становится тем пробным материалом, при содействии которого возможно определить этико-эстетический статус героев писателей (в данном случае Гумберта Гумберта), истинность их мировидения и творчества. Тема

Ф. Достоевского, воплощенная в русской «Лолите», развивается на уровне реминисценций и аллюзий.

В «Лолите» присутствуют сюжетные и внесюжетные параллели, от которых тянутся нити к «Преступлению и наказанию», «Бесам», «Братьям Карамазовым». В частности, это подробности диалогов, воспроизводимые в романах Ф. Достоевского и их отклики в «Лолите». Следы «Преступления и наказания» и «Бесов», несмотря на малочисленность, увеличивают поле своей функциональности и принимают

участие в построении межтекстового «сюжета» Ф. Достоевского. Существование межтекстового «сюжета» в «Лолите» помогает в финале романа Гумберту понять его роль в тексте, осознать бесповоротную ошибку жизни.

Рассмотрим один из эпизодов, который, при всей его очевидной связи с сюжетом Ф. Достоевского, остался незамеченным многими читателями. Среди таких читателей – современница В. Набокова

Н. Берберова. В статье «Набоков и его «Лолита» (1959) она привела англоязычный текст в своем переводе, предвосхитившим авторский: «...Первый намек на очищение, которое вдруг начинает брезжить в будущем. Лолита узнает о смерти своей матери, у нее на свете нет никого, кроме Гумберта. Он с ней – отчим, опекун, развратитель, любовник, – и они занимают в гостинице два смежных номера. И вот Лолита среди ночи сама приходит к нему рыдая: «Вы понимаете, – ей абсолютно больше некуда было идти» [1, с. 288]. В русском варианте этот отрывок переведен по-другому, он напоминает видоизмененную цитату из

Ф. Достоевского: «В тамошней гостинице у нас были отдельные комнаты, но посреди ночи она, рыдая, перешла ко мне, и мы тихонько с ней помирились. Ей, понимаете ли, совершенно было не к кому больше пойти» [4, т. 2, с. 176]. Казалось бы, перевод Н. Берберовой значительно не отличается от версии В. Набокова, тем не менее даже применение вступительных слов – «понимаете ли», возможно, будет иметь особенный смысл. В общем пародийном контексте бегло брошенная чужая фраза может вызвать ассоциации у персонажа или автора. По всей вероятности, в набоковском романе пародируется конструирование предложений, бедная стилистика Ф. Достоевского.

А. Долинин свидетельствует, что есть немало схожих случаев, когда «пародируется типичное для поэтики Ф. Достоевского построение повествования как обращения (ср. «Записки из подполья», «Кроткая» и др.). Подобные формулы наблюдаются, к примеру, в «Двойнике» (ср.: “дескать, сударь вы мой, милостивый государь, дела так не делаются”») [2, с. 45]. И в тексте «Лолиты» применяются конструкции,

возникающие с обращений «судари мои», «милостивые государи», «девственно-холодные госпожи присяжные», а также вступительные слова «понимаете ли».

Ко второй группе элементов интертекста относятся лексика и словообразовательные конструкции. В речи Гумберта Гумберта содержатся фразы, свойственные сразу нескольким произведениям

Ф. Достоевского, слышны его лексические и словообразовательные увлечения: скитающееся из романа в роман наречие «внезапно» («неожиданно»), десятки раз появляющееся в зачинах иных суждений, имена существительные и прилагательные с уменьшительными суффиксами. Русский вариант текста В. Набокова дает возможность актуализировать смысл английского слова «grin», в переводе слово «усмешка» награждается суффиксом пренебрежительного значения -ечк-. Подобным образом В. Набоков обращает внимание русского читателя на слово, которое встречается у Ф. Достоевского настолько часто, что становится определением его манеры.

Необычный способ художественного показа жизни – частое употребление Ф. Достоевским наречий «вдруг» и «внезапно». Исследователи отмечали влечение Ф. Достоевского к внезапности в повествовании, редкой скорости, достигаемой подобным способом. По их мнению, отсюда – впечатление судорожности, неравномерности, издерганности основных элементов романной структуры.

Как указывает А. Долинин, в общем контексте высказывания пародируется «постоянный атрибут героя-грешника» – гордая змеистая ухмылка. Самыми высокомерными, часто усмехающимися, язвительными героями Ф. Достоевского оказываются Раскольников и Ставрогин – полусумасшедший и сладострастник. Одержимость идеей, порочность, обольщение малолетней актуализируются в образе Гумберта Гумберта и способствуют ироническому к нему отношению [2, с. 40].

Следующую группу элементов интертекста представляют сюжетные единицы, мотивы. В «Лолите» наиболее заметен мотив обольщения малолетней девочки, который варьируется

в «Преступлении и наказании» и «Бесах». У В. Набокова он, как признак преступного сластолюбия зрелого мужчины, изменяясь, возникает в «Машеньке», «Даре», «Волшебнике» и формируется в «Лолите».

В диалоге с Ф. Достоевским В. Набоков формулирует основной тезис: изъян порождается в человеке и быть может побежден человеком. В «Лолите» изъян преодолен: в Гумберте победу одерживает любовь, он именуется Лолитой «мой маленький доктор». В «Исповеди Ставрогина» изъян все же нигде не преодолен. У Ф. Достоевского злодеяние производит «сверхчеловек», чтобы испытать себя, чтобы отведать неведомое, ужасное по силе чувство. Ему нужно подступить к рубежу права человека, к пределам его совести. У В. Набокова злодеяние совершает герой, который не может преодолеть «человеческую» страсть, равную недомоганию. От этой тяги он и гибнет в конечном результате. Преодолевая традиции психологического романа Ф. Достоевского, В. Набоков настаивает на личных толкованиях природы злодеяния и природы человека. Герои

В. Набокова, в отличие от героев Ф. Достоевского, жаждущих опробовать свои волевые потенциалы или разумность определенных человечеством норм, разрушают моральный закон вынужденно, лишь потому, что не могут противостоять собственным желаниям.

ЛИТЕРАТУРА

- Берберова Н.Н. Набоков и его «Лолита» /Н.Н. Берберова // В.В. Набоков: Pro et contra. – СПб.: РХГи, 1997. – Кн. 2. – С. 284-308.
- Долинин А.А. Набоков, Достоевский и достоевщина. Борьба Набокова против Достоевского и «достоевщины» в ист.-лит. контексте 1920-1940-х гг. / А.А. Долинин // Лит. обозрение. – 1999, № 2 (274). – С. 38-46.

Люксембург А.М. Каламбуры-загадки и специфика литературных аллюзий в романе В.Набокова «Лолита» // А.М. Люксембург, Рахимкулова Г.Ф. / Северо-Кавказские чтения: (Материалы шк.-семинара «Лиманчик-92»). Вып. 6. Поэтика и стилистика. – Ростов н/Д: Гос. ун-т, 1992. – С. 7-12.

Набоков В.В. Лолита // В.В. Набоков. Собр. соч.: В 5 т. Американский период. – СПб.: Симпозиум, 2008. – Т. 2. – С. 10-390.

Проффер К.Р. Ключи к «Лолите» / Пер. с англ.; Послесл. Д.Б. Джонсона. – СПб.: Симпозиум, 2000. – 303 с.

УДК 78.01 Uzelac M.

Рочняк Елена Владимировна*¹

ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков» (г. Горловка, ДНР)

Rochniak Elena Vladimirovna

Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages» (Gorlowka, DPR)

МУЗЫКА В ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ МИЛАНА УЗЕЛАЦА

Music in the philosophical discourse of Milan Uzelac

Аннотация

В статье рассматриваются основные положения философии М. Узелаца как классического представителя космологического подхода в понимании природы и сущности музыки.

Ключевые слова: философия музыки, космологический подход, музыка сфер, античная традиция, М. Узелац

Annotation

The article considers the main provisions of the philosophy of M. Uzelac as a classical representative

* lero1981@yandex.ru

of the cosmological approach in understanding the nature and essence of music.

Keywords: music philosophy, cosmological approach, music of spheres, ancient tradition, M. Uzelac

Современный сербский философ М. Узелац, ныне преподающий в Высшем педагогическом училище города Вршац, является исследователем с мировым именем в области философии музыки. Осмысляя место музыки в Универсуме, он выходит за рамки её традиционной трактовки, рассматривая музыкальное произведение в его идеальности, вне-временности и вне-пространственности. При этом понимание музыки М. Узелац строит в диалоге с античными философами, основательно исследуя идеи Пифагора, Платона, Аристиды Квинтилиана с выходом на работы А. Ф. Лосева, которого он (и не безосновательно) считает русским неопифагорейцем.

В определении природы и сущности музыки М. Узелац активно придерживается космологического подхода, интерпретируя музыку как первоначало, праэлемент мира. Данный подход возникает в эпоху древневосточных цивилизаций, когда музыка мыслится как нечто изначальное. В древней Индии зародышем всего мироздания считается высший звук. В своем изначальном состоянии он никак не проявляется, но развертывается в реальный, физический мир, который и возникает как результат вибраций той или иной высоты. В древнем Китае существует представление о том, что музыка присутствует при зарождении мира. Структура традиционного китайского звукоряда в точности совпадает с представлением древних китайцев о структуре космоса. Весь космос рассматривается как система объектов, имеющих разночастотную вибрацию и находящихся в гармоничных отношениях подобно музыкальным. Сходные идеи можно встретить в египетской и шумерской культурах.

Максимально полно этот подход реализуется на территории Европы, в античной культурной традиции. По

мнению А.Ф. Лосева, интерпретации философского наследия которого М. Узелац уделяет особое внимание, античные люди «очень глубоко всматривались в художественную картину своего космоса; и это приводило к тому, что художественная картина космоса становилась как бы даже важнее самой субстанции этого космоса [1, с. 345]». Древние греки и римляне обожествляют звук и, соответственно, музыку. Об этом свидетельствует большое количество источников. Среди них – теория гармонии сфер Пифагора, «Филеб», «Государство» и «Тимей» Платона, «Политика» и «Поэтика» Аристотеля, «О музыке» Плутарха, «Гармоники» Клавдия Птолемея, работы Аристида Квинтилиана, Аристоксена из Тарента. Звук и музыка имеют устойчивое положение в контексте космической драмы. Они объективируют космический порядок.

В VI веке до нашей эры в Древней Греции возникает религиозно-философское учение пифагореизма, основанное Пифагором Самосским. Основой всего существующего пифагорейцы считают число. В числе они видят творческую мощь бытия, поднимающегося из хаоса к оформленному и завершенному целому. Число, числовое соотношение – это упорядочивающий сверхпринцип, источник гармонии космоса, структура которого мыслится как физико-геометрико-акустическое единство. Пифагорейцы выдвигают новое эстетико-космологическое учение гармонии, или музыки, сфер. Космос – это ряд небесных сфер (солнце, луна, планеты, звезды). Вращаясь, данные сферы издают собственный музыкальный звук. Расстояния между сферами и издаваемые ими звуки соответствуют музыкальным интервалам. Путем эксперимента Пифагор открывает численные выражения этих интервалов. Оказывается, что гармоничные, приятные слуху созвучия возникают при определенном соотношении длины струны. Так, октава получает числовое выражение 1:2, квинта – 2:3, кварта – 4:3. Эти интервалы считаются совершенными консонансами. Вся вселенная строится на основе числовых и музыкальных соотношений. Небесные сферы издают музыку, которая озвучивает и подчеркивает всеобщую гармонию. Числовой и музыкальный космос пифагорейцев кладет начало космологической интерпретации природы и сущности музыки.

Изменение духовного и нравственного ориентира в период поздней Античности приводит к низведению музыки до уровня заполнения досуга. Ее главной задачей становится не оказание нравственно-воспитательного воздействия, а получение эстетического наслаждения. Это проявляется в возникновении утонченных хроматизма и энгармонизма, появлении артистов-виртуозов, музыкальных шоу, различных форм развлекательной и танцевальной музыки. Однако, в целом, в античную эпоху музыка выступает образцом для других видов искусства, символом всеобщей гармонии и порядка.

Космологический подход занимает ведущую позицию и в Средние века. Трансцендирующая способность музыки вызывает интерес у многих европейских мыслителей этого времени. Так, в размышлениях Аниция Манлия Северина Бозция мир представляет собой звучащую, или озвученную, гармонию, основанную на законе соответствия и подобия всего сущего. Это инструмент, на котором играет Бог, Творец. «Божественным Орфеем» называет Бога Тит Флавий Климент Александрийский. С ним согласен Джамбаттиста Марино, описывая в «Священных проповедях» деятельность Бога как великого дирижера, управляющего сложным концертом вселенной. В этом контексте музыка трактуется как потенция и звуковое пророчество мира.

Восприятие мира как божественного музыкального инструмента встречается позже у Я. Беме, И. Кеплера, А. Кирхера, Э. Сведенборга, Г. Шютца. Следует отметить, что И. Кеплер М. Узелац считает самым выдающимся музыкантом и теоретиком музыки всех времен. В частности, немецкий математик и астроном И. Кеплер, также как и его соотечественник, композитор и органист А. Кирхер приходит к выводу, что художественный, музыкальный акт следует приравнивать к акту божественного творения. Вариацию такого подхода мы наблюдаем в философских и эстетических трудах И. Г. Гердера. Он отождествляет музыкальное звучание с бытием микрокосмоса, рассматривает человеческую натуру как клавинорд, на котором играет природа. С развитием цивилизации и культуры музыкальная ритмика усложняется,

то есть усложняется человеческое бытие, становится более гибким, трудноуловимым и чрезвычайно разнообразным.

Попытки вывести музыку из таинственной космической энергии продолжают вплоть до настоящего времени. Современный теоретик и историк музыки Л. Г. Бергер считает, что с начала восьмидесятых годов в космологических научных концепциях наблюдения и выводы астрофизиков позволяют осмыслить и связать с наукой древние представления о звуке и музыке «не только как искусстве, но и как природном космическом явлении, гармоническом волновом ритме [2, с. 78]». Музыка трактуется как орудие, инструмент природы или духа, нацеленный на структурирование хаоса, придание ему смысла в процессе разделения и логического оформления явлений и понятий.

М. Узелац однозначно согласен с таким подходом, считая, что время истинной музыки закончилось с завершением творчества П. Чайковского и С. Рахманинова. С началом XX столетия происходит утрата внутренней духовной составляющей музыкального произведения, она перестает служить инструментом гармонизации внешнего и внутреннего бытия человека.

ЛИТЕРАТУРА

Лосев А. Ф. История античной эстетики. Итоги 1000-летнего развития: В 2 кн. – Кн. 2. – М. : Искусство, 1994. – 714 с.

Бергер Л. Г. Эпистемология искусства. / Л. Г. Бергер. – М. : Русский мир, 2005. – 416 с.

II

СЕРБИЯ...

УДК 930.85(497+571):930.85(=163.41)

В.Ю. Даренский

г. Луганск

ВЛИЯНИЕ СЕРБИИ НА СТАНОВЛЕНИЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ (ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР)

**Influence of Serbia on the formation
of Russian Culture (Historical review)**

Резюме

В статье рассматриваются разные аспекты культурного влияния Сербии на развитие российской культуры начиная с эпохи раннего Средневековья, когда этот процесс имел ярко выраженный церковный характер. Специфика культурного влияния Сербии на Россию состояла в том, что для России Сербия одновременно являлась и частью Европы, и частью Православной цивилизации. Плодотворность взаимных контактов усиливалась тем, что культура и Сербии, и России формировалась под мощным влиянием Византии.

Ключевые слова: Культура, культурное влияние, культурные связи, Сербия, Россия.

The article explores various aspects of cultural influence of Serbia on the formation and further evolution of the Russian culture. This process started in the Middle Ages and had deep roots in Orthodox Church. Peculiarity of Serbian cultural influence on Russia was the fact that Serbia represented for Russia both Europe and at the same time Orthodox civilization. Fruitfulness of the mutual contacts was strengthened by the fact that both Serbian and Russian cultures were formed under strong Byzantine influence

Keywords Culture, cultural influence, cultural ties, Serbia, Russia

Рецепция европейских культурных влияний в России традиционно рассматривается в отношениях русской культуры с культурами наиболее крупных стран Европы – в первую очередь, Германии, Франции и Англии. Влияние других культур на русскую культуру обычно не считается важным и рассматривается эпизодически. Среди таких влияний в определенные периоды указывают на влияние Италии и Польши. Вместе с тем, влияние Сербии на становление русской культуры также чрезвычайно важно. Более того, это влияние относится к периоду самого зарождения русской культуры в XIV-XV веках. Его можно проследить и позднее, вплоть до нашего времени. Важно то, что Сербия для России представляет собой с одной стороны, православный исток культуры как наследница Византии, а с другой – одновременно является и Европой. Тем самым, парадокс состоит в том, что Сербия для России – это православная Европа. Здесь исчезает традиционное противопоставление своей православной культуры, и чужой – европейской. Поскольку и сама Россия на протяжении всей своей истории стремится идти именно по этому пути синтеза, то Сербия оказывается в этом своего рода ориентиром для России.

Среди новейших публикаций на эту тему укажем на содержательные статьи М.Кнежевича «Культурно-исторические связи русских и сербов» [11] и М.Шутыча «К истории сербско-русских культурных связей» [20]. Эти статьи носят обзорный характер, поэтому дальнейшая работа должна состоять в концептуализации общего принципа влияния сербской культуры на русскую в разные периоды истории. Такова главная цель данной статьи.

В XII веке Растко Неманич, младший сын великого князя (жупана) Немани Стефана отказался от престола и стал монахом в русском монастыре Святого Пантелеймона на Святой горе Афон. Этот факт можно считать первым прямым культурным контактом между сербами и русскими. Среди самых ранних сохранившихся памятников сербско-русских культурных связей – шедевры изобразительного искусства: фрески сербских святителей Саввы, Симеона и князя Лазаря в Архангельском соборе Московского Кремля.

Около 1438 года с Афона в Новгород Великий приехал иеромонах Пахомий Серб, или Логофет (ум. после 1484). Известно, что он работал также в Москве, Троице-Сергиевом и Кирилло-Белозерском монастырях, известен своим большим литературным наследием как как церковный писатель, в частности, создавший «Житие Кирилла Белозерского» и доработавший «Житие Сергия Радонежского» св. Епифания Премудрого. Позднее эти жития, написанные Пахомием Сербом, стали каноническими образцами для всей последующей русской агиографии. В этот же период в Московскую Русь был перенесен большой корпус южнославянских текстов, которые составили основу библиотек крупнейших монастырей: Троице-Сергиева, Кирилло-Белозерского, Иосифо-Волоколамского, служивших основными культурными центрами Руси. Южнославянские рукописи имели огромное значение в духовной жизни русского народа, поскольку воспринимались на Руси как наиболее правильные, возрождающие древние общеславянские языковые нормы времен свв. Кирилла и Мефодия и приближающие церковнославянский язык к греческому – как хранителю православной культурной традиции. *Южнославянские тексты фактически стали первым русским литературным каноном: русские книжники*

переписывали их и подражали им. Это явление получило в науке наименование «второго южнославянского влияния». (Первое южнославянское влияние связано с крещением Руси в 988 г.). Данный термин был введен академиком А.И. Соболевским в 1903 году [17], а академик Д.С. Лихачев в своем докладе «Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России» (1960) отметил такие характерные черты стиля, как «нагромождение синонимов, синонимических сочетаний, сходных сравнений, столь характерных для южнославянского стиля, <...> до предела усиливают его экспрессивность и эмфатичность» [13, с. 30]. Этот стиль, также именуемый стилем «плетения словес», имел не только литературный, но и общекультурный характер, который пришел на смену монументальному стилю домонгольской Руси. Он генетически связан с высшими достижениями русской иконописи в этот период и распространением исихазма в монашеской практике. Все это в совокупности и создало тот тип русской православной культуры, который и приобрел мировое значение в XIX веке.

Смысловыми принципами стиля «плетения словес» обычно называют: 1) семантическая поляризация (антитетичность); 2) семантическая компрессия (слова в меняющемся контекстном окружении приобретают новые оттенки значения, их семантика уточняется); 3) семантический повтор (употребление слов, близких по значению). Нетрудно понять, что эти принципы составляют и стилистическую специфику русской классической литературы – от М.В. Ломоносова до XX века. Это тот «русский стиль», который наряду с мощной духовно-нравственной проблематикой определил ее мировое значение. Но его истока, как видим – еще во «втором южнославянском влиянии в России».

На Руси была воспринята и получила продолжение сербская традиция исторических житий. Так, в тексте «Русского хронографа» 1512 г. история Сербии излагалась на основе житий правителей – от цика Данилы II до более поздних. Именно этот сербский житийный цикл и стал наиболее вероятным образцом при составлении в середине XVI в. русской «Степенной книги царского родословия». Последняя включала как построенные по поколенным «степеням» жизнеописания

правителей, так и жития русских митрополитов. Завершало книгу повествование о царствующем тогда монархе – Иване IV. Тем самым, сербские истоки имеет и оригинальная русская историография с ее персонологическим принципом, который отличал ее от западного принципа изложения истории на основе политических событий. Это специфику русское историческое мышления и историческая наука сохранили до сих пор.

В эпоху Нового времени в России работают светские культурные деятели. Так, с начала XVIII века в России жил серб Савва Владиславич (Савва Лукич Владиславич-Рагузинский), один из сподвижников Петра Великого, предприниматель, дипломат и секретный агент. Этот полиглот (о нем написал книгу один из крупнейших сербских поэтов Йован Дучич), получивший разностороннее образование в Дубровнике и Венеции, в начале XVIII века был принят в Посольскую канцелярию Петра I. Из своих дипломатических поездок в Западную Европу, прежде всего в Италию, он привозил в Россию предметы искусства. Среди его заслуг – заключение мирного договора с Китаем в 1725-1728 гг. Считается, что именно он привез в Россию молодого арапа Ганнибала – прадеда великого русского поэта А.С. Пушкина [11, с. 82].

В свою очередь, фундамент сербской системы образования заложили русские учителя Максим Суворов и Эммануил Козачинский, прибывшие в 1726 году в город Карловац с большим количеством книг, в том числе с букварем Феофана Прокоповича и грамматикой Мелентия Смотрицкого. Обе книги несколько раз переиздавались, были переведены на сербский и долгое время служили основными учебными пособиями [11, с. 82]. Эммануил Козачинский также осуществил театральную постановку трагикомедии о сербском царе Уроше V. Позднее это произведение барочного театра поэт Йован Раич переработал и напечатал в своей новой версии. В свою очередь, русские добровольцы помогали сербам во всех освободительных войнах. Например, граф Николай Раевский, прототип Алексея Вронского, одного из героев романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина», погиб в сербско-турецкой войне (недалеко от города Алексинац), куда он отправился добровольцем в 1876 году. Главнокомандующим сербской армией был русский генерал М.Г. Черняев. Как

справедливо отмечает Милослав Шутыч, «корни этой близости народов – в византийской цивилизации... общее византийское происхождение русской и сербской культуры, общая принадлежность русского и сербского народа к православной семье христианских народов» [20].

Сербские народные песни, дошедшие до России благодаря переводам И.И. Срезневского, были с восторгом восприняты А.С. Пушкиным, и он написал их «переложения» (двух песен из сборника Вука Караджича) в его «Песнях западных славян» (1835). Первая песня – свободное переложение, а вторая, по словам А.С. Пушкина, «прекрасная песня» – «Сестра и братья» («Бог ником дужан не остаје») – представляет собой точный перевод. Кроме того, А.С. Пушкин написал и несколько собственных песен в духе сербской народной поэзии, перенимая их дух и стиль. Стоит отметить тот факт, что это сербское влияние было на самого «позднего», зрелого А.С. Пушкина.

Первым писателем Сербии, который стал популярен в России, причем это произошло в эпоху Серебряного века, стал Бранислав Нушич. Были переведены и изданы его «Сербские рассказы» (Спб., 1903), «Хаджи Лойя» (Спб., 1912) и «Сын тринадцати отцов» (М., 1925; это перевод романа «Дитя общины» с немецкого). Позже он многократно переиздавался в советское время, начиная уже с 1950-х годов, а также были изданы исследования его творчества А. Хватова «Бранислав Нушич» (1964) и Д. Жукова «Бранислав Нушич» (1972, 1989). Важный факт состоит в том, что Лев Толстой прочел его «Князя Семберийского» и «сказал, что это лучшая и самая сильная драма у славян за то десятилетие, когда она была обнародована» [6, с. 16]. Чем можно объяснить такую привлекательность Бранислава Нушича для российского читателя и зрителя его пьес? В первую очередь тем, что его мягкий и мудрый христианский юмор показывал пустоту буржуазного обезбоженного мира, что было конгениально подлинному русскому мировоззрению. Фактически также Б. Нушич был близок такому типу русских писателей, как М. Булгаков и М. Зощенко, но был старше их и во многом предвосхитил их творчество.

Творчество другого выдающегося сербского писателя Иво Андрича было хорошо известно в России уже с середины 1940-х гг. С этого времени на русском языке неоднократно издавались его повести и рассказы, романы, статьи и очерки. Его переводили в СССР также на украинский и белорусский языки, на языки народов Прибалтики, Кавказа и Средней Азии. Определенным итогом длительной рецепции и изучения его творчества стала вышедшая в 1992 году в Институте славяноведения и балканистики РАН коллективная монография Научного центра общеславянских исследований (ЦЕСЛАВ) «Творчество Иво Андрича: Миф, фольклор, история, литература» [18] по материалам Симпозиума к 100-летию со дня рождения писателя. Обзор тематики работ, которые вошли в эту монографию показывает, что творчество Иво Андрича в них рассматривалось как не только как оригинальный «художественный мир», но и как определенный *культурный канон, который имел продолжение в современной русской культуре.*

Кратко рассмотрим тематику основных статей. В статье Т.В. Цивьян «Горы и воды – интерьер балканского мира» дан культурологический анализ южнославянского «образа мира». В статье И. Тарталя «Обобщение опыта одного рассказчика. Стокгольмская речь И. Андрича “О повествовании и рассказчике”» очерчены общие творческие принципы писателя. В.П. Гудков в статье «Созерцательная мудрость Иво Андрича» систематизировал тип его мировоззрения. Н.В. Злыднева в работе «Иво Андрич и Лев Шестов, или О геометрии “Проклятого двора”» предложен ценный компаративный анализ его мировоззрения и философии выдающегося философа Серебряного века. О.Л. Кириллова в статье «Структура автора в поэтике Андрича: от “Пути Алии Джержелеза” (1919) к “Дому на отшибе” (1976)» показала становление «Я» автора в его прозе. В статье «Проза Иво Андрича и развитие фольклорно-мифологического типа творчества в балканских литературах» Н.И. Вагаповой показан контекст возникновения мифопоэтического мира И. Андрича. Т.Ф. Семёнова «Турцизмы в художественном мышлении и языке Иво Андрича» показывает поликультурность его художественного мира; Г.Я. Ильина в статье «Функция легенды о султанине Джеме в повести И.

Андрича “Проклятый двор” и романе В. Мутафчиевой “Дело султана Джема”» конкретизирует этот аспект. С.Н. Мещеряков в работе «Принцип антитезы в повести И. Андрича “Проклятый двор”» и О.В. Цыбенко в статье «Мифы в творчестве Иво Андрича и Тадеуша Новака» возвращаются анализу его мифомышления.

В статье П. Палавестра «Историческое сознание И. Андрича» дан анализ ключевой темы, интересующей всех исследователей, которые видят в творчестве И. Андрича в первую очередь *ценность восстановления подлинной исторической памяти, хранящейся в народном сознании*. Это тему продолжает и статья Л.Ф. Широковой «Константы и изменчивость. Символы истории в романах М.Фигули “Вавилон” и И. Андрича “Мост на Дрине”», а также Г.П. Творонович «Исторический жанр в белорусской литературе и Иво Андрич», А.Н. Едлинской «Мифы и химеры в национальной истории. Иво Андрич и украинский “химерный роман”», И.Л. Бершадской «Роман Иво Андрича “Травницкая хроника”: историческая действительность и историческое сознание» и М.Л. Карасёвой «Экзистенциальные корни исторической прозы И. Андрича». Статья З. Константиновича «Андрич и славянский мир» дает панораму влияния сербского писателя на другие славянские литературы, а Т.П. Агапкина в статье «Творчество Иво Андрича в Советском Союзе. Начало известности» показывает процесс его рецепции в России.

Еще ранее, в статье к 3-томному изданию Иво Андрича (1984) Н. Яковлева также отмечала первенство И. Андрича в повороте художественной литературы XX века к осмыслению национального исторического сознания: «Андрич обратился к тому, что считал первоэлементом истории – легендам, сказаниям, преданиям своего народа. В изучении народных преданий он видел возможность проникнуть в глубокое и подспудное течение жизни, возможность не только понять прошлое, но и понять настоящее и будущее... Движение его прозы вглубь, к корням и истокам, к “наследию предков”, раздвинуло ее временные границы» [20, с. 7-8]. Однако именно такой же «поворот» составлял и важнейшую особенность русской литературы XX века, особенно его второй половины. Тем самым, очевидно, что здесь И. Андрич предвосхитил

ее тенденции и стал для многих русских писателей этого периода ориентиром и образцом. Известно, в частности, почти «культовое» отношение к его роману «Мост на Дрине» столь разных русских писателей – от представителей «деревенской прозы», ныне уже очень высоко оцененной во всем мире, до авторов нового «постмодернистского» направления.

Главный специалист по наследию И. Андрича в России О.Л. Кириллова в монографии «Между мифом и игрой. О поэтике И. Андрича» (М., 1992) обобщила это понимание смысла его творчества. Кроме того, еще в СССР была издана публицистика И. Андрича («Человеку и человечеству...») – М.: Радуга, 1983. 506 с.), и издание его книг продолжалось уже и в XXI веке (Андрич И. Пытка. Избранная проза. – М.: Панорама, 2000. 592 с.). Продолжается и исследование его творчества. Так, П.Е. Зеновская в недавней статье «Носители модели мира в малой прозе Иво Андрича» (2016) отмечала: «для малой прозы И. Андрича можно говорить о существовании особого типа персонажа-маргинала. Обособленность такого персонажа имеет различное выражение, так как одиночество его может быть связано с религиозными воззрениями, образом жизни или складом характера. Тем не менее во всех приведенных рассказах обособленность персонажа носит черты узничества, добровольного или вынужденного затворничества, находящего свое отражение в пространственной системе произведения»[7, с.24]. Данная здесь характеристика акцентирует в творчестве И. Андрича уже те черты, которые роднят его с писателями XXI века и вновь делают его актуальным.

Но наиболее фундаментальное влияние на русскую литературу, оказал, безусловно, Милорад Павич. В его творчестве русские писатели и читатели увидели свой канон «другого постмодернизма». Постмодернизм многолик. В России есть адепты и основной версии постмодернизма как чистой игры с языком и «отрицания абсолютов»; но намного более продуктивной и глубокой является версия постмодернизма как критики Модерна и возвращения к общей Традиции. Здесь литературная игра не становится отрицанием традиций, а наоборот, обобщает разные традиции в единую, общечеловеческую память. В Европе представителем такого постмодернизма был У. Эко, а для культур стран православного

«пост-византийского» пространства таким классическим образцом и ориентиром стал М. Павич. В журнале «Иностранная литература» (2002, №2) была опубликована беседа литературоведа А. Романовой с М. Павичем под заголовком «Архипелаг Павич», в ходе которой «Милорад Павич, кстати переводчик на сербский язык “Евгения Онегина”, на чистом русском, практически без акцента начинает декламировать фетовское “Я пришел к тебе с приветом...”» [1, с. 257]. Исследователи отмечают, что у М. Павича русская культура стала предметом интертекстуальной игры в его художественном пространстве. Известный во всем мире российский критик и литературовед Александар Генис в статье «Апофеоз формы» в сборнике эссе «Вавилонская башня», отмечает, что литературную форму у М. Павича надо рассматривать «на другом, более сложном хронологическом уровне, таком, который способен наделить временные координаты пространственными характеристиками», поскольку его герои не ищут истину, порядок, гармонию и Бога «в пространстве, а во времени, не на небе, Земле или в преисподней, а во вчерашнем, сегодняшнем и завтрашнем дне» [4, с. 113]. Вот именно такая «космичность» и синтетичность мировосприятия наиболее близка русской культуре. Отчасти сам М. Павич воспринял ее у русской литературы, но затем создал такой синтез, который оказывает обратное мощное воздействие.

Именно эта синтетичность художественной картины мира М. Павича и является главным предметом анализу у российских ученых. Например, М.А. Слащёва в статье «Мифологическая модель мира в постмодернистской прозе Милорада Павича» пишет, что художественный мир М. Павича – «мир опосредованный, видимый через культурную сетку, призму, в качестве которой может выступать литературный текст или другое произведение искусства», а также «переплетение самой строгой историчности <...> и самой невероятной игры со временем и пространством, обращения к чисто мифологическим персонажам, сюжетам фольклорных легенд и быличек» [16, с. 52]. В свою очередь, Демина А.И. характеризует «Хазарский словарь» как «роман, представленный как сложная и запутанная семиотическая структура, устремлен к некоей целостности. Нагромождение знаков на разных уровнях,

от стилистического до композиционного, как нам кажется, выполняет в нем ту же задачу, что и средневековый стиль плетения словес» [5, с. 42]. А.В. Месянжинова отмечает, что «его романы не имеют фиксированного начала и конца, он разбирает игровое пространство на составляющие, с другой – появляется надежда на сосуществование разных миров, восстановление своего рода индивидуальной справедливости. Но в то же время мир художественной культуры, создаваемый писателем, способ его бытования в культуре – это система знаков и символов, а о том, что скрывается за ними, какие реалии, мы можем лишь строить предположения. М. Павичу удалось создать свою собственную архетипическую модель культуры» [14, с. 88-89].

Создание «собственной архетипической модели культуры» на основе «сосуществования разных миров» культур, «переплетения самой строгой историчности и самой невероятной игры со временем и пространством», а также актуализация «средневекового стиля плетения словес» (общего корня сербской и русской литератур в византийской традиции!) – все эти черты, выделенные исследователями, и составляют тот *новый литературный канон «другого постмодернизма», который является и парадигмой современной русской литературы, но был создан М. Павичем еще раньше.*

Стоит отметить, что для XX века характерно резкое усиление взаимного влияния русской и сербской культур. Прибытие в Сербию русских эмигрантов после октябрьских событий 1917 года было одним из важнейших факторов этого процесса. Так, по данным двухтомника «Русская эмиграция в сербской культуре XX века», изданного Филологическим факультетом в Белграде в 1994 г. (составители Миодраг Сибинович, Мария Межински и Алексей Арсеньев, ответ. ред. Миодраг Сибинович), в Королевство СХС переселилось несколько десятков тысяч русских эмигрантов, главным образом, в Сербию, которая протянула им руку помощи. Например, после Гражданской войны в Сербию прибыла и часть семьи Толстых, а известный русский лингвист, академик Никита Ильич Толстой родился в Сербии. В Белграде на сербском языке выходил очень содержательный журнал «Русский архив» (среди сотрудников которого была

и Марина Цветаева), а о Белграде как русском культурном центре свидетельствует тот факт, что именно здесь в 1928 году состоялся Первый съезд русских писателей в эмиграции.

Кратко отметим нескольких русских ученых, внесших неоценимый вклад в развитие сербской гуманитарной науки в XX веке. Г.А. Острогорский (1902, Петроград – 1976, Белград) приехал в Сербию в 1933 году, будучи уже сформировавшимся ученым и дал сербской византологии новый импульс. За сорок лет работы в сербской науке он стал одним из крупнейших византологов XX века. Это вывело и саму сербскую византологию на мировой уровень. Г.А. Острогорский основал Институт византологии Сербской Академии наук и искусств, а его капитальный труд «История Византии» переведен на многие языки мира. Среди первых русских эмигрантов был и византолог В.А. Мошин (1894, Петербург – 1987, Скопле), прибывший в Королевство в 1920 г. Будучи профессором-византологом в Белградском университете, он занимался прежде всего влиянием Византии на средневековую Сербию, изучал открытые им самим уникальные сербские и греческие документы на Афоне.

К.Ф. Тарановский (1911 – 1993, Гарвард) как ученый сформировался в Белграде и, уже будучи профессором Белградского университета, переехал в Гарвард, США. Продолжая дело своего учителя Р. Кошутича, основателя сербской русистики, опираясь на научный вклад русских формалистов и пражской лингвистической школы, он внес неоценимый вклад в языкознание и теорию литературы. Е.В. Аничков (1866 – 1937, Белград), историк литературы, эстетик, фольклорист, писатель русской эмиграции в Югославию опубликовал большое число работ, в том числе и о символизме, с некоторыми представителями которого он был знаком лично, в частности, с Блоком. Особое значение имеет его исследование о христианской эстетике. В архиве Сербской Академии наук и искусств хранится ряд его работ.

Наконец, стоит отметить, что капитальные сооружения архитекторов Н.П. Краснова и Г.И. Самойловаво-многим определили облик современного Белграда. В Сербии работали также русские эмигранты юристы С. Троицкий, А. В. Соловьев и

Ф. В. Тарановский, историк искусства Н. Л. Окунев, художники С. Ф. Колесников, Л. Т. Шейка, О. В. Василенко-Иваницкая и др., а также целая плеяда деятелей театра, музыки и кино.

После 1991 года началось обратное мощное воздействие сербской культуры на русскую. Кроме М. Павича, о котором уже было сказано, очень сильное воздействие на русскую культуру – а именно, на ее православный сегмент – оказывают труды святителя Николая Сербского (Велимировича). Ныне они издаются в России многомиллионными тиражами и продаются практически в каждой церковной лавке. Несомненно, что именно сербский святой XX века является сейчас самым популярным в России богословом. Но это признание на самом деле началось намного раньше. Еще в 1958 году русский святитель Сан-Францисский Иоанн (Максимович) назвал его «великим святителем, Златоустом наших дней и вселенским учителем Православия» [15, с. 276]. Свидетельством огромного влияния сербского святого на русских людей в эмиграции являются воспоминания «Мои встречи и жизнь с владыкой Николаем» профессора Свято-Тихоновской семинарии Владимира Маевского, который был другом владыки, и был близок с ним в последние годы жизни. Подробным и интересным жизнеописанием Владыки Николая является книга Павла Тихомирова «Белые пятна на сербском кресте», опубликованная на сайте «Русская народная линия», в которой автору удалось очень талантливо рассказать о жизни святителя. В последние годы начали появляться труды, к которых исследуется богословское и философское творчество святителя Николая Сербского. Примером этого может служить новейшее исследование известного современного русского мыслителя В.Ю. Катасонова «Мир глазами святителя Николая Сербского» (М., 2017[9]).

В 1910 году будущий святитель Николай приехал учиться в Россию, в Санкт-Петербургскую Духовную Академию. При приеме в Академию он не упомянул своих научных степеней и законченных им факультетов. Скромный студент оставался незаметным для товарищей, пока не поразил своими знаниями и проповедническим даром студентов и преподавателей во время одной из публичных дискуссий. Петербургский митрополит Антоний выделил ему стипендию на поездку по

стране. Совершает паломничество по русским святыням. За год, проведенный здесь, будущий подвижник ближе знакомился с русской церковной и богословской традицией, узнал душевное устройство русских людей и проникается сердечной любовью к России. Позже, будучи епископом, он первым в мире заговорит о необходимости почитания памяти царя Николая II и положит начало прославления Царской Семьи.

Несколько лет назад при реставрации после землетрясения 2010 года, в церкви Святого Саввы, построенной по распоряжению владыки Николая на территории монастыря Жича, была обнаружена фреска с изображением царя Николая II, написанная в 1937 году, существование которой долгое время хранилось в строгой тайне. В 1945 году службы госбезопасности приказали скрыть фреску, изображение было покрыто листом плотной синей бумаги. Рядом с последним русским императором изображены преподобный Серафим Саровский и равноапостольный князь Владимир.

Обратное влияние русской мысли на сербскую в последнее десятилетие стало проявляться в сфере философии. Так, на сербский язык были переведены труды известного русского эстетика Ю. Б. Борева «Энциклопедия русской философии» и «Эстетика». Однако особенно следует выделить деятельность Владимира Меденицы, сербского философа и литературоведа, главного редактора издательства «Логос» (Белград). Будучи настоящим «подвижником русской культуры» (М. А. Маслин), он задумал и осуществляет ряд проектов по изданию трудов русских философов на сербском языке. Уже изданы работы В. Соловьёва, П. Флоренского, С. Булгакова, Н. Федорова, В. Розанова, готовятся собрания сочинений Н. Бердяева, Л. Шестова и др. Безусловно значимым для дальнейшей работы стало издание в 2008 г. на сербском языке энциклопедии «Русская философия», вышедшей под общей ред. проф. М. А. Маслина в Москве в 2007 г. Более чем 800 статей энциклопедии позволят всем интересующимся русской философией составить о ней достаточно полное представление. Для В. Меденицы русская философия – не только феномен прошлых веков, это живой процесс современного философского творчества, в который сам сербский мыслитель активно включен. Личное участие в работе многих конференций и семинаров

по русской философии и литературе дает ему возможность составить собственное мнение о современном состоянии философии в России, выбрать наиболее интересных авторов, среди которых С.С. Хоружий, С.Г. Семенова, А. Дугин, А.Г. Гачева, чьи работы в переводе на сербский язык уже изданы издательством «Логос». В частности, участвуя в этико-философском семинаре им. Андрея Платонова в Воронежском государственном университете «Русская философия сегодня» (2008), В. Меденица познакомился с творчеством воронежского профессора философии Владимира Варавы, автором вышедшей в 2005 г. в издательстве Воронежского государственного университета книги «Этика неприятия смерти». Эта книга, написанной в традициях русского любомудрия богатым языком, не скованным рамками философского академизма, обширная философская эрудиция автора и умение со страстью говорить с читателем о самом главном – жизни и смерти – все это не могло не привлечь внимания сербского издателя. Книга В.В. Варавы была переведена на сербский язык и вышла в Белграде в издательстве «Логос» (Варава В. Етика неприхватања смрти / Пер. с рус. Миролюба Авдоновича. – Белград: Логос, 2010[2]). Автор данной статьи также регулярно участвовал в этико-философском семинаре им. Андрея Платонова в Воронеже, где также познакомился с В. Варавой и В. Меденицей. (Позже В. Варавы переехал работать в Москву, а также был первым оппонентом на защите моей докторской диссертации в 2018 году). В настоящее же время активное сотрудничество русских и сербских философов происходит в Белгородском государственном университете с участием П. Боянича.

Фундаментальное идейное значение для понимания всей глубины родства сербской и русской культур, а также главных задач их современного сотрудничества имеет статья В. Варавы «Сербия и Россия – византинизация против вестернизации». В ней он пишет: «Византизм как мировоззрение, трезво оценивающее иллюзорность любых прогрессистских проектов, культивирует возвышенно-трагический стиль жизни, соответствующий онтологическому состоянию наличного бытия, бытия больного и порушенного многовековым человеческим злом. Иным словом, византизм – благородство и трагический аристократизм; вестернизм – примитивность

и пошлость... сейчас мы наблюдаем конфронтацию двух антропологических моделей – Homo Byzantinus и Homo Americanus. Разница меж ними столь велика, политические силы на сегодняшний момент столь неравномерны, что вольно-невольно необходимо заниматься апологией коренных начал славянского духа, в основах которого – византийское мирочувствие»[3].

Как отмечает В. Варава, «наиболее яркая и величественная фигура, появившаяся на сербско-русском духовно-культурном горизонте – это фигура выдающегося сербского богослова и философа, архимандрита Иустина (Поповича), прославленного Сербской Православной Церковью в 1993 году». В России вышли все основные труды святителя: трехтомная «Догматика Православной Церкви, или Православная философия истины», «Философские пропасти», «Философия и религия Ф.М. Достоевского», «Достоевский в Европе и славянстве». Хотя книги Иустина (Поповича), в отличие от книг святителя Николая Сербского, больше читаются не массовым читателем, а интеллектуалами (богословами и философами), тем не менее, его также следует назвать одним из главных и любимых в России авторов современной эпохи русского православного возрождения ХХI века.

В. Варава очень точно сформулировал общий исторический смысл и перспективы взаимодействия сербской и русской культур: «Глубинное общение российской и сербской философии приведет к взаимному умножению духовных и метафизических потенциалов наших культур. Россия в Сербии узнает важнейшие истоки своей книжной православности, Сербия в России – важнейшие сотериологические перспективы. Взаимное отражение родственных культур в зеркале исторической судьбы – способ более глубокого самопознания, а значит и узрения своих духовных заданий в мире. А они оказываются общими, ибо как завещал святой Иустин: “Что важно для русской души, то важно и для сербской: только ведомые Святителями они могут спастись от ада и войти в рай вечной жизни Христовой”» [3]. Таким образом, как пишет философ, «единство мессианских задач русского и сербского народов – быть хранителями и свидетелями Православия в окружении, становящемся не только тотально

дехристианизированным, но и откровенно бесчеловечным» [3]. В качестве ценного примера развития сотрудничества называет подготовленный к Дням Славянской письменности и культуры, проходивших в 2003 г. на государственном уровне в Воронеже, сборник сербской поэзии, изданный в Москве «Из века в век. Сербская поэзия: Стихотворения» [8]. Благодаря этому сборнику многие имена сербских поэтов стали доступными российскому читателю, которые, по словам В. Варавы, в нем «бесспорно, обнаружат много родственного и общего, почувствуют неумирающий византийский дух и силу сербских поэтов» [3].

Подводя итог нашему краткому рассмотрению темы, можно сделать следующий обобщающий вывод. Влияние Сербии на становление русской культуры на протяжении многих веков носило хотя и эпизодический, но очень глубокий характер. Если культуры «ведущих стран» Европы (Германии, Франции и Англии) влияли на уровне отдельных своих культурных явлений и персоналий, то культура Сербии влияла на России *парадигмально, то есть передавая ей именно тип культуры и образцы культурной деятельности*. Самым фундаментальным влиянием было «второе южнославянское влияние», заложившие основания русской культуры как таковой, сохраняющиеся до сих пор. Ранее не менее фундаментальным было и «первое южнославянское влияние» в эпоху крещения Руси – оно дало, в частности, богослужебный язык, которым Русская Православная Церковь пользуется до сих пор. Уже в XX веке, как это мы видели на примере трех сербских писателей-классиков, сербская литература во многом предвосхитила развитие литературы русской. Наконец, в православном возрождении XXI века выдающуюся роль играют труды сербских святителей XX века. Чем объясняется эта общая историческая закономерность? В первую очередь тем, что Сербия, будучи православной страной, вместе с тем находится в самом центре Европы и поэтому раньше всех встречает культурные вызовы, которые идут с Запада, порождая свой культурный ответ на них. Это ответ становится затем образцом для других православных культур, в первую очередь, для русской, которые развивают его дальше. В настоящее время эта закономерность повторяется и, несомненно, уже приносит свои богатые плоды в русской культуре.

ЛИТЕРАТУРА

«Архипелаг Павич». Беседа с Милорадом Павичем и Ясиной Михайлович // Иностранная литература. № 2, 2002. С. 254-260.

Варава В. Етика неприхватања смрти / Пер. с рус. Миролюба Авдоновича. – Белград: Логос, 2010. 172 с.

Варава В. Сербия и Россия – византинизация против вестернизации // Эл. ресурс. URL: <http://sloven.org.rs/rus/?p=1094>

Генис А. Вавилонская башня: искусство настоящего времени. Эссе. – М.: Независимая газета, 1997. 256 с.

Демина А.И. Византийская концепция знака в романе Милорада Павича «Хазарский словарь» // Вестник СамГУ. 2007. №5/2 (55) С. 38-44.

Жуков Д. Бранислав Нушич // Нушич Б. Избранное. – М.: «Художественная литература», 1975. – С. 5-22.

Зеновская П.Е. Носители модели мира в малой прозе Иво Андрича // Грамота, 2016. № 3(57): в 2-х ч. Ч. 2. С. 22-25.

Из века в век. Сербская поэзия: Стихотворения / Пер. с серб.; Сост. С.Н. Гловюка, И.М. Числова; Предисл. И.М. Числова. – М.: Пранат, 2003. – 672 с.

Катасонов В.Ю. Мир глазами святителя Николая Сербского. – М.: Русская цивилизация, 2017. 592 с.

Кириллова О. Л. Между мифом и игрой. О поэтике И. Андрича. – М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1992. 123 с.

Кнежевич М. Культурно-исторические связи русских и сербов // Общество. Среда. Развитие. – 2017, № 2. – С. 81–85.

Лихачев Д.С. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России // Лихачев Д.С. Исследования по древнерусской литературе. – Л.: Наука, 1986. С 7-56.

Малягин В. Святитель Николай Сербский. – М.: Даниловский благовестник, 2014. 169 с.

Месянжинова А.В. Архетипическая основа постмодернистских культурных моделей (Милорад Павич и Джулиан Барнс) // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 2. С. 82-90.

Святитель Николай Сербский / Сост. А. Маркова. – М.: Благовест, 2016. 288 с.

Слащёва М.А. Мифологическая модель мира в постмодернизме. Проза Милорада Павича // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. – 1997. – № 3. – С. 42-54.

Соболевский А.И. Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV-XV веках // Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV-XVII веков. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1903. С. 1-14.

Творчество Иво Андрича: Миф, фольклор, история, литература: Симпозиум к 100-летию со дня рождения писателя: Тезисы и материалы / Ред.-сост. О.Л. Кириллова. – М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1992. – 112 с.

Турилов А. А. Восточнославянская книжная культура конца XIV-XV вв. и «второе южнославянское влияние» // Древнерусское искусство. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. – С. 321-337.

Шутыч М. К истории сербско-русских культурных связей // Эл. ресурс. URL: <http://rusnardom.ru/miloslav-shutyich-k-istorii-serbsko-russkih-kulturnyih-svyazey/>

Яковлева Н. Иво Андрич // Андрич И. Собр. Соч. в 3-х томах. Т. 1. – М.: «Художественная литература», 1984. – С. 5-20.

Автор: Даренский Виталий Юрьевич – доктор философских наук, профессор Луганского национального университета им. Тараса Шевченко, член Союза писателей России.

УДК 325.14(=163.41)(477.61)''17/18''

Анпилогова Татьяна Юрьевна

ВКЛАД СЕРБОВ-КОЛОНИСТОВ В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ЛУГАНСКОГО КРАЯ В XVIII–XIX ВВ.

**Contribution of Serbian colonists in social
and cultural development of Lugansk
region in XVIII–XIX centuries**

Резюме

Статья посвящена проблеме колонизации сербами Луганского края. Автором показаны причины переселения сербов-граничар на территорию Российской империи в середине XVIII века. На основе исторических источников проанализированы проблемы адаптации военных колонистов на территории Славяносербии. Охарактеризован вклад сербов в экономическое и культурное развитие Луганщины в XIX веке.

Ключевые слова: Сербы-граничары, Славяносербия, Новая Сербия, Луганский край, культурное развитие.

Resume

The article is devoted to the problem of the colonization of the Lugansk region by the Serbs. The author shows the reasons for the resettlement of

Serbs-Frontier's troops to the territory of the Russian Empire in the middle of the 18th century. On the bases of historical sources, the problems of the adaptation of military colonists in the territory of Slavyanoserbia are analyzed. The contribution of the Serbs to the economic and cultural development of Lugansk region in the XIX century is characterized.

Keywords: Serbs-Frontiers, Slavyanoserbia, New Serbia, Lugansk Territory, cultural development.

В середине XVIII века процесс заселения окраинных районов Российской империи представителями различных национальностей, инициированный российским правительством, значительно активизировался. Это было вызвано, с одной стороны, все еще сохранявшейся угрозой со стороны Турции и находящегося под ее протекторатом Крымского ханства, с другой – необходимостью хозяйственного освоения этих плодородных земель. Кроме того, нельзя забывать и о такой причине, как стремление властей к установлению контроля за действиями проживавших здесь казаков путем создания полностью управляемого военного контингента.

Первые попытки заселения правого берега Северского Донца колонистами из других стран предпринимались правительством еще в первой половине XVIII века – иностранным подданным обещали землю на правах условного владения и освобождение от ряда повинностей взамен несения военной службы. Подобные условия особенно пришлись по душе сербам-граничарам – представителям населения пограничной области («Военной границы») юга Габсбургской империи.

Массовое стремление сербских граничар было вызвано тем, что после Белградского мирного договора 1739 года и установления между Турцией и Австрией новых границ, императрица Мария Терезия решила ликвидировать состоявшую из сербов ланд-милицию и передать венграм

приграничные земли, в которых несли ранее службу сербские военные поселенцы, а их самих переселить на другие земли. Не желавшие принимать венгерское подданство сербы, испытывавшие неприязнь к венграм и религиозные притеснения со стороны католической церкви, стали проявлять желание переселиться в православное Российское государство. Некоторые военачальники-переселенцы стремились получить от колонизации и материальную выгоду, обещая за денежное вознаграждение привезти в Россию тысячи военных.

Уже в 1751 г. сербский полковник Иван Самойлович Хорват, служивший в австрийской ланд-милиции, обратился к российскому послу Алексею Петровичу Бестужеву-Рюмину от имени сербских офицеров с просьбой предоставить им подданство и принять на службу Российской империи [1].

Вследствие дальнейших переговоров в 1751 году императрица Елизавета Петровна подписала указ о принятии в подданство сербов, желающих поселиться в России. Все сербы-колонисты должны были войти в состав отдельных полков приграничной милиции на таких же условиях, как они служили в Австрии.

Первым в Россию прибыл Иван Хорват со своим отрядом, для которого были выделены земли на правом берегу Днепра, принадлежавшие запорожцам, с центром в г. Новомиргороде. Эти земли получили название Новая Сербия [2].

Вслед за И. Хорватом в 1752 году прибыли полковник Иван Шевич и подполковник Райко Прерадович. Указом императрицы им были выделены земли от р. Бахмут до р. Лугань «в специально укрепленных редутах мест». Эти земли были выделены в отдельную территориальную единицу – Славяносербию, которая, как и Новая Сербия, непосредственно подчинялась Военной коллегии и Сенату.

Штаб И. Шевича находился в Красном Яру, Р. Прерадовича – в Бахмуте. Переезжая на службу в Россию, каждый серб должен был принести торжественную клятву императрице [3].

Заселение Славяносербии, вопреки ожиданиям правительства, происходило тяжело и медленно. К 1755 году здесь поселилось всего 1.513 человек [4]. Чтобы пополнить свои

полки И. Шевич и Р. Прерадович переманивали к себе военных из других полков, с целью вербовки желающих поступить на службу засылали доверенных людей в Киев и Нежин, набирали в полки людей любых сословий и национальностей. В результате славяносербские полки пополнялись украинцами, а сами сербы составляли в них не более трети.

Со временем российское правительство все чаще стало привлекать сербов-поселенцев к походам регулярной армии, особенно в случае войны. Многие военные поселенцы из Славяносербии впоследствии сделали военную карьеру, отличившись личным мужеством, смелостью и сохранив преданность императору. Среди них – Семен Зорич, Иван Миакович, Марко Ивелич, Василий Вуич, Иван Шевич, Николай Депрерадович и многие другие.

За военную службу сербские офицеры получали от правительства земельные наделы, размеры которых зависели от военного чина. Новые землевладельцы часто наделялись землей при условии, что в течение определенного срока заселят ее крестьянами. В противном случае они могли лишиться наделов. Поэтому процесс колонизации земли и основания новых населенных пунктов происходил достаточно быстро.

Сербы основали на Луганщине десятки населенных пунктов, среди которых – Серебрянка, Красный Яр, Верхнее, Привольное, Нижнее, Подгорное, Штеровка и др. Многие из них были названы в честь самих помещиков или их детей. Например, сербский офицер Вуич во второй половине XVIII века основал на р. Северский Донец с. Вуичнивку (позже – Знаменка), Перич – с. Перичивку (ныне – Сокольники), Депрерадович – с. Депрерадовку, Исаак Миакович – с. Исааковку, Тошкович – с. Тошковку, Иван Штерич – с. Ивановку и т.д.

Долгое время сербы не могли самостоятельно вести хозяйство. Однако после расформирования гусарских полков ситуация изменилась, как и отношение сербов к ведению хозяйства. Их основным занятием стало животноводство и, преимущественно, коневодство. Это давало возможность обеспечивать себя лошадьми во время несения военной службы.

Сербские помещики, владевшие крупными земельными наделами – «ранговыми дачами» – жили в деревянных домах, которые называли «дворцами» и держали прислугу. В каждом таком «дворце» существовала своя униформа и полувоенный распорядок жизни. Большое жалование, получаемое сербскими офицерами, позволяло им держать хозяйство и усадьбу. Некоторые офицеры, ставшие со временем помещиками-дворянами, силой и хитростью принуждали местных крестьян к работе в имениях, другие, наоборот, вводили льготы, заманивая крестьян в свои поместья. Например, панщина в их хозяйствах составляла 1–2 дня в неделю, а в других уездах и губерниях – 3–4 дня [5].

Многие сербские помещики, обогатившиеся за счет земель, занимались благотворительностью, жертвуя средства на строительство православных храмов. Первые сербские колонисты построили церковь в честь святого архидиакона Стефана в Славяносербске и открыли церковный приход. Позже сербами были построены Успенская Суходольская церковь, церковь Архистратига Михаила в Макаровом Яру, церковь в честь Вознесения Господнего в слободе Александровка, храм Благовещения Святой Богородицы в с. Веселая гора, храм Петра и Павла в с. Петровеньки и многие другие. Благодаря сербскому помещику Константину Юзбашу был построен сохранившийся до сих пор Александровский дворец, являющийся редким памятником архитектуры Луганщины.

При церквях некоторые помещики открывали церковноприходские школы для детей крестьян. Часто при них действовали и библиотеки-читальни. С 1865 по 1905 год сербами было построено 57 школ, при которых существовало 17 библиотек [6]. При каждой такой школе создавались небольшие исторические коллекции, в которых были представлены предметы быта местного населения Луганщины – украинцев, россиян, казаков, сербов.

Много фамилий сербских поселенцев осталось в истории Луганщины благодаря их меценатской и экономической деятельности. Например, имя Ивана Штерича, который одним из первых начал добывать уголь и железную руду в регионе, всегда будет фигурировать наравне с основателем

Луганского литейного завода – Карлом Гаскойном. Другой серб – Георгий Шевич – также внес вклад в строительство завода, предоставив для этого часть своих земель, дикий камень и уголь. На Северском Донце им основаны несколько сел. В 1803 г. получил в дар от Александра I золотую табакерку с гравировкой императорского имени.

Со временем сербы постепенно ассимилировались среди местного населения, что в итоге привело к их слиянию с другими народами. Однако их вклад в развитие Луганского края останется в исторической памяти не только благодаря названиям отдельных селений, но и масштабной культурной и экономической деятельности во благо новой «Малой Родины».

ЛИТЕРАТУРА

Подов, В. (1998) Славяносербия: документы и очерки из истории заселения Донбасса в XVIII в., Луганск: Глобус, стр. 58.

Каленюк, С., Ломако, М. (2010) Роти полку Депрерадовича. Мандрівка Лисичанським краєм у пошуках першопоселенців, Лисичанськ: ПП «Прінтекспрес», стр. 6.

Экзерциция и учреждение строев и всяких церемониалов регулярной кавалерии 1755 году (1755), СПб.: при Имп. т. д. наук, стр. 53

Кабузан, В. (1992) Народы России в первой половине XIX в. Численность и этнический состав, Москва: Наука, стр. 94.

Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской Епархии: церкви и приходы прошедшего XVIII столетия (1880), Екатеринослав, типография Я.М. Чаусского, стр. 18.

Писаревский, А. (1909) Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в., Москва, стр. 27.

УДК 327(470+571)(497.11)''17''

Велимирович Светлана Сергеевна*

VelimirovichSvetlanaSergeevna

*Тюменский государственный, институт
культуры*

TheTyumenStateInstituteofCulture

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИИ И СЕРБИИ В XVIII В. КАК ПРИМЕР СОТРУДНИЧЕСТВА ЕДИНОВЕРНЫХ ГОСУДАРСТВ

**The interaction of Russia and Serbia
in the XVIII century as an example of
the cooperation of the faithful states**

Аннотация

Статья раскрывает особенности взаимоотношений России и Сербии в 18 веке, описывает начало культурного сотрудничества через взаимодействие Москвы и Белграда, а затем и через процесс переселений сербов на территорию российских земель.

This article reveals the peculiarities of the relationships between Russia and Serbia in the 18th century, also it describes the beginning of the cultural cooperation through the interaction of Moscow and Belgrade, and then through the process of the resettlement of Serbs to the Russian territory.

* gusena25@mail.ru

Ключевые слова: Единоверие, Переселения, Новая Сербия, Славяносербия, Взаимодействие

Родственность языков и единоверие сербов и русских благоприятствовали непрерывному вековому соприкосновению, культурному взаимовлиянию и сотрудничеству этих двух народов. Когда Сербии была нужна поддержка России, то в большинстве случаев она была оказана. Между 14 и 18 веками случилось несколько великих переселений сербов на территорию России. Но началом дипломатических отношений российских и сербских земель можно считать 1509 год, когда в Москву к великому князю Василию III Ивановичу приехали представители сербских монастырей. С падением Константинополя в 1453 году православный мир лишился своего духовного центра, и балканские народы искали покровительства, защиты и помощи для сохранения своей истории, культуры и религии у единственного независимого православного государства – Московской Руси.

Чтобы избежать зависимости от венгерских аристократов, в середине 18 века поднялась волна переселения сербов в Россию, которую считали «землёй обетованной», в которой видели новую родину. Первым, кто сообщил царскому двору России о желании сербов, проживающих на территории южной Венгрии переселиться, стал князь Прокофий Богданович Возницын - русский посланник в Вене, представитель России на переговорах о заключении мира между христианской коалицией и Турцией на конгрессе в Карловичах в 1699 году. Отдельные представители сербского народа также посещали Санкт – Петербург, обращаясь с просьбой оказать поддержку в переселении на российские земли. Например, уже в 1704 году, Панта (Пантелеймон) Божич обратился к императору Петру Великому с просьбой включить сербов в ряды российских подданных, мотивируя это желанием бороться с мусульманами, не получая за это ни рубля, исключительно во имя православия. Панта Божич был назначен полковником в Сербский гусарский полк. Кроме того, ему поручили исполнять роль представителя и информатора по сербскому вопросу. Панта Божич принимал участие в военных походах Петра Великого и в награду за

верную службу получил от гетмана Скоропадского два села под старинным украинским городом Батурином, где и осел после выхода в отставку. Российская империя была готова принять и других сербских переселенцев в расчете на то, что они примут участие в охране южных границ от турок и татар, а также помогут в осуществлении давнего желания России получить выход к Чёрному морю.

В 1718 году, по окончании Австро-турецкой войны, центральная часть Сербии становится австрийской провинцией. При новом режиме Православие подверглось гонению: сербам запрещалось праздновать национальные праздники; под запрет попали старинные песни «Лазарицы» о гибели сербского царства на Косовом поле и о временах «Марко Краевича», которые каждый серб слышал уже «с пеленок» от матери. Носить национальную одежду, играть на гусях также не дозволялось, так как все это воспринималось австрийскими властями как форма политического протеста против их присутствия. Сознвая опасность католизации сербского народа, потери им православного самосознания и национальной самобытности, белградский митрополит Моисей Петрович обращается за помощью к русскому царю Петру Великому. В 1726 году, в соответствии с просьбой сербского владыки, в Сремских Карловцах открывается школа Максима Суворова, посланного от Синода Русской церкви. Вместе с ним было прислано большое количество русских книг. Это событие оказало большое влияние на внутреннюю жизнь сербской церкви: в XVIII веке она меняет свой богослужебный сербско-славянский язык на русско-славянский. Влияние русского языка становится сильным не только в церкви, но и среди светских сербских писателей (П. Юлинац, З. Орфелин, Й. Раич). Русский язык в этот период сербской истории становится мощным средством, позволяющим сербам сохранить свою культуру, свое национальное лицо.

Взаимодействие России и Сербии в этот период складывается по двум основным направлениям: помощь сербскому населению на его территории и участие сербов в российских делах преимущественно военного характера. Когда Петр Великий начал подготовку к войне с Турцией, то получил письмо от Йована Текелия и Вулина Илича

с предложением выступить против Турции совместно с российским пограничным отрядом численностью 10000 солдат. В то время в рядах российской армии уже был один сербский отряд под руководством капитана Йована Албанеза. Именно Петру Великому предстояло заняться организацией переселения из Австрии и славянских земель, находившихся под властью Турции, в Россию православных славян с целью создания из них военных поселений для защиты южных границ империи по примеру австрийской «военной границы». В 1723 году Петр издаёт специальный указ, который подталкивал сербов и других православных славян к переселению в Россию. В указе, в частности, говорилось: «объявляем через сие всем, кому о том ведать надлежит, понеже мы восприняли намерение в наших украинских городах содержать несколько полков конных гусарских из сербского народа и для призыву и принятия оных в нашу службу вручили мы комиссию майору Ивану Албанезу...» [1].

Пришедшая на смену Петру Великому его дочь, императрица Елизавета Петровна, 13 июля 1751 года издаёт рескрипт о принятии на службу сербских переселенцев во главе с полковником Иваном Хорватом. Путь в Россию, таким образом, был для сербов открыт. Сербские беженцы из Австрии начинают заселяться на берегах Днепра и Донеца. Среди прочих в их числе оказались и довольно известные сербские семьи: Хорваты, Чорбы, Цветановичи, Вуичи, Серезлии. Они – то и послужили основой для формирования сербских поселений на украинских землях – Новой Сербии и Славяносербии. Эти поселения имели военный характер. Переселенцы столкнулись с множеством проблем. Прежде всего, это были проблемы с украинскими казаками, которые грабили и разоряли сербские дворы. Украинские казаки видели в переселенцах конкурентов и опасались, что из-за «Новой Сербии» будет ликвидирована Запорожская Сечь. В 1760 году население Новой Сербии и Славяносербии составляло около 26 тысяч человек: селений на их территории насчитывалось 122, «дач для поселений» – 195, церквей – 31. К этому времени на российской военной службе находилось более 250 сербов-офицеров, в том числе 25 генералов. В годы семилетней войны 4 полка, выставленные из Новой Сербии и Славяносербии,

показали высокую боеспособность [2]. Сербьы селились не только в отведенных местах – наиболее знатные и зажиточные селились в украинских и южнорусских городах и даже в столицах. Своим военным знанием и умением сербские переселенцы внесли значительный вклад в русское военное дело.

Но 22 марта 1764 года в русской столице принимается документ, согласно которому Новая Сербия юридически прекратила свое существование, вошедши в новую административную единицу – Новороссийскую губернию. Виной тому послужил ряд обстоятельств. Среди них – серьёзные должностные нарушения Йована Хорвата, взяточничество и произвол с его стороны. Вслед за поселением команды Йована Хорвата и его гусарским полком пришел черед Славяносербии, также ликвидированной и переподчинённой Новороссийской Губернии «под единое право».

В наиболее активное время переселения, в начале 50-х годов 18 века, важность этого шага осознавали все участники процесса: и «австрийские», и «турецкие» сербы, и русское правительство. Обещая всё новые привилегии и льготы, переселенцев старались всячески привлечь, дав им, может быть, даже больше, чем было обещано сначала. Со временем ситуация переменилась, и такие понятия, как «славянское единство», «единоверность» отсутствовали в лексиконе принимавших с территории Балкан русских. Вероятно, в них не было необходимости. Опыт заселения Новороссийского края однозначно показал, что явной пользы от разделения колонистов на «единоверных» и «остальных» для воплощения интересов империи нет. Для освоения новых земель одинаково подходят люди всех национальностей и вероисповеданий. Главное – их готовность вступить «в службу и вечное подданство» и, таким образом, влиться в тот своеобразный стихийный «интернационал», составленный из народов и народностей, которые волею судеб собрались в причерноморских степях во второй половине 18 и начале 19 века [3]. Несмотря на прекращение существования Новой Сербии и Славяносербии духовная связь, проявляющаяся во взаимопомощи, единоверии, стремлении к сотрудничеству России и Сербии продолжилась и в дальнейшем.

ЛИТЕРАТУРА

Архив внешней политики России (Москва). – Фонд 32. – Описание 1. – Дело 6. – Лист 1

Славянские народы Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII в. / под ред. Лещиловской И.И. – М.: Наука, 2003. – 315 с.

Рудяков П. «В службу и вечное подданство...». Сербские поселения Новая Сербия и Славяносербия на украинских землях (1751–1764). – Киев, 2001.

УДК 321.01(091)(497.11)''13/20''

Капитонова Марина Сергеевна*

Kapitonova Marina Sergeevna

Donbass Law Academy

Faculty of State and International Law

СТАНОВЛЕНИЕ СЕРБИИ КАК ГОСУДАРСТВА

The formation of serbia as the state

Аннотация

В статье рассмотрены исторические этапы становления Сербии как государства, внешние факторы и прежде всего — активная поддержка сербского освободительного движения со стороны России.

Ключевые слова: Сербия, история, Югославия, империя, конфликт, гражданская война.

Summery

The article deals with the historical stages of the emergence of Serbia as a state, external factors and, above all, the active support of the Serbian liberation movement on the part of Russia.

Keywords: Serbia, history, Yugoslavia, Empire, conflict, civil war.

* marinapitonova@gmail.com

Причины межэтнических конфликтов между народами, населяющими Югославию, имеют глубокие исторические корни. История Сербии отсчитывает своё начало с VI века, с момента заселения древними славянами западной части Балканского полуострова. В VIII-IX веках возникли первые протогосударственные образования сербов. После установления в конце XII века династии Неманичей Сербское государство освободилось из-под власти Византии и к середине XIV века развилось в крупную державу, охватывавшую почти всю юго-западную часть Балкан. Расцвет средневековой Сербии пришёлся на время правления царя Стефана Душана (1331-1355)[1]. Однако после его смерти государство распалось. В 1389 году войска сербских князей потерпели поражение от турецкой армии в битве на Косовом поле, что привело к признанию Сербией сюзеренитета Османской империи. Окончательно Сербия была завоёвана турками в 1459 году. На протяжении последующих 350 лет сербские земли находились под властью Османской империи[1].

В результате Первого и Второго сербских восстаний в начале XIX века возникло небольшое автономное княжество Сербия с центром в Белграде. По условиям Берлинского мира 1878 года Сербия получила независимость, а в 1882 году была провозглашена королевством. К началу XX века в Сербии сложилась парламентская монархия, начался быстрый подъём экономики и культуры. В результате Балканской войны 1912-1913 гг. в состав Сербии были включены территории Косово, Македонии и значительная часть Санджака[2]. В Первой мировой войне Сербия выступала на стороне стран Антанты и после её завершения стала ядром Королевства сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. - Югославия). В период Второй мировой войны территория Сербии была оккупирована войсками гитлеровской Германии. В 1944-1945 гг. страна была освобождена партизанскими и регулярными отрядами Народно-освободительной армии Югославии[3].

В 1945 году была провозглашена Федеративная народная республика Югославия (с 1963г. – Социалистическая федеративная республика Югославия), в составе которой была образована Народная республика Сербия (с 1963 г. – Социалистическая республика Сербия). После смерти

бессменного лидера Югославии Иосипа Броза Тито рост межэтнического противостояния, сепаратистские выступления и попытки усиления роли Сербии в федерации привели в начале 1990-х гг к серии гражданских войн и распаду Югославии. Длительный период пребывания у власти в Сербии социалистов во главе со Слободаном Милошевичем завершился в 2000 году после бомбардировок сербских городов войсками НАТО и ввода в Косово миротворческих сил ООН[4]. В 2006 году прекратил существование государственный союз Сербии и Черногории, республика Сербия получила полную независимость.

Уроки истории показывают, что на гражданской войне нет правых и виноватых. И когда на такой войне убивают не столько за политические взгляды, а за принадлежность к определенному народу, война приобретает особую жестокость. Даже теперь трудно объяснить психологию людей, которые длительное время жили вместе, растили детей, работали, помогали друг другу, имея различие только в вере и принадлежности к разным национальностям, и в одночасье стали убивать друг друга.

Балканская политика России на протяжении первой половины XIX в. прошла ряд этапов - от противостояния с Турцией до заключения союзных договоров с ней. Изменениям подвергались и взгляды российского правительства на взаимоотношения России с балканскими славянами[5]. Известно, что руководящей внешнеполитической доктриной России на Балканах было поддержание status quo, отвечавшее интересам, и других европейских держав[6]. В то же время следует признать, что указанная доктрина не способствовала развитию освободительного движения на Балканах и сковывала внешнеполитическую активность России в этом регионе.

ЛИТЕРАТУРА

Морозов Ю.В., Глушков В.В., Шаравин А.А. Балканы сегодня и завтра: военно-политические аспекты миротворчества. М., 2001. - 376 с.

Пономарева Е.Г. Новые государства на Балканах. М.: МГИМО(У), 2010. - 252 с.

Валецкий О. Югославская война 1991-1995 гг. М.: Крафт+, 2006. - 528 с.

<https://fakty.ictv.ua/ru/svit/20160412-158123>

https://zarubej.org/ex_southslav.

Югославия в XX веке: очерки политической истории / отв. ред.: К.В. Никифоров. М.: Индрик, 2011. - 888 с.

УДК 325.2(=1.161)(497.11) «1920/1940»

Татоли Т.В.

РУССКАЯ ВОЕННАЯ ЭМИГРАЦИЯ В СЕРБИИ (20-30 гг. XX в.)

**Russian military emigration in Serbia
(in 1920-1930-ties)**

Резюме

В статье анализируется характер и особенности русской эмиграции в Сербии в межвоенный период. Специфика русской эмиграции в Сербии, в отличие от других европейских стран, состояла в том, что она имела ярко выраженный военный характер – большинство эмигрантов являлось солдатами и офицерами бывшей императорской и Белой армий. В силу сложившихся тесных исторических связей между Россией и Сербией власти межвоенной Югославии создали наиболее благоприятные условия для представителей русской эмиграции. Большой вклад в поддержку русской эмиграции внес король Александр Карагеоргиевич и премьер-министр Никола Пашич.

Ключевые слова Эмиграция, политика, Сербия, Югославия, Россия

Resume

The article investigates the character and peculiarities of the Russian emigration in Serbia during interwar period. Most characteristic feature of the Russian émigré community in Serbia during interwar period was domination of military persons – former officers and soldiers of the Russian imperial and White Armies. Due to close historical ties between Russia and Serbia the authorities of interwar Yugoslavia created the most favorable conditions for the representative of Russian émigré community. Yugoslav king Alexander and prime-minister Nikola Pasic personally supported Russian emigrants in their country.

Keywords: Emigration, policy, Serbia, Yugoslavia, Russia

Трагические события 1918-20-х гг. в России (гражданская война и последовавшая за ней попытка строительства государства диктатуры пролетариата) привели к невиданной доселе волне эмиграции: по разным данным, число эмигрировавших из России на 1921 г. составляло от одного до полутора миллионов человек. Одним из центров русской эмиграции были Балканы и в частности, Королевство сербов, хорватов и словенцев.

Исследователи выделяют четыре волны русской эмиграции на Балканы. Первую волну составили в начале 1920-го года эвакуированные из Одессы войска генерала Шиллинга и гражданские из администрации «Новороссии». Вторая волна – беженцы из эвакуированной весной 1920 г. Новороссийской группировки генерала Кутепова. Самой большой была третья – «крымская волна»: армия генерала Врангеля и гражданское население, эвакуировавшееся из Крыма. И, наконец, четвертую волну составили остатки Дальневосточной Белой армии, точнее, те ее представители, кто не пожелал остаться в Китае или США и отправился на Балканы через Ближний Восток [1].

Среди других европейских центров русской эмиграции (Франция, Германия, Чехословакия, прибалтийские государства и т.д.) Балканы отличает то, что именно здесь сосредоточилось наибольшее количество военных, что давало основание советским историкам называть всю русскую эмиграцию, осевшую в Болгарии и Югославии, «белогвардейской» (что, впрочем, не соответствует истине, поскольку политические взгляды русских эмигрантов были достаточно разнообразны).

Необходимо отметить, что военные вышеупомянутых четырех балканских волн не были первыми русскими военными, осевшими в Югославии. К этому времени здесь уже находилось несколько тысяч российских граждан – военнопленных с Галицийского фронта 1914-18 гг. и солдат с Салоникского фронта 1917-19 гг. [2].

Обстановка, создаваемая властями Белграда для русских эмигрантов, была едва ли не самой благоприятной для их пребывания по сравнению с другими центрами русской эмиграции. Вот как описывает впечатления русских о стране, давшей им приют, Владислав Маевский, летописец русской эмиграции в Югославии: «Русские, не стесняемые никакими „квотами“, визами, ограничениями, паспортами и пр., въехали тогда в сербскую землю. Братская страна впускала к себе русских, не стесняя их формальностями, которые существовали при въезде в европейские и американские государства. Это следует запомнить и помнить с благодарностью» [3].

Среди причин, объясняющих подобное отношение как властей, так и населения, можно выделить следующие:

1. Как считает директор общественных и издательских программ Фонда исторической перспективы Е.Бондарева, «на русских беженцев было перенесено традиционное отношение к исторической России». Многовековая защита Россией интересов православных славян, и в особенности роль России и императора Николая II в событиях Первой мировой войны, не могла остаться без ответа. Понимали в Югославии и то, что «потеря русскими их родины есть следствие войны», войны в защиту Сербии [4].

2. Очень значимым фактором, определившим отношение к русским эмигрантам было покровительство, которое оказывал им король Александр Карагеоргиевич. С Россией его роднили и политические симпатии, и родственные узы. Его родные тетки по матери Милица и Анастасия были замужем за великими князьями Николаем Николаевичем и Петром Николаевичем. Сам Александр учился в Петербурге в Пажеском корпусе, а затем в Императорском училище правоведения. Он прекрасно говорил по-русски, знал русскую культуру [5]. Патриарх Сербский Варнава был воспитанником Петербургской духовной академии.

3. Значительную роль сыграли общая христианская религия и давние русско-сербские связи, берущие начало в прошлых веках.

4. И, наконец, не последнюю роль сыграли сугубо прагматические соображения. Молодому государству нужны были кадры специалистов: инженеры, медики, преподаватели, экономисты, военные. И действительно, в дальнейшем Югославия получила их в лице русских эмигрантов.

Общее настроение сербов очень точно выразил в своей речи в парламенте 25 января 1922 года глава правительства Никола Пашич: «Мы, сербы, а также и другие наши братья, которых нам довелось освободить и объединить, мы все благодарны великому русскому народу, поспешившему нам на помощь, объявившему войну и спасшему нас от гибели, которой нам угрожала Австро-Венгрия. Если бы Россия не совершила этого, если бы не стала на нашу защиту, мы бы погибли. Мы этого не можем забыть. Мы сейчас приняли русских эмигрантов, и мы их принимаем без различия, независимо от того, к какой партии они принадлежат, мы в это не вмешиваемся. Мы только желаем, чтобы они остались у нас, мы их примем, как своих братьев» [6].

Наиболее полные данные о численности русских эмигрантов в Югославии можно найти в книге Сергея Танина «Русский Белград». Автор сопоставляет информацию из различных источников того времени и называет следующие

цифры: на конец 1920 года на территории Королевства СХС находилось около 31 000 русских эмигрантов (в 1919 году их было всего около 1600 человек). Через год число беженцев из России на территории страны составило уже около 42 500. В дальнейшем их количество стало уменьшаться за счет превышения количества умерших над родившимися и переезда в другие страны. В 1926 году, по данным Фритьофа Нансена, Верховного комиссара Лиги Наций по делам репатриации военнопленных из России, здесь находилось около 38 000 русских беженцев. В дальнейшем, в течение 20-х годов, численность русских беженцев в Королевстве СХС стабилизировалась и составила, по различным оценкам, от 32 000 до 35 000 человек [7]. Эти цифры не противоречат данным, публикуемым другими авторами, хотя Бобан Чурич, например, говорит о 70 тысячах русских беженцев в 1924 г. [8].

Среди прибывших в Королевство СХС беженцев более 60% составляли кадровые офицеры, солдаты и военные специалисты. Русские селились преимущественно на востоке Королевства, в районах проживания культурно, исторически и религиозно более близких им сербов. В Сербии осело 70% всех русских эмигрантов, принятых Королевством СХС и основавших более трехсот «русских колоний» (из них в Сербии — около 200 колоний).

Причем в некоторых случаях можно было говорить о «русских колониях» в полном смысле этого слова. Речь идет о поселениях казаков на территории Воеводины и вокруг некоторых городов центральной и Южной Сербии, которые представляли собой находившиеся в подчинении атаманов кубанские, донские, терские казачьи станица численностью от 10 до 50 мужчин [9].

Важнейшим центром русской эмиграции стал Белград. Крупные русские колонии находились почти во всех городах Сербии: Нови-Саде, Панчево, Земуне, Велики-Бечкереке (ныне – Зренянин), Нише, Крагуеваце, Суботице, Косовска-Митровице, Белой Церкви (Бела-Црква). Самые многочисленные русские колонии размещались в Белграде, Нови Саде и в пригородах Белграда Панчево и Земуне. А Сремски Карловци стали местом расквартирования штаба

Главкомандующего русской армией генерала П.Н.Врангеля и по сути военным центром всего русского зарубежья. Здесь же впоследствии находилось и управление созданного в 1924 г. Русского общевоинского союза [10].

По своим политическим настроениям офицеры-эмигранты были весьма разнородны, как и вся эмиграция в целом. Но соотношение между основными направлениями внутри офицерской среды существенно отличалось от общего. Некоторое количество младших офицеров примыкало в эмиграции к кадетам и другим либеральным партиям. Но подавляющее большинство офицерства, особенно старшего — кадрового, было настроено монархически.

Важным вопросом, встававшим перед русскими эмигрантами после прибытия, был вопрос трудоустройства. Безусловно, оптимальным для военной эмиграции было устройство на военную службу в югославскую армию. И прибывшие одни из первых в августе 1921 г. офицеры кавалерийской дивизии были приняты практически в полном составе в пограничную стражу (3382 человека) и в жандармерию (64 старших офицера на офицерские и 778 офицеров на унтер-офицерские должности) [11]. Заметим, что русских офицеров направляли на албанский участок границы Сербии, считавшийся тогда самым опасным, что свидетельствует о признании властями страны их профессионализма.

Более тридцати русских пилотов, авиамехаников, летных инструкторов, радиотехников было принято в военную и гражданскую авиацию, а генерал-майор В.М.Ткачев, бывший командующий авиацией при Генштабе русской армии, занимался вопросами тактики военно-воздушного флота [12].

Тем военным, кто не смог устроиться по специальности, пришлось устроиться на менее квалифицированных работах, в некоторых случаях сохраняя свой воинский уклад. Так, Гвардейский дивизион собственного Ее Величества конвоя под командованием полковника А.И. Рогозина, работая на сахарном и лесопильном заводах, сохранял уклад воинской части вплоть до 1941 года [13].

Ряд офицеров и нижних чинов нашли работу на шахтах, заводах, на строительстве дорог. Так, воинские части генерала Врангеля участвовали в строительстве магистральных дорог Вране-Босилеград, Кралево-Рашка, железнодорожных путей Ормож-Лютомер и др. [14].

Специфика воинской профессии и стремление сохранить свою национальную идентичность и корпоративную солидарность объясняют тягу русских военных к созданию офицерских организаций, различных военных обществ и союзов. Большинство из них находилось в Белграде, хотя действие их распространялось на все королевство.

В 1921 г. в Белграде возник Совет объединенных офицерских обществ в Королевстве СХС в составе всех местных офицерских организаций, некоторые из которых распространяли свою деятельность и на другие страны. К концу 1923 г. в него входили следующие общества: русских офицеров в Королевстве СХС — 225 чел., офицеров Генерального штаба — 318, офицеров-артиллеристов — 290, военных юристов — 33, военных инженеров — 121, офицеров инженерных, железнодорожных и технических войск — 652, бывших воспитанников Николаевской Инженерной академии и училища — 306, офицеров Корпуса военных топографов — 88, военных интендантов — 63, гвардейской артиллерии — 55, георгиевских кавалеров — 150, морских офицеров — 709, пажей — 129, бывших юнкеров Николаевского кавалерийского училища — 51, офицеров Корпуса военно-воздушного флота — 200, Союз полковых объединений гвардейской пехоты и сапер — 190 (членами последнего были не отдельные лица, а полковые объединения в полном составе); всего 3580 чел. Советом было основано Русское офицерское собрание, имевшее целью дать возможность офицерам проводить свободное время в офицерской среде и пользоваться библиотекой, читальней и столовой. Его членами были все офицеры, чиновники и военные священники и члены их семей [15]. Также действовали Общество галлиполийцев, Союз участников Первого кубанского (ледяного) похода, Русский национальный союз участников войны, Корпус императорской армии и флота и др. [16].

1 сентября 1924 г. бароном Врангелем было объявлено о создании Русского Обще-Воинского Союза (РОВС), включавшего в себя всех солдат и офицеров белых армий, оставшихся верным идеям Белого Дела, и главной его задачей стало сохранение кадров для развертывания в будущем новой русской армии. Штаб РОВС находился в Белграде. Югославия по сути была организационным и идейным центром российского военного зарубежья и сохраняла эту роль до смерти П.Н.Врангеля в 1928 г. В списке стран, где была развернута деятельность РОВС, Югославия занимала третье место по численности членов.

Важным направлением деятельности русской военной эмиграции и в частности РОВС была подготовка кадров для будущей русской армии. Решение этой задачи возлагалось на военные курсы и кадетские корпуса. Так, в 1931 г. в Белграде были открыты Высшие военно-научные курсы, на которых офицеры обучались по программе курса академии Генштаба. Всего на них прошло обучение 77 офицеров [17].

После революции русские кадетские корпуса сохранялись только в Королевстве Югославия. Среди наиболее известных кадетских корпусов, которые были размещены в Югославии, - Первый Русский великого князя Константина Константиновича кадетский корпус, просуществовавший до 1944 года, Донской кадетский корпус, работавший до 1933 года, Крымский кадетский корпус, действовавший до 1929 года [18].

Так, Первый Русский Великого Князя Константина Константиновича кадетский корпус был создан в Югославии (Панчево и Сисак, затем Сараево и с 1929 г. Белая Церковь) в 1920 г. из остатков Одесского (165 кадет и 21 чин персонала) и Киевского (95 кадет и 18 чинов персонала) корпусов, эвакуированных из Одессы. Он просуществовал до осени 1944 г., приняв в свой состав персонал (в разное время в нем служило 175 чел.) и кадет упрядненных Крымского и Донского корпусов. Корпус за 24 выпуска окончили 906 кадет. Из выпускников корпуса 43 поступили в Николаевское кавалерийское училище, 113 окончили Югославскую военную академию и были югославскими офицерами, более 200 окончили университеты [19].

В Сараево в австрийских казармах в марте 1920 г. был сформирован так называемый Сводный кадетский корпус из частей Киевского, Одесского и Павловского корпусов — всего 263 воспитанника и 40 человек воспитателей и педагогов. Директором стал генерал-лейтенант Б.В. Адамович, ранее бывший руководителем военной школы в Вильно. Сформированный еще в 1920 г. в России (из остатков Петровско-Павловского, Владикавказского и Сумского корпусов), Крымский кадетский корпус под руководством В.В. Римского-Корсакова прибыл в Стрншиште близ г. Птуй (Словения), где находился в бывшем лагере для русских военнопленных вплоть до 1922 г., когда был переведен в Белую Церковь. Крымский корпус насчитывал 600 кадет. В Стрншиште к нему присоединился и Донской императорский Александра III корпус со 120 кадетами [20].

В 1941 г., во время германо-югославской войны часть русских офицеров воевала в югославской армии и была увезена в плен в Германию. Но большинство офицеров служили в Русском Корпусе и других русских антисоветских объединениях: РОА, других, не связанных с РОА русских добровольческих формированиях (лишь в самом конце войны формально присоединившихся к РОА) — бригаде ген. А.В. Туркула в Австрии, 1-й Русской национальной армии ген. Б.А. Хольмстона-Смысловского, полку «Варяг» полк. М.А. Семенова, в казачьих соединениях. После войны многие из них были арестованы, частично расстреляны, частично вывезены в СССР.

Среди нынешнего русского и русскоязычного населения Сербии потомков представителей русской военной эмиграции очень мало: большинство — это те, кто оказался в Югославии уже после второй мировой войны и позже.

ЛИТЕРАТУРА:

Степанов Н. История русской эмиграции в Черногории и Сербии [Электронный ресурс] / Н.Степанов. – Режим доступа: http://openmonte.com/community_item/life/2218.html.

Арсеньев А. Жизнь русских эмигрантов в Сербии // Новый журнал. – 2010 [Электронный ресурс] / А.Арсеньев. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nj/2010/259/aa18.html>.

Маевский В.А. Русские в Югославии // Русский Белград / сост. В.А.Тесемников, В.И.Косик. – М.: Изд. во Московского университета, 2008. – С. 58.

Бондарева Е.А. Русская эмиграция в Югославии (1920–1945) [Электронный ресурс] / Е.Бондарева. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/rus/rassey/russkaja_emigracija_v_jugoslavii_19201945_2007-03-19.htm.

Вандалковская М. Русская эмиграция в XX веке // Московский журнал [Электронный ресурс] / М. Вандалковская. – Режим доступа: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2004/03/01/russkaya_migraciya_v_hh_veke/

Бондарева Е.А. Русская эмиграция в Югославии (1920–1945) [Электронный ресурс] / Е.Бондарева. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/rus/rassey/russkaja_emigracija_v_jugoslavii_19201945_2007-03-19.htm.

Танин С. Русский Белград. – М.: Вече, 2009. – С.77-78 [Электронный ресурс] / С.Танин. – Режим доступа: <https://www.libfox.ru/356134-7-sergey-tanin-russkiy-belgrad.html#book>.

Чурич Б. Русская эмиграция в Сербии / Б.Чурич // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета. – 2014. – Выпуск 26. – С.144.

Арсеньев А. Русские в Сербии [Электронный ресурс] / А.Арсеньев. – Режим доступа: http://www.maznew.narod.ru/maznevtur/etap10/dn10_11/ars_11.htm.

Арсеньев А.Русская диаспора в Югославии / А.Арсеньев // Русская эмиграция в Югославии. – М.: Изд-во «Индрик», 1996. – С.74.

Волков С.В. Русская военная эмиграция: Издательская деятельность / С.В.Волков. – М.: Пашков дом, 2008. – С.11.

Арсеньев А. Русская диаспора в Югославии. – С.87.

Танин С. Русский Белград. – С.94.

Йованович М. Россия в изгнании / М.Йованович // Русская эмиграция в Югославии. – М.: Изд-во «Индрик», 1996. – С.42.

Волков С. В. Русская военная эмиграция: Издательская деятельность. – С.15.

Арсеньев А. Русская диаспора в Югославии. – С.50-51.

Волков С. В. Русская военная эмиграция: Издательская деятельность. – С.53.

Голдин В.И. Русское военное зарубежье в XX веке / В.И.Голдин – Архангельск: Изд-во «Солти», 2007. – С.71.

Волков С.В. Трагедия русского офицерства. — М., 1993 [Электронный ресурс] / С.В.Волков – Режим доступа: <http://swolkov.org/tro/071-3.htm>.

Бондарева Е.А. Русская эмиграция в Югославии (1920–1945) [Электронный ресурс] / Е.А.Бондарева – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/rus/rassey/russkaja_emigracija_v_jugoslavii_19201945_2007-03-19.htm.

УДК 327::911.3(497.11)

Владимир Коларич*

*Институт по изучению культурного развития
Белград*

Vladimir Kolaric

*Center for Study in Cultural Development
Belgrade*

МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ: ОПЫТ СЕРБИИ

**Between East and West:
The Serbian Experience**

Аннотация

Так же, как и для России, для Сербии характерна историческая и культурная взаимосвязь различных народов, цивилизаций и религий. Такая множественность позиций в стране оказала сильное влияние на формирование сербской идентичности. Сербская вера в собственную исключительность является деструктивной и саморазрушающей, но она также может быть обращенным ко всем народам призывом к свободе от всякой тирании, в том числе – и от тирании»мира сего».

Ключевые слова: Сербия, Россия, культура, идентичность, Восток, Запад, христианство, история.

* vladimirkolaric75@gmail.com

Just like for Russia, Serbia is characterized by a historical and cultural interconnection of different peoples, civilizations and religions. Such a multiplicity of positions in the country had a strong influence on the formation of Serb identity. The Serbian faith in one's own exclusiveness is destructive and self-destructive, but it can also be a call to all peoples for freedom from all tyranny, including - from the tyranny of "this world."

Keywords: Serbia, Russia, culture, identity, East, West, Christianity, history.

Так же, как и для России, для Сербии характерна историческая и культурная взаимосвязь различных народов, цивилизаций и религий. Такая множественность позиций в стране оказала сильное влияние на формирование сербской идентичности.

Сербская культурная, цивилизационная, национальная и религиозная идентичность основана на широко распространенном понятии о нахождении Сербии «между Востоком и Западом». В сербском коллективном воображении еще первому сербскому архиепископу, святому Савве Неманичу (XII век), приписываются слова о том, что Сербия находится между Востоком и Западом. При том, что святой Савва, как, прежде всего святогорский монах-исихаст, считает, что Сербии нужно было бы находиться не между Востоком и Западом, но над Востоком и Западом. Также крупнейший сербский теолог и философ XX века, святой владыка Николай Велимирович, пишет о Сербии, что она – «Восток на Западе и Запад на Востоке».

Для сербского исторического опыта свойственно противопоставление Востока и Запада, прежде всего, как противопоставление восточного и западного христианства и, с другой стороны – как противопоставление христианства и ислама.

Сербский национальный корпус (общность) исторически возник на границе разделения Восточной и Западной Римской империи. Это разделение имело религиозные и цивилизационные последствия, которые оказали глубокое влияние на формирование сербской идентичности. В Средние века Сербия сделала исторический выбор в пользу восточного христианства и византийского типа цивилизации, но ее позиция осталась «пограничной», потому что она будет испытывать значительное западное влияние. Первого сербского короля, например, короновал Папа Римский.

Тем не менее, из-за своего выбора Сербия часто подвергалась удару Римской Церкви и западных государств. Стратегия Запада не сводилась к одним только военным, экономическим и политическим аспектам, но и к политике идентичности. Такого рода политика идентичности Западной Церкви постоянно определяла отношение западных властодержцев к Сербии и ключевым образом влияла на формирование сербской идентичности.

Западная политика идентичности по отношению к Сербии в Средние века основывалась на обращении сербов в католичество, экономическом и безопасном давлении, которое могло бы отделить Сербию от влияния Византии и, в конечном счете, развить сербский национальный корпус (общность).

Распад средневекового сербского государства и многовековая турецкая оккупация привели к убеждению, что Сербия - это последний защитный рубеж Европы от исламской угрозы. Сербь, бежавшие от турецкого насилия, получили роль пограничной армии, защищавшей Австрию от Турции. Турки также проводили свою собственную политику идентификации по отношению к сербам: одна часть сербов приняла ислам, внедрен был и так называемый «кровная дань», о которой в своем романе «Мост на Дрине» писал нобелевский лауреат Иво Андрич. Имеется в виду принудительный набор сербских мальчиков, их обращение в ислам и включение в элитные воинские единицы – подразделения янычар.

После освобождения от турок в XIX веке Сербия будет институционально развиваться под влиянием Запада. Идеологи сербской независимости, а позже члены сербской интеллигенции,

получали образование в Австрии, Германии и Франции. Константин Леонтьев, например, писал, что Сербия хочет быть просто еще одним буржуазным европейским государством. Тем не менее, Православная Церковь и крестьянство инстинктивно склонялись к России, которая рассматривалась в качестве преемницы византийского типа цивилизации. Можно сказать, что в XIX веке голова Сербии была повернута в сторону Запада, а сердце устремлено к России. На чувственно-инстинктивном же уровне по-прежнему сильным оставалось влияние турецкого Востока.

В XX веке разгорается любовь к России, из-за общей уверенности в том, что император Николай II Романов вступил в Первую мировую войну только для того, чтобы защитить сербов. После войны и Октябрьской революции монархическая Югославия во главе с сербским королем предоставляет убежище белым эмигрантам, но не поддерживает дипломатических отношений с Советским Союзом. Как это ни парадоксально, но образованные русские эмигранты играют важную роль в деле знакомства сербов с крупнейшими достижениями европейской культуры. Вместе с тем, российские эмигранты существенно влияют на усиление сербского богословия, богословского образования и монашества.

Вскоре после Второй мировой войны социалистическая Югославия, в которой сербы составляют большинство, оказывается в конфликте с Советским Союзом и остается вне блоков. Идеологически Югославия полагается на свой собственный тип социализма – самоуправляемый социализм, а геостратегически – на принадлежность и даже на лидерство в Движении неприсоединения.

Во время распада Югославии Запад осуществлял жесткую антисербскую кампанию глобального масштаба. Из-за преобладающей культурно-цивилизационной ориентации сербской элиты на Запад сербам трудно осознавать масштаб и преемственность стратегии Запада по отношению к Сербии. Распад сербской национальной общности на несколько наций и языков достигает пика, а Западное идентификационное насилие в Сербии находит свое отражение в навязанном разделении на Первую и Вторую Сербию. Первая

Сербия, по словам авторов тезиса, – националистическая, традиционалистская, консервативная, анти-современная, патриархальная и ксенофобская, в то время как Вторая Сербия – гражданская, современная, европейская, космополитическая, демократическая.

Агрессивная Западная политика идентичности именно этот вид деления рассматривает как сущность взаимоотношений восточных и западных элементов в сербском обществе. Кроме того, в последнее время становится все очевиднее, что Сербия, независимо от ее текущего политического направления, для Запада всегда будет оставаться «маленькой Россией», «Россией на Балканах», и, следовательно, потенциальной угрозой. Становится все яснее, что большинство сербов все еще не желают признавать, что для западных центров силы, независимо от их риторики, Сербия интересна только с точки зрения безопасности.

Имея в виду такой исторический опыт, можно отметить, что сербская идентичность сформирована как:

- 1) пограничная. Сербь не являются ни Востоком, ни Западом, они являются «границей». У них есть элементы и Востока, и Запада, идут поиски возможностей для интеграции и синтеза, или хотя бы успешного «сосуществования» этих элементов. Пограничная идентичность легко превращается в
- 2) противоречивую идентичность, основанную на конфликте различных элементов. Конфликт должен либо преобладать, либо привести к доминированию одного элемента для того, чтобы добиться единства. Конфликтность приводит к
- 3) защитной идентичности. Идентичность получается в результате защиты от всего, что ей угрожает. В качестве первичной задачи самосохранения идентичность основывается на культуре выживания, а не на культуре строительства, что делает сербскую идентичность и
- 4) переходной идентичностью. Такая идентичность никогда не фиксируется, она всегда между, и это «между», это постоянное изменение – и есть ее сущность. Однако

если мы хотим положительно определить сербскую идентичность в ее историческом опыте, нужно бы было определить ее в первую очередь как «сербскую православную». Серб сам себя по большей части, даже неявно или бессознательно, видит как «православного серба». В условиях постоянной угрозы идентичности он свою религиозную идентичность определяет как национальную, а национальную – как религиозную. Православная идентичность его, как христианина, в условиях «угрозы» ислама привязывает его к Европе, в то время как перед «угрозой» Запада привязывает его к православному культурно-цивилизационному кругу во главе с Россией.

Тем не менее, Сербия по-прежнему будет проникнута духом Центрально-Европейской и средиземноморской культуры. Из-за ее исторической идентификации с православным христианством неоязыческие тенденции всегда будут казаться маргинальными, и, кажется, она никогда не будет привержена евразийским или более ранним панславянским дискурсам. Даже неявная идеологическая система «Сербы – древнейший народ», то есть «Сербы в качестве второго и окончательного Израиля, избранный народ Божий» была христианизирована уже в средние века, в господствующей идеологии династии Неманичей, видевшей себя как «лозу Евсееву», и, наконец, в Косовской битве, которая родила ключевой сербский миф – косовский. В политико-идеологическом смысле косовский миф является жертвенным мифом о национальной независимости, а в религиозном смысле – эсхатологическим мифом о выборе «Царства Небесного вместо Царства земного».

Так, основой сербской идентичности и дальше будет оставаться тяготение к этнической и религиозной самобытности, оригинальности, независимости и национальной и религиозной свободе, вплоть до границы самоуничтожения. Сербская вера в собственную исключительность является деструктивной и саморазрушающей, но она также может быть обращенным ко всем народам призывом к свободе от всякой тирании, в том числе – и от тирании «мирасега».

УДК 94(=163.41)(477)''1812''

Кожушко Андрей Валерьевич

KozhushkoAndreyValerievich

Луганский краеведческий музей

LuganskLocalHistoryMuseum

СЕРБСКИЕ ГЕНЕРАЛЫ – УЧАСТНИКИ НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН

**Serbian Generals – Participants
of the Napoleonic Wars**

В исследовании рассматривается участие потомков первых сербских поселенцев на территории Луганщины, основателей Славяносербии – генералов Николая Депрерадовича и Ивана Шевича в сражениях периода наполеоновских войн.

Ключевые слова: Славяносербия, Н. Депрерадович, И. Шевич, наполеоновские войны.

Considerate the participation in the battles of Napoleonic Wars first Serbian settlers descendants, the founders of Slavo-Serbia in the Lugansk region – generals Nikolay Depreradovich and Ivan Shevich in this study.

Keywords: Slavo-Serbia, N. Depreradovich, I. Shevich, the Napoleonic Wars.

Известно, что территория Луганщины не являлась эпицентром наполеоновских войн – крупнейшего военного конфликта первой половины XIX в. Однако имеются данные о том, что потомки сербских поселенцев на территории Луганского края, основателей Славяносербии – Николай Иванович Депрерадович и Иван Егорович (Георгиевич) Шевич, принимали участие в ряде сражений периода наполеоновских войн.

Н.И. Депрерадович родился в 1767 г. Его предками являлись сербские дворяне. Отец Николая – генерал-майор И.Р. Депрерадович, был в числе первых поселенцев-сербов и других этносов, переселившихся на территорию Луганщины в середине XVIII в. Николай пошел по стопам своего отца, осваивал военное дело, состоял в нескольких военных полках. Он принимал участие в русско-турецкой войне 1787–1791 гг. и польской военной кампании 1792 и 1794 гг. С началом наполеоновских войн в Европе, Н.И. Депрерадович принимал участие в сражениях: под Аустерлицем (2 декабря 1805 г.) , Гутштадтом (4–9 июня 1807 г.), Гейльсбергом (10 июня 1807 г.) и Фридландом (14 июня 1807 г.) [1, с. 147; 2, с. 110–111; 3, с. 67; 4; 5, с. 379].

Во время Отечественной войны 1812 г. Н.И. Депрерадович участвовал в битвах: под Витебском (24–27 июля 1812 г.), Смоленском (16–18 августа 1812 г.), Тарутино (18 октября 1812 г.), Малоярославцем (24 октября 1812 г.), Вязьмой (3 ноября 1812 г.) и Красным (15–18 ноября 1812 г.). После завершения войны, являлся участником заграничных походов. Отличился в сражениях 1813 г.: при Лютцене (2 мая 1813 г.), Бауцене (20–21 мая 1813 г.), Дрездене (26–27 августа 1813 г.), Кульме (29–30 августа 1813 г.). В военной кампании 1814 г. брал участие в битвах при Бриенн-ле-Шато (29 января 1814 г.), Фер-Шампенуазе (25 марта 1814 г.) и Париже (30 марта 1814 г.) [1, с. 147; 2, с. 111; 3, с. 67; 5, с. 379–380].

За боевые подвиги, во время Отечественной войны и последующих событий, Н.И. Депрерадович был удостоен многочисленных наград, среди которых: ордена Св. Александра Невского с алмазами, Св. Анны 1-й степени, Св. Владимира 1-й степени, Св. Георгия 3-й степени, Св. Иоанна

Иерусалимского , знак отличия «За XLV лет беспорочной службы», инкрустированная золотая шпага с надписью «За храбрость» , иностранные награды – австрийский орден Марии Терезии 3-й степени, баварский орден Максимилиана Иосифа , прусский орден Красного Орла 1-й степени, крест за победу под Кульмом [1, с. 146; 5, с. 379; 6, с. 111].

И.Е. Шевич родился в 1754 г. Вел свое происхождение от сербских шляхтичей. Поскольку его дед и отец находились на военной службе Российской империи, Иван также стал военным. Находясь на службе, пребывал в составе нескольких военных легионов и полков. И. Шевич-младший являлся участником русско-турецких войн 1768–1774 и 1787–1791 гг., подавления восстания под руководством Е. Пугачева (1773–1775 гг.) и польского восстания 1794 г. С 1800 по 1806 гг. был в отставке. Также принимал участие в русско-турецкой войне 1806–1812 гг. [2, с. 310; 3, с. 67; 5, с. 610].

Во время Отечественной войны И.Е. Шевич отличился в сражениях под Красным, Спас-Куплем (3–4 октября 1812 г.) и Бородино (5–7 сентября 1812 г.). В заграничной кампании принимал участие в битвах при Лютцене, Бауцене и Кульме. Иван Шевич прогиб в сражении у д. Госс под Лейпцигом в 1813 г. и был похоронен в склепе Русской православной церкви в Лейпциге [2, с. 310; 3, с. 67–68; 6].

При жизни И.Е. Шевич был удостоен: орденов Св. Анны 1-й степени, Св. Владимира 3-й степени, Св. Георгия 3-й степени, инкрустированной золотой саблей с надписью «За храбрость» [5, с. 610].

Таким образом, несмотря на то, что земли Луганщины не являлись ареной противоборства между наполеоновской Францией и другими державами, ее выходцы, среди которых были потомки сербских поселенцев – генералы Н. Депрерадович и И. Шевич, также принимали активное участие в сражениях периода наполеоновских войн, а их имена вошли в историю.

ЛИТЕРАТУРА

Каленюк С.П., Ломако М.М. Мандрівка Лисичанським краєм у пошуках першопоселенців. – Лисичанськ: ПП «Прінтекспрес», 2010. – 162 с.

Отечественная война 1812 года: Биографический словарь / Редкол. В.И. Алявдин, А.Н. Артизов, И.И. Басик и др. – М.: Росвоенцентр; Кучково поле; Росспэн, 2011. – 352 с.

Подов В.И. Славяносербия. Очерки из истории заселения Донбасса в 18 в. Документы. – Луганск: Globus, 1998. – 120 с.

Савицкий В. Генерал Депрерадович – герой войн с Наполеоном // С уважением к памяти, 2013. – № 12 (64). [Электронный ресурс]. – Режим доступа к статье: <http://www.funeralassociation.ru/ru/newspaper/archives/6413/6405>

Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812–1815 гг. // Российский архив: Сб. – Т. VII. – М.: Студия «ТРИТЭ» Н.С. Михалкова, 1996. – 610 с.

Татаринов С. Бахмутчане в войнах с Наполеоном // Казак Донбасса, 2012. – № 7

УДК 94(497.11)''18''

Соловей Мария Александровна*

Solovei Maria

*Кафедра истории России и славянских народов,
Донецкий национальный университет*

*Donetsk National University, Department of history
of Russia and Slavic peoples*

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ИДЕИ «ВЕЛИКОЙ СЕРБИИ» В СЕРБСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

**Formation and development of the idea of
Great Serbia in Serbian national ideology
in the first half of the XIX century**

Аннотация

В статье рассматривается процесс формирования идеи т.н. «пансербизма», или «Великой Сербии», анализируются исторические истоки этого явления, внутренние и внешние предпосылки его развития. Также дается оценка роли и вклада Илии Гарашанина в создании идеологии «Великой Сербии».

Ключевые слова: **Сербия, «Великая Сербия», пансербизм, Илия Гарашанин.**

* valkyr-mariya@yandex.ru

Summary

The article considers the process of formation of idea of so-called Pan-Serbism, or Greater Serbia. The author analyzes the historical origins of this phenomenon, internal and external preconditions of its development. The article also provides an assessment of the role and contribution of Ilija Garašanin in creating the ideology of Greater Serbia.

Keywords: Serbia, Greater Serbia, Pan-Serbism, Ilija Garašanin

Термины «Великая Сербия», «великосербизм», «великосербский гегемонизм», «пансербизм» на протяжении многих десятилетий вызывали острые дискуссии среди ученых и общественно-политических деятелей, как в самой Югославии, так и за ее пределами. Тезис о существовании особых, экспансионистских планов в сербской политике нередко становился орудием политической борьбы различных сил на протяжении всего периода существования Югославии.

В начале XXI ст. идеи «этнонационального возрождения» получили массовое распространение и политическую поддержку в ряде балканских стран. Это «размывает» сложившиеся ранее представления о национальных границах. Поэтому в современный период необходимо подвергнуть пересмотру ряд устоявшихся в исторической науке понятий и определить степень политической подоплеки, скрывающейся за их применением [12].

На югославянских землях Австро-Венгерской монархии эти термины активно использовались представителями различных национально-политических течений и групп уже с первой половины XIX в. – со времени подъема освободительной борьбы, национального возрождения славянских народов Балкан. Уже в ходе Первого сербского восстания (1804 – 1813 гг.) против Османской империи повстанцы высказали идею возрождения Великой Сербии.

Цель статьи – комплексное изучение процесса формирования идеи «Великой Сербии» в сербской национальной идеологии, взятой в контексте взаимодействия внутренних и внешних импульсов развития, творчества элиты и начала массового освободительного движения, внутривосточной борьбы и внешнеполитической конъюнктуры.

Основой пансербизма (великосербской идеи) следует считать историческое предание о средневековом Царстве Стефана Душана — сербского правителя, который, в свою очередь, проводя внешнеполитический курс, вдохновлялся византийской имперской идеей. В состав Сербского государства при Стефане Душане входили не только все этнические сербские земли, но и отвоеванные у Византии территории, заселенные болгарами, греками, македонцами, албанцами.

Начало оформления сербской национальной идеологии следует отнести ко времени распространения идей Просвещения, расцвет которого среди австрийских сербов приходится на последние десятилетия XVIII века и связан, прежде всего, с творческой деятельностью писателя, мыслителя и общественного деятеля Доситея (Досифея) Обрадовича. Его также называют основателем пансербизма, т.к. в своих произведениях об освободительной борьбе сербского народа и патриотических стихах он считал всех жителей Сербии, Боснии, Герцеговины, Черногории, Далмации, Хорватии, Сирмия, Баната и Бачки братьями независимо от религии и церкви [15].

Идея освобождения сербского народа от османского владычества вкупе с исторической памятью о былом величии Сербии стала основой для идеологии воссоздания сильного независимого государства под эгидой Сербии, включающего все югославянские земли.

Первое сербское восстание, в ходе которого повстанцы при поддержке со стороны России добились фактической независимости от Османской империи и приступили к государственному строительству, создало благоприятную возможность для попытки реализации идеи объединения. Рождение выдвинутой ими великосербской внешнеполитической программы следует, по-видимому,

отнести к осени 1808 — весне 1809 гг., когда происходившие ранее процессы самоидентификации и некоторые вновь возникшие обстоятельства дали толчок для ее кристаллизации.

Проект сербского государства, которое, кроме Сербии, включало бы в себя и так называемую «Старую Сербию» (сегодняшнее Косово), Черногорию, Боснию и Герцеговину, в 1808 году разработал член Правительствующего совета при Карагеоргии Иван Югович [14, с. 44]. Сербский историк Лильяна Алексич-Пейкович отмечает, что, в первую очередь, «своей землей» как исторически, так и этнически сербы считали Боснию и Герцеговину, бывшие на тот момент частью Османской империи [1, с.331].

Катализатором для выработки проекта полной независимости и выдвижения идеи Великой Сербии стали активизация контактов с сопредельными балканскими областями, столкновение с переменчивой внешнеполитической средой эпохи «наполеоновских войн» и опыт взаимодействия с русской дипломатией, проникнутой просветительскими тенденциями (постреволюционная адаптация внешней политики предполагала признание *de facto* негосударственных народов как субъектов международных отношений). Расширение территориальных границ по образцу Средневекового государства гарантировало бы сербам в глазах повстанческого руководства формальный статус «великой» державы [5]. Программа была, безусловно, утопичной, но она имела большой успех у сербских повстанцев.

Свой вклад в формирование великосербской идеи внесли, никак не желая того, российские дипломатические и военные чиновники, все чаще, по мере развития движения и осложнения отношений с Турцией, входившие в контакты (личные и посредством письменных обращений) с представителями повстанцев. Одной из задач, которые русские власти вынужденно решали при подобном общении, являлось внесение элементов системы, сознательности, реализма в требования, выдвигаемые повстанцами. Деятельность Петербурга в данном направлении имела, однако, и некоторые неожиданные последствия: национальная идентификация повстанческих предводителей таким образом совмещалась

с политической. В их сознании происходило отождествление самих себя с полномочными предводителями всего сербского народа (именно так их именовали русские чиновники разного уровня), которые должны отстаивать интересы Сербии на международной арене. Надеясь продвинуть усилия сербских повстанцев в выгодном для России направлении, ее дипломаты в результате многочисленных бесед и письменных обращений одновременно внушили повстанческим руководителям мысль, что Белградский пашалык есть ни что иное, как средоточение сербской нации, призванной вершить свою судьбу [4].

Во время борьбы за признание автономии Сербского княжества (1815-833 гг.) идейно-политический опыт Первого восстания прошел переработку в целях утверждения у власти Милоша Обреновича как основоположника истинно народной династии.

В 1836 г. написан один из главных текстов сербского национализма «Сербы все и повсюду» В.С. Караджича, в котором были суммированы его отрывочные взгляды по этому вопросу. Начался следующий этап в развитии сербской национальной идеологии [6]. Вук Караджич доказывал, будто сербы – это почти все славянское население Балканского полуострова, кроме болгар. Неважно, что эти разноплеменные «сербы» принадлежат к трем разным верам. Неважно, что называют они себя не сербами, а хорватами, славенцами или славонцами – все равно все они сербы. Эту точку зрения быстро подхватили и развили. Так, выходящая в Австро-Венгрии сербская газета *Srbobran* писала о том, что хорватского народа не существует в природе. Люди, называющие себя хорватами, это окатоличенные сербы. Идея оказалась долговечной для сербской идеологии. Она переходила из сочинения в сочинение и стала общепринятой [7, с.312]. Рассуждения Вука Караджича подвели основу под будущую концепцию «вливания» всех южнославянских народов в состав единого сербского государства.

Первое упоминание термина «Великая Сербия» в значении перспективы создания нового объединенного государства южных славян связывают с именем Илии Гарашанина. Свои великосербские идеи он четко сформулировал в 1844 году в

работе «Начертание», ставшей впоследствии на долгие годы тайной политической программой Сербского княжества [3]. В основе этой программы лежал проект известного панслависта, чешского военного теоретика, сражавшегося за независимость Сербии Франтишека Заха «Плана словенске политике Србије» [2], согласно которому Сербия должна завершить свою «священную историческую миссию», начатую царём Душаном в XIV веке, и объединить всех сербов. Однако некоторые различия в планах относительно Великой Сербии у Ф.Заха и И.Гарашанина все же были. Если Зах видел Сербию как ядро будущей югославской империи, где хорватам будут предоставлены равные права, то Гарашанин видел только Сербскую империю. Сильная, независимая Сербия могла бы, по задумкам Илии Гарашанина, помешать великим державам Европы – Англии, России, Австро-Венгрии – занять позиции Турции на Балканах [11].

Определенное идейное влияние на И.Гарашанина оказали также польские эмигранты, в частности, Адам Чарторыйский. Написанные весной 1843 г. «советы Чарторыйского», предоставленные И.Гарашанину, предполагали, что Сербия должна была участвовать в процессе создания крупного славянского государства с другими славянскими народами, которое могло бы изменить равновесие сил в Европе в противовес в первую очередь России. Деятели польской эмиграции стремились добиться восстановления польской государственности, утраченной в ходе разделов Польши в конце XVIII в. Создание крупного славянского государства должно было ограничить влияние российской империи и создать благоприятный прецедент для решения польского вопроса [9, с.43].

В «Начертании» Гарашанин принимал идею создания крупного славянского государства, но, в отличие от польских внешнеполитических программ, для Гарашанина на первом месте было создание сербского государства во главе с сербской династией, которое объединило бы всех сербов. Формирование нового сильного государства, по его мнению, способствовало бы созданию равновесия на Балканах и избавило бы балканские народы от посягательства великих держав. Илия Гарашанин допускал и сотрудничество с Россией, если она поддержит

объединение сербов вокруг княжества. Отношениям с другими славянскими народами тоже уделяется особое место, предполагались совместные выступления против Османской империи что, впоследствии воплотилось в идее создания Балканского союза, но, в отличие от плана Заха, идея единого славянского государства уступает идее Сербского национального государства. Как отмечает К.В. Никифоров, Гарашанин в тексте «Начертания» поставил перед сербским княжеством «насуточные задачи», где речь шла «...о начале процесса собирания этнических сербских земель» [10, с.51].

Относительно Боснии и Герцеговины в тексте «Начертания» говорится о создании союза этих земель с Сербией, в рамках которого в Боснии и Герцеговине будут введены сербские законы, а политическим лидером в союзе будет сербский князь. Для создания государства, объединяющего сербские народы, проживающие на территории Османской империи, во главе которых встала бы Сербия, предполагалось вести подготовку к общему восстанию христиан на территории Османской империи и поддерживать национальные восстания [8, с.34].

Предпринимались также попытки добиться территориального расширения Сербии путем соглашения с Портой. Так в марте 1848 г. по заданию Гарашанина представитель Сербии в Турции К.Николаевич презентовал проект «Сербского вице-королевства», согласно которому в рамках Османской империи создается вице-королевство во главе с сербским князем, включавшее в себя Черногорию, Северную Албанию, Боснию и Герцеговину. Однако султан решительно отклонил этот проект [13].

Стремясь реализовать свои планы, И.Гарашанин в 1866 – 1867 гг. заключил несколько договоров с Румынией, Черногорией, Грецией и таким образом создал в 1866- 1868 гг. Балканский союз. Впоследствии «Начертание» легло в основу внешней политики многих сербских государственных деятелей, в том числе Александра Карагеоргиевича, Михаила Обреновича, Николы Пашича и других.

Таким образом, подводя итоги, мы можем констатировать, что идея «Великой Сербии» формировалась и вызревала

постепенно, долгие годы. Истоки ее следует искать в патриотических произведениях просветителя Д.Обрадовича, воспевавшего былое величие Сербии и призывавшего к единению в борьбе против османов. Стремление сербов избавиться от турецкого владычества и восстановить свою государственность с годами плавно трансформировалось в задачу воссоздать державу в границах правления Стефана Душана – великого сербского правителя средневековья.

Новый толчок формированию пансербизма дало Первое сербское восстание, в ходе которого появились программа И.Юговича – первая программа воссоздания государства с включением в него чужих территорий. В определенной мере способствовали укоренению пансербизма и российские военные и дипломаты, которые оказывали помощь сербам в их борьбе против турок, вели с ними переговоры, чем подогревали в них осознание своей исключительности. В дальнейшем идея пансербизма укрепилась благодаря утверждениям Вука Караджича о том, что все южные славяне суть сербы.

В законченном виде концепция Великой Сербии получила освещение в «Начертании» Илии Гарашанина, который учел наработки Ф.Заха и советы А.Чарторыйского. «Начертание», предполагавшее включение в состав Великой Сербии других южнославянских земель, представляет собой уже детальную программу сербской экспансии. Именно это произведение долгие годы определяло вектор внешней политики Сербии и было руководством к действию для многих сербских политических деятелей.

ЛИТЕРАТУРА

Alexi-ПејковићЉ. Bosna and Herzegovina at sonoporation planavimo and New. Bosna and Herzegovina credig century to navieg times.Odgovorni urednik the Slavenka Terzi. - Beograd, 1995. – S.331.

Kratka biografija Františka Aleksandra Zaha iz emisije Eсе Homo. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.rozhlas.cz/brno/upozornujeme/_zprava/342326

Načertanije, Encyclopedia of Eastern Europe. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.questiaschool.com/read/106918273?title=N%3A%20Na%20C4%8Dertanije>

Белов М.В. К вопросу о роли России в возрождении идеи Великой Сербии в период восстания 1804—1813 гг. / М.В.Белов // Мининские чтения. Материалы научной конференции 10 декабря 2002 года. Нижний Новгород, 2003. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://annales.info/evrope/small/greatserb.htm>

Белов М.В. Формирование и развитие сербской национальной идеологии в конце XVIII - середине 30-х гг. XIX века. Автореферат диссертации на соискание степени доктора исторических наук. – Нижний Новгород, 2007. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/formirovanie-i-razvitie-serbskoi-natsionalnoi-ideologii-v-kontse-xviii-seredine-30-kh-gg-xix>

Белов М.В. Формирование и развитие сербской национальной идеологии в конце XVIII - середине 30-х гг. XIX века. Автореферат диссертации на соискание степени доктора исторических наук. – Нижний Новгород, 2007. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/formirovanie-i-razvitie-serbskoi-natsionalnoi-ideologii-v-kontse-xviii-seredine-30-kh-gg-xix>

Беляков С. Тень Мазепы. Украинская нация в эпоху Гоголя / С.Беляков. – М.: Изд-во АСТ, 2016. – С. 312.

Гарашанин И. Начертаније // Šarkinović Н. Вошњаци од Начертанија до Меморандума. – Podgorica, 1997. – С. 34.

Никифоров Д.И. На пути к восточному кризису 1875 – 1878 гг.: Босния и Герцеговина в плане Илии Гарашанина «Начертание» / Д.И.Никифоров // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2015. – Том 7. – №5. – часть 1. – С.49.

Никифоров К.В. Сербия в середине XIX в. Начало деятельности по объединению сербских земель / К.В.Никифоров. – М.: Институт славяноведения РАН, 1995. – С.51.

Узун Ю. В. Геополітичний проект «Велика Сербія»: формування та сучасне використання // Наукові праці. Політологія. – Випуск 236, том 248. – С. 105 - 109. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [file:///C:/Users/lblix/Downloads/55723-113535-1-SM%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/lblix/Downloads/55723-113535-1-SM%20(1).pdf)

Филимонова А. Понятие «Великая Сербия» в политике хорватских и словенских католических деятелей (1914-1918) / Анна Филимонова // Релігія в Україні. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.religion.in.ua/zmi/foreign_zmi/5619-ponyatie-velikaya-serbiya-v-politike-xorvatskix-i-slovenskix-katolicheskix-deyatelej-1914-1918.html

Чернік Л.С. Державотворчий процес у Сербії в другій половині XIX століття // Порівняльно-аналітичне право. Електронне наукове фахове видання юридичного факультету ДВНЗ «Ужгородський національний університет» – Ужгород, 2017. – №2. – С. 27. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.pap.in.ua/2_2017/7.pdf

Чиркович С. История сербов / С. Чиркович – М. : Весь мир, 2009. – С.44.

Ярчевич С. Предками Румын и молдаван были сербы (славяне) / Слободан Ярчевич [Электронный ресурс] / Информационное агентство «Русская народная линия – Режим доступа : http://ruskline.ru/analitika/2010/09/06/predkami_rumyn_i_moldavan_yavlyayutsya_serby_slavyane/

УДК 94(497)(=163.3)''19''

Болтаевский Андрей Андреевич*

Boltaevskij Andrej Andreevich

Российский университет кооперации

Russian University of Cooperation

МАКЕДОНСКИЙ ВОПРОС КАК ФАКТОР ПРОТИВОРЕЧИЙ НА БАЛКАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

**The Macedonian Question as a Factor of
Contradictions in the Balkan Peninsula**

Аннотация

Конец 1980-х гг. привел к распаду социалистического лагеря и образованию новых восточноевропейских государств. На пути к независимости Македония прошла сложный и противоречивый путь, в ходе которого соседние державы – Болгария и Сербия – объявляли этот край исконно своим. Как София, так и Белград пытались закрепить Македонию в своем составе, используя схожие методы пропаганды и устрашения.

Ключевые слова: Македония, балканский кризис, противоречия, Сербия, Болгария.

* e-mail: Boltaev83@mail.ru

The end of the 1980s led to the collapse of the socialist camp and the formation of new Eastern European States. On the road to independence, Macedonia has gone through a difficult and controversial path in which neighboring powers – Bulgaria and Serbia – declared the region to be their native land. Both Sofia and Belgrade tried to consolidate Macedonia in their composition, using similar methods of propaganda and intimidation.

Keywords: Macedonia, Balkan crisis, contradictions, Serbia, Bulgaria.

Македония – одно из самых интересных новообразовавшихся государств Восточной Европы, что проявляется и в рамках споров по вопросу этнической принадлежности ее автохтонного населения (кто же такие македонцы: отдельный ли это народ, либо же болгары), и даже самого названия данного государства (напомним, что Греция выступает категорически против его названия), и возникшим в 2000-е гг. конфликтом между македонцами и требующими самостоятельности местными албанцами (напомним, что еще в 1909 г. Н.П. Кондаков полагал, что «здесь вековое нашествие албанцев может кончиться полной албанизацией богатого края»). А в начале 2018 г. премьер-министр Македонии З. Заев объявил, что новое название страны будет определено в ходе референдума.

По-прежнему имеют свои виды на Македонию и соседние государства. Так, в Болгарии, как, впрочем, и в большинстве других восточноевропейских стран, после начала краха коммунистической идеологии в конце 1980-х гг. резко возросли националистические тенденции. В 1990 г. в Софии возник общebolгарский союз «Македония», ставивший своей целью борьбу против ассимиляции болгар в соседних с Болгарией странах и по всему миру» [7]. Членом этого союза мог стать «каждый болгарин, состоящий в политических партиях

или беспартийный, который признает болгарский характер большинства населения в Македонии» [7]. Одним словом, Македония, как и полтора столетия назад, по-прежнему претендует на лавры «яблока раздора» на Балканах.

В начале XX в. отечественный исследователь П. Лавров дал следующую характеристику Македонии: «страна, щедро даренная природными богатствами и красотами, с многочисленными старинными городами, усеянная памятниками античной и славянской старины, колыбель славянской письменности, с трудолюбивым земледельческим и торговым населением» [6, с. 13]. Свои виды на этот край имели не только Болгария, Сербия и Греция, но и Румыния (в 1905 г. под давлением Бухареста султан Абдул-Хамид II вынужден был признать наличие в Македонии и валашской (румынской) национальности [12]).

Для широких слоев болгарского населения знаковым стало вхождение болгарских солдат в Салоники в ходе 1-й Балканской войны. Очевидец вспоминал: «Целые столетия Солунь не слышала звуков болгарских военных труб, а теперь их музыка оглашала поля и холмы вдоль Белого моря. Это был неопиcуемый момент. Те, кто пережил его, вряд ли смогут забыть. Болгарского наследники приветствовали не только солунские болгары, от архимандрита Евлогия до учеников гимназии, но и греческое и еврейское население» [8, с. 43].

Однако, закрепиться в Салониках болгарам не удалось. Как известно, Балканские войны привели Болгарию к национальной катастрофе: страна, внесшая основной вклад в победу над Османской империей, в итоге не получила Македонии («всеобщий позор», так называла создавшееся положение болгарская интеллигенция) [4]. Более того, в стране росло всеобщее разочарование русофильской политикой кабинета И. Гешова, что в итоге привело к власти прогерманское правительство В. Радославова.

В 1913-1915 гг., несмотря на тяжелые потери в Балканских войнах, болгарский народ не оставляет мыслей о Македонии. Резолюция Болгарского народного комитета (БНК), принятая 14 июня 1915 г., требовала от властей «принять энергичные меры для удовлетворения справедливых и законных требований

болгарского народа – освобождение Македонии и объединение всех болгарских земель в общее болгарское отечество» [11]. Журнал «Болгарский архив», возглавляемый председателем БНК Г. Фичевым, в течение всего 1915 г. помещает материалы о положении в Македонии под красноречивыми заголовками: «Сербские зверства», «Злодеяния в Македонии», «Греческие жестокости в Македонии», «Сербский террор в Македонии», «Греческие мерзости и жестокости в Македонии», «Под греческим рабством», «Македония обезлюдивает» и т.д. Отметим, что преследования по этнокультурному компоненту были направлены не только против болгар: когда в 1897 г. османские власти предоставили право открыть сербские школы в битольском и солунском вилайетах, жертвами болгарского террора пали около 40 сербов, на имя которых были выданы подобные разрешения [3, с. 76]. В итоге, и Болгария, и Сербия действовали схожими методами для достижения своей главной цели: закрепления Македонии в своем составе. И. Попович-Липовац констатировал: «Македонский народ если не останется македонским, то примкнет к той стороне, которая окажется умнее и сильнее и которая богаче обставит и энергичнее поведет свою пропаганду» [9, с. 7].

Ситуацию в крае осложнял и рост собственно македонского национального самосознания. Еще в 1903 г. А.В. Амфитеатров приводил следующие размышления председателя верховного македонского комитета Б. Сафарова: «Мы – болгары родом, кровью, складом ума и жизни, всем убеждением. Но мысль о слиянии с княжеством болгарским не улыбается нам уже давно... Македония должна принадлежать самой себе, и, конечно, если мы освободим ее, то освободим не для соседей, а для нее самой» [1, с. 72].

Таким образом, конец XIX – начало XX в. стал периодом обострения противоречий между балканскими государствами вокруг Македонии и в то же время началом становления македонского национального самосознания, что привело, в конечном итоге, к созданию на осколках Югославии современного македонского государства. И хотя в течение XX в. болгарские власти дважды – в 1915 и 1941 гг. (оба раза в союзе с Германией) – предпринимали попытку возвращения македонских земель, по итогам Первой и Второй мировой войн

Македония оказывалась в составе Сербии/Югославии, а с 1991 г. существует как суверенное государство.

ЛИТЕРАТУРА

Амфитеатров А.В. В моих скитаниях. Балканские впечатления. – СПб.: «Общественная польза», 1903. – 244 с.

Белич А. Сербы и болгары в Балканском союзе. – СПб.: «Новое время», 1913. – 83 с.

Годината на позора // Български архив. – 1915. – Кн. III – IV. – С. 39-42.

Кондаков Н.П. Македония. – СПб.: Императорская Академия наук, 1909. – 304 с.

Лавров П. Балканский союз и переживаемый им кризис. – Петрозаводск: Олонецкая типография, 1914. – 48 с.

Общобългарски съюз «Македония». Програмна декларация // Вести Македония. – 1990. – № 1. – С. 2.

Пеев Г.Т. С шаба на 7-а пех. рилска дивизия от Кюстендил до Солун // Македония. 1912 – 1913. Дневници и спомени. – София: Министерството на отбраната, 1992. – С. 10 – 46.

Попович-Липовац И. Македонский вопрос. – СПб.: Типография А. Пороховщикова, 1899. – 18 с.

Премьер-министр Македонии заявил, что новое название страны будет выбрано на референдуме [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.rt.com/a4m5> (дата обращения: 23.01.2018).

Резолюция по мемоара и исканията на Българския Народенъ Комитет // Български архив. – 1915. – Кн. V – VI. – С. 1.

Arslan A. Greek-Vlach conflict in Macedonia // Etudes balkaniques. Sofia. –2003. – № 2. – P. 78-102.

УДК 94(497.11)''1903'':327(470+571)

Загороднова Елена Михайловна*

Zagorodnova Elena Mikhailovna

Донецкая академия транспорта

Donetsk Academy of Transport

РЕАКЦИЯ РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА НА СЕРБСКИЙ ПЕРЕВОРОТ 1903 ГОДА.

**The reaction of the Russian government
to the Serbian coup in 1903.**

Аннотация

В силу своего геостратегического положения, Балканский регион на протяжении уже нескольких столетий является точкой пересечения интересов крупных европейских государств, в том числе России. Обусловлено это взаимовлиянием балканских и мировых политических процессов, поскольку довольно часто события на Балканах являлись отражением противоречивой политики Российской империи с европейскими государствами, в то же время балканские события воздействовали на текущие политические процессы в мире в целом.

Ключевые слова: Балканы, Российская империя, российско-сербские отношения, МИД,

* zagorodnova.elena@mail.ru

конфликты, Российское правительство, Австро-Венгрия, переворот, Сербия, союзники.

Annotation

Due to its geo-strategic position, the Balkan region has for several centuries is the point of intersection of the interests of the major European countries, including Russia. This is due to the mutual influence of the Balkan and world political processes, since quite often the events in the Balkans were a reflection of the contradictory policy of the Russian Empire with European states, while the Balkan events influenced the current political processes in the world as a whole.

Keywords: the Balkans, the Russian Empire, Russian-Serbian relations, the Ministry of Foreign Affairs, conflicts, the Russian government, Austria-Hungary, a coup, Serbia, allies.

Страны Балканского региона на протяжении XIX-XXI вв. выступали и как субъекты международной политики, и как объекты политического внимания мировых держав, находясь постоянно в поле их зрения, в том числе и России. Такой пристальный интерес к Балканскому полуострову обусловлен его геостратегическим положением, благодаря которому Балканы из века в век являются точкой пересечения геополитических интересов крупных европейских государств.

Как показала история, ни один балканский кризис не обошелся без международного вмешательства. Причем это вмешательство всегда было лишь одной из форм соперничества крупнейших держав. Создавался замкнутый круг: противоречия в противостоянии мировых держав стимулировали внутрибалканский конфликт, который в свою очередь обострял отношения между мировыми державами.

Молодое Сербское государство на рубеже веков искало свое место на международной арене. Решение этой проблемы было немыслимо без поддержки извне. На роль сильного политического союзника претендовали давние соперницы в этом регионе — Австро-Венгрия и Россия. До 1903 г. преобладающее влияние вследствие проводимого сербской элитой внешнеполитического курса принадлежало Австро-Венгрии. В XX в, богатом на международные конфликты, перманентно шла своеобразная проверка на прочность «славянской дружбы» России и Сербии. Одним из первых конфликтов XX в, который не перерос локальные масштабы, но послужил своего рода лакмусом в определении характера российско-сербских отношений, стал переворот в Сербии 29 мая 1903 года.

Однако после смены династии, произошедшей в результате кровавого государственного переворота, у власти оказалась пророссийски настроенная партия радикалов и маятник благожелательного отношения Сербии качнулся в сторону Российской империи. Разрабатывая общую концепцию внешней политики, включающую в себя основные направления, вопросы ориентации, последовательность задач, в российском МИДе особое внимание уделяли Балканскому региону, который к концу XIX в., учитывая напряженную ситуацию в Европе, приобрел для России особое значение. На самих Балканах приоритет отдавался Сербии.

Один из авторитетных сербских историков Йованович, работы которого оказали значительное влияние на последующих исследователей, справедливо заметил, что в общественно-политической жизни Сербии на протяжении длительного периода присутствовали две главные идеи национальная и конституционная. [1]. Йованович писал, что Россия после Берлинского конгресса не сразу пришла к пониманию новых реалий в политической жизни Сербии и не заметила изменений в политике сербского монарха Милана Обреновича, вследствие чего не скорректировала свою политику под сложившиеся условия. Автор отмечал, что стремление России и Австро-Венгрии преобладать в Сербии было следствием их борьбы за превосходство на Балканах. При этом каждая пыталась провести свою линию, опираясь на соответствующие силы

внутри Сербии. Россия поддерживала радикалов в их борьбе за конституцию, Австро-Венгрия поддерживала Обреновичей в их стремлении к установлению личного режима.

После смерти Александра Обреновича Австрия заботилась о том, чтобы сербский престол заняла личность, доступная ее влиянию. Из всех возможных кандидатов Петр Карагеоргиевич для венского правительства был «меньше других неудобен». Однако, продолжал Йованович, Австрия обманулась насчет его кандидатуры. В конечном итоге победила российская политика, которая выглядела в сравнении с реалистичной политикой Австрии сентиментальной.[2]

Стремление российского правительства иметь прочные позиции в Балканском регионе обуславливалось желанием приблизиться к осуществлению своей давнишней мечты о захвате Константинополя, а также стремлением обезопасить себя с юга, для чего необходимо было изменить в выгодную для себя сторону режим черноморских проливов. Немалую роль в решении этой задачи в Петербурге отводили Сербии.

Российским правительством была выработана определенная позиция в отношении Сербского государства. Проходящая красной линией через дипломатическую документацию и широко пропагандируемая в печати мысль в целом сводилась к следующему: «...в судьбах этой страны нам и нам одним принадлежит решающее слово»[3]. Подобная точка зрения разделялась подавляющим большинством российского общества и обосновывалась тем, что «преобладающее влияние России... созидалось постепенно, исторически; оно крепло благодаря узам племенного родства и веры, связывающим Россию с балканскими славянами; оно осуществлялось ценою дорогих тяжких жертв, принесенных Россией великому делу бескорыстного освобождения православных братьев из-под мусульманского ига».

Непоколебимая уверенность в «законном» праве России на доминирование в Сербии зиждилась на основательно разработанной и принятой российским обществом идеологической базе, стержнем которой был тезис о необходимости «покровительства» славянской России над младшей славянской сестрой — Сербией. Отношения с Россией

«искренние и доверчивые... в сознании всего сербского народа составляют единственную основу для успешного развития его судеб на пути самобытности и независимости». Россия таким образом решала свои практические интересы, поставив их на идеологический фундамент.[4]

Главным декларируемым принципом российского правительства был «принцип невмешательства во внутренние дела Сербии», но даже в годы охлаждения отношений Россия не оставляла Сербское государство без внимания. Вплоть до 1903 г. преобладающее влияние в Сербии принадлежало Австро-Венгрии, которая добилась благосклонности сербской политической элиты в лице Милана Обреновича и его сына Александра.

Своеобразным показателем зависимости Сербии от Австро-Венгрии стало подписание секретного договора в 1881 г., по которому Сербия фактически попадала в политическую зависимость. Растущее год от года влияние Австро-Венгрии в Сербском государстве заставляло Россию саркастически негодовать: «Сербский народ обязан верить в благодатные последствия этой опеки. В сербском обществе не смеет зародиться нерасположение к могущественной покровительнице Австрии».

Россия в 1897 г. поспешила заключить договор с Австро-Венгрией о status-quo в отношении Сербии. Министр иностранных дел А. Б. Лобанов-Ростовский высказался по этому поводу: необходимо «поставить Балканы под «стеклянный колпак», пока Россия не разделается с другими, более спешными делами».

Россия, однако, не оставляла попыток обрести союзника внутри Сербии, и нашла его в лице радикальной партии. «У Петербурга появился реальный шанс восстановить здесь свои позиции». Главной политической фигурой, на которую сделала ставку Россия, был лидер радикалов — Никола Пашич, который неоднократно заявлял о своих симпатиях к России. И все же до 1903 г. российскому правительству не удавалось сблизиться с Сербией, настолько, насколько ей этого хотелось. Вслед за Миланом Обреновичем его внешнеполитическую

линию продолжил сын Александр, который «бросался из крайности в крайность — от «оттепели» к «заморозкам».[5]

В России время правления последних Обреновичей как официальными кругами, так и основной частью общества воспринималось крайне негативно, как вредное и для России, и для самой Сербии. Причем критика была направлена исключительно на правящие круги, не затрагивая всего сербского народа, который вызывал в сложившейся ситуации скорее сочувствие. В либеральной печати появились призывы не смотреть безучастно на действия сербского правительства: «Долг русской политики — противостоять такой направленности, спасти Сербию для самой же Сербии».

Таким образом, все составляющие российско-сербских отношений даже не в самое благоприятное время удачно вписывались в идеологический тезис о Сербии как вечном союзнике России, поскольку имелся в виду весь сербский социум, который, по словам дипломатического представителя в Белграде, несмотря ни на что, хорошо оценивал «нравственное отличие политики России, которая, несмотря на свою отдаленность, сохраняет свое обаяние среди народа».

В отчетах МИДа и российской прессе постоянно противопоставлялись мотивы Австро-Венгрии и России в стремлении детерминировать сербскую политику, и подчеркивалось, что «габсбургская монархия по необходимости связала свою политику... с интересами отдельных лиц», а «образ действий России зиждился на понятном тяготении единоплеменных и единоверных сербов к мощной покровительнице всех славян Балканского полуострова». Кроме того, Австро-Венгрия, по мнению российских дипломатических представителей, имела своей конечной целью «возможно больший подрыв обаяния, которым пользуется Россия в среде славянских государств».

Российская империя, информированная в общих чертах о готовящихся изменениях, выбрала роль терпеливого наблюдателя. Однако жестокость и циничность, с которой был произведен переворот 29 мая, не оставили равнодушными никого в Европе, в том числе в России. Реакция Европы была однозначно негативной. Российская империя оказалась

в сложной ситуации, поскольку, с одной стороны, убийство короля, совершенное офицерами армии вызвало в высших сферах монархической России вполне определенные чувства. Но, с другой стороны, признание новой сербской власти давало России шанс на восстановление твердых позиций. Присутствовал и второй, не менее важный момент - Россия традиционно считала себя покровительницей своей «младшей сестры» Сербии. Россия сделала выбор в пользу поддержки Сербии.

После майского переворота Россия одна из первых признала новую власть, несмотря на все негативные аспекты этого события с точки зрения международного права. Положительным моментом для прагматичных интересов России стала пророссийская позиция новой сербской власти. На сербский престол взошел представитель династии Карагеоргиевичей — Петр, характеризуя которого император Вильгельм сказал: «Новый сербский король будет служить орудием политики России». Подобное мнение муссировалось в кругах российской общественности, но уже в позитивном ключе.

Сербское правительство возглавил Никола Пашич, по словам Л. Д. Троцкого, «старшее лицо в Сербии, ибо король только марионетка Пашича и его ближайших сотрудников». Н. Пашич считал неременным следующий расклад: «определение во внутренней политике в пользу парламентских методов и конституционной власти, пользующейся доверием большинства народа, непременно ведет во внешней политике к ориентации на славянскую, православную Россию. Во многом именно благодаря Пашичу русско-сербские межгосударственные отношения потеплели.

Для Российской империи положительный момент русофильски настроенного нового сербского режима омрачался, помимо нравственных аспектов его прихода к власти, еще одним серьезным обстоятельством: Россия, являясь государством с монархическим строем, веками отстаивая принципы защиты и поклонения, преданности персоне царя, не могла не осудить убийство монарха.

Кроме того, необходимо было найти приемлемое для общества объяснение следующему факту: убитый Александр Обренович, какие бы пороки ему ни были присущи, по какому бы пути он ни вел свой народ, оставался все же представителем законной династии Сербии, кроме того, убийство было совершено славянами с поражающей воображение жестокостью. Консервативная печать так «объяснила» этот феномен: в чистые нравы славян за время турецкого ига «проникли башибузукские черты, просыпающиеся по временам», а следовательно, сама идея переворота — идея, не принадлежащая славянскому сознанию, она пришлая, навязанная.

Россия признала новую власть, заявив на страницах печати, что каким бы сложным ни было положение в Сербии после 1903 г., «оно все-таки лучше турецкого или швабско-австрийского ига», тем более, что каждый народ обладает правом устраивать свою жизнь «как ему угодно, или как ему кажется наиболее целесообразным». В этой ситуации провозглашаемый Россией принцип невмешательства пришелся как нельзя кстати. Россия, признав результаты майского переворота, в определенной степени потерпела поражение морального плана, поскольку подобное отношение к свержению династии содержало скрытую угрозу идее незыблемости монархии, а значит, и существованию императорской власти и в России. Но при этом Сербия получила в критический момент поддержку России, что было для нее крайне важно, поскольку существовала реальная угроза вмешательства в сербскую ситуацию австрийских войск.

Что касается самой Сербии и ее потребности в покровительстве России, то ситуация выглядела следующим образом. После Берлинского конгресса 1878 г., обескровленная в Русско-турецкой войне Россия на время «выбыла из игры» за преобладание на Балканах. Политическая элита молодого сербского королевства находилась под сильным негативным впечатлением от попыток России на протяжении восточного кризиса 1875—1878 гг. добиться образования и международного признания сильного болгарского государства, призванного играть ключевую роль на Балканах, которая в их представлении должна была принадлежать Сербии. Но Россия, для которой

главной целью на Балканах были Константинополь и проливы, оказывала Болгарии все большую поддержку, через которую лежал кратчайший путь к заветным целям. Русский посланник в Белграде С. Н. Трубецкой отмечал: «Болгария была нашим любимым детищем, а Сербия — забытой падчерицей»[1]. Таким образом цели России и Сербии на данном историческом этапе не совпали. Сербская элита развернулась в сторону Австро-Венгрии, с помощью которой рассчитывала реализовать свою мечту о собирании земель вокруг Сербии[6].

Таким образом, сербская элита стремилась по возможности использовать вес и силу России для достижения собственных целей. При этом она старалась не допускать доминирования России в своем государстве, что, как правило, Сербии удавалось, поскольку этому способствовало, во-первых, противодействие других великих держав и самой Сербии, во-вторых, географическая отдаленность России, ее политическая, экономическая нестабильность.

Социал-демократы и социалисты-революционеры имели схожее видение на дальнейший путь развития народов, в том числе балканских, четко соответствующее теоретической основе проблемы исторического развития. И переворот 29 мая логично вписался в это теоретическое обоснование. Политика Российской империи в отношении народов Балканского полуострова, в том числе сербского, по их мнению, была направлена в прямо противоположную сторону от соблюдения интересов сербских славян. В исключительно резких формах и выражениях на страницах периодических изданиях левого толка критиковались не провозглашенные Россией принципы невмешательства и покровительства, а рельефно обозначенный левыми радикалами прагматический момент в официальной политике России, направленный на обеспечение имперских интересов. Забота России о «славянских братьях» рассматривалась лишь как «реакционные интриги», являвшихся выражением интересов аристократии и буржуазных кругов российского общества и препятствовавших свободному развитию балканских государств.

Непосредственно после событий в социал-демократической печати утвердилось мнение, что причиной

переворота стало не недовольство общества, а неугодность Александра Обреновича сербской политической элите. В оценке сербских королей эдеки исходили из теории порочности монархической формы правления, осуждая как Обреновичей, так и Карагеоргиевичей. Кроме того, проводилась мысль, что подготовка и реализация переворота не обошлись без помощи России.

Признание переворота в Сербии во многом вынудило российских представителей консервативных и либеральных кругов уточнять свои идейные позиции в связи с варварским способом смены династии, поскольку они вступали в противоречие с традиционным устоявшимся отношением к Сербии. Консерваторы вынуждены были объяснять произошедшее в Сербии некоторыми отличиями в сербском и российском обществах, в связи с чем утверждалось, что в России подобные события при бывшем положении вещей представлялись невозможным. Либералы, взяв под защиту новый режим, вынуждены были поступиться своими принципами, находя этому соответствующие оправдания. Левым радикалам, в отличие от своих политических оппонентов, не пришлось подвергать временной корректировке свои идеи, поскольку переворот логично вписывался в их теорию о революционном течении исторического процесса. Позиции всех трех основных политических сил России по поводу майского 1903 г переворота в Сербии выглядят весьма симптоматично, если обратиться к происшедшим спустя 14 лет событиям в России.

Россия, признав результаты майского переворота, в определенной степени потерпела поражение морального плана. Подобного рода отношение к свержению династии содержало потенциальную угрозу идее незыблемой монархии, в том числе, существованию императорской власти и в России.

В современном политическом пространстве Сербия по-прежнему привлекает к себе интерес многих сильных государств. Россия, в которой восприятие Сербии в качестве «вечного союзника» до сих пор является особой социально-культурной константой, пытается в меру своих сил отстаивать здесь свои позиции. Мотивация и сейчас основывается на

императивах вековой давности: «славянское братство» важно как само по себе, так и в качестве составляющей национальной безопасности.

ЛИТЕРАТУРА

Павлючепко О. В. Россия и Сербия. 1888-1903. Киев, 1987.

Данченко С. И. Русско-сербские общественные связи (70-80-е гг. XIX вв.). М., 1989. - 71 с.

История внешней политики России. Конец XIX в.- начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции.): в 5 т./ Игнатъев А.В. - М.: Междунар. Отношения, 1997. - 110 с.

Романенко С.А. Югославия, Россия и «славянская идея»: вторая половина XIX - начало XXI века. М., 2002. - 53 с.

Шемякин А.Л. Никола Пашич. 1845-1926. Пленники национальной идеи. М., 1993. - 169 с

Балканы в конце XIX — начале XX века. Очерки становления национальных государств. М., 1991, - 18 с.

УДК 323.173(=18)(497.115)»198»

Олег Валецкий

Ольга Милунович

г. Луганск

КАМПАНИЯ МАССОВОГО НЕПОВИНОВАЕНИЯ АЛБАНЦЕВ В КОСОВО И МЕТОХИИ В 1980-Х ГОДАХ

**Mass Disobedience Campaign of Ethnic
Albanians in Kosovo and Metokhia
during 1980-ties**

Резюме

В статье подробно анализируется внутривнутриполитическая ситуация в Косово и Метохии в 1980-е годы, которая стала одной из важных причин дестабилизации положения в Югославии и ее дальнейшего распада. Растущая криминализация албанского национального движения в Косово, которое было связано с наркоторговлей и с западными спецслужбами, его все более террористическая направленность, а также массовая кампания запугивания и террора по отношению к сербскому населению региона использовалась различными политическими и силовыми структурами Белграда в своих политических целях. Второй важной причиной окончательного краха Югославии стала тесная связь новой бизнес-элиты страны, связанной со

старой партийной номенклатурой, с ведущими финансовыми центрами на Западе.

Ключевые слова: Югославия, Сербия, албанское движение, Косово, терроризм

Resume

The article explores the peculiarities of the internal political situation in Kosovo and Methohia during 1980-ties, which was one of the most important factors of destabilization in Yugoslavia and its future disintegration. Growing criminalization of the Albanian national movement in Kosovo, which was closely interconnected with drug trafficking and Western special services, its growing terrorist nature as well as mass campaign of intimidation and terror towards local civil Serbian population in the region were used by various political and military structures in Belgrade in their own political interests. Another crucial reason for final disintegration of Yugoslavia were close ties between new business elite in Belgrade, interconnected with old party nomenclature, with leading financial centers in the West.

Keywords: Yugoslavia, Serbia, Albanian movement, Kosovo, terrorism

Автономный край Косово и Метохия выделялся из всей остальной Югославии дикостью нравов, и быть сербом здесь означало жить в постоянном конфликте с албанской средой. Местные албанцы здесь пытались давить сербов на каждом шагу, не останавливаясь ни перед чем. Убийства, избиения, грабежи, изнасилования были тут вещью обычной, что являлось частью общей политики запугивания сербов. При этом подобной политике потворствовали пассивность и коррумпированность органов МВД Сербии в Косово, так что милиция в той же Дренице работала лишь по договоренности

с тамошними старейшинами. Точно так же здесь, по крайней мере в Дренице, электроэнергия лишь в том случае, если этого хотели старейшины, а последние собирали определенную денежную сумму для передачи представителям югославской «Энергетической системы Космета».

Сербы в Косово и Метохии на деле находились в куда худшем положении, чем албанцы, ибо если последние имели собственную национальную власть, пусть и нелегальную, обладавшую вооруженной и финансовой силой, то первые были подчинены югославской власти, обузданной коммунистическими идеями и, следовательно, «братством между албанцами и сербами». Когда же сербы следовали принципам интернационализма и соглашались пустить в свою улицу или село хоть одну албанскую семью, покупавшую за большие деньги хотя бы один дом, через десяток лет здесь было бы уже с десяток таких семей, покупавших дома за цены куда более низкие, а ещё через несколько лет сербы отдавали дома за бесценок.

Таким образом, насильственный интернационализм бил прежде всего по сербам, и он принес куда больше зла, чем любые проявления сербского шовинизма.

Албанцы, как и всякий восточный народ, хорошо приспособились к социалистической системе, где надо было брать побольше, а работать поменьше, и благодаря связям в Турции занялись распространением, а затем и производством наркотиков. Используя свои клановые отношения, они организовали настоящую мафию, сначала в Косово и Метохии, а затем и в странах Европы и Северной Америки. Разумеется, в эту мафию входили исключительно албанцы, и так как для большинства албанцев весь югославский режим был неприятельским, то эта мафия превратилась, по сути, в террористическое движение. Созданию мафии в албанской среде способствовало и то, что албанское общество было закрытым и клановым, с жесткой иерархией, в котором продолжал сохраняться кодекс «Леки Дукаджиния», предусматривавший беспрекословное повиновение старейшинам и кровную месть-«бессу».

Албанцы и при социализме сохранили законы по покупке жен, которые становились их собственностью и жили на отдельной женской половине. Развод допускался только по одобрению мужа, и никаких материальных прав жена не имела. Сам хозяин дома имел неограниченные права и мог как выдавать дочерей и женить сыновей так и разводить мужчин. В его руках были деньги и власть, и он определял поведение членов семьи и даже исповедовал их.

Сила албанцев заключалась в их организации по родовому признаку – по братству-«фису», согласно «Белой книге» МВД Сербии составлявшей основу для создания организованных преступных группировок, имевших в таком случае не одного, а нескольких шефов и объединявшихся с другими такими же ОПГ под руководством нескольких политических руководителей. По сути провести границу между политиком, командиром боевиков и боссом мафии было невозможно.

Уже то, что албанская наркомафия завоевала важную роль в Западной Европе и в США, свидетельствует, что ей тогда удалось получить поддержку определенных силовых центров на Западе, причем это способствовало и расколу данной наркомафии по экономическим причинам, ибо одна ее часть наркотики отсылала в США, а другая – в Западную Европу.

Непризнание албанцами административной власти Сербии приводило к тому, что в иных горных селах люди действительно думали, что живут в Албании. Таким образом, молодое поколение албанцев на Космете росло во враждебном отношении и к Югославии, к Сербии, и ко всем сербам. Если учесть, что рождаемость в албанских семьях была очень высока, то уже в середине восьмидесятых годов можно было понять, что албанцы представляют для сербов угрозу куда большую, чем хорваты. По тогдашним расчетам, албанцы к 2040 году составили бы половину населения Сербии. Уже к концу восьмидесятых годов албанцы, почти исключительно мусульмане, составляли абсолютное большинство в общине Прешево и относительное большинство в общине Буяновац, находившихся на территории Сербии и граничащих с Косовом.

Таким образом, на глазах официального Белграда возникал «коридор», заселенный мусульманами, и как писал Миролуб Евтич в своей статье „Расширение республики Косово“ в журнале „Дуга“ (радуга), к 1990-м годам долина реки Морава к македонской границе оказалась заселенной албанцами, хотя незадолго до этого, то есть после создания СФРЮ, здесь жили сербы, причем с болгарской стороны границы в районе горного массива Родопи жили „помаки“ – болгарские мусульмане (Миролуб Евтич „Ширење републике Косово“ „Дуга“, број од 16.08.1994. године).

Хотя в середине восьмидесятых многим людям в Югославии тяжело было представить будущую войну, все же это было скорее следствием догматизма, чем знания истории и политики. Конечно, обычный народ еще имел право не знать историю...

Огромный исламский коридор от Стамбула до Сараево хорошо выделялся даже на этнической карте. Черногория здесь особым препятствием не была и тогда, ибо, во-первых, север Черногории как раз и входил в исторический мусульманский Санджак, а во-вторых, пограничная территория с Албанией – общины Ульцинь, Плаве и Рожай – и тогда были во многом заселена албанцами, да и сама столица Черногории Подгорица (тогда Титоград) имела пригородную общину Тузи, заселенную албанцами.

Этническая карта СФРЮ в 1980-х годах

Как пишет Марко Чупич, органы МВД в Косово выкупали у сербов землю, деля ее между албанцами. Так, из села Доня Дубница под Подуево сербы полностью выселились до 1981 года (Марко Чупић «Отета земља» «Нолит», Београд, 2006. г.).

Как пишет Чупич, община Подуево еще в 60-х годах сохранявшая сербский характер к 1981 году стала преимущественно албанской (Марко Чупић «Отета земља» «Нолит», Београд, 2006. г.).

С 1981 по 1990 г. в среднем на тысячу человек ежегодная рождаемость с Косово и Метохии составила 24,4, а во всей СФРЮ была 6,5%(по данным Института геополитических исследований «Косово и Метохија – изазови и одговори» «Институт за геополитичке студије», Београд, 1997. г.).

С 1961 по 1981 г. число сербов в Косово и Метохии уменьшилось на 17224 человека, а черногорцев – на 10713 человек. Косовские сербы выселялись в Белград, в общины Смедерево и Крагуевац. Процент проживающих сербов в Косово резко уменьшился, в большой мере из-за высокой рождаемости у албанцев (Марко Чупић «Отета земља». «Нолит», Београд, 2006. г.).

С 1981 по 1983 г. из Косово выселились 125 тыс. сербов и черногорцев (Марко Чупић «Отета земља». «Нолит», Београд, 2006. г.).

Смерть Тито послужила началом компании неповиновения албанцев, в которой главными жертвами стали местные сербы. Последние при Тито были лишены многих прав: тут было типично, что албанец за изнасилование сербки мог получить 30 дней тюрьмы из-за якобы невозможности доказать вину, тогда как серб за пение четнических песен – 60 дней тюрьмы.

Генеральной репетицией событий в 1981 г. была научная конференция, посвященная Призренской лиге.

Для организации этой конференции решением руководителей Косово был создан комитет. В Приштине к началу 1980-х имелось большое число вузов, в которых учились десятки тысяч студентов албанской национальности, и после смерти Йосипа Броза Тито именно здесь, в Приштинском

университете, и вспыхнули беспорядки против тогдашней власти, подавленные потом силами правопорядка Сербии: было убито девять албанцев, а двести ранено.

Президиум Югославии ввел чрезвычайное положение и отправил в Косово и Метохию сводные силы милиции из всех союзных республик. Это послужило началом массового сепаратистского движения албанцев. В ходе многотысячных демонстраций албанцев последние нападали на милицию, на армию и на местных сербов, нередко применяя оружие.

Естественно, что пока был жив Иосип Броз Тито, который обладал поддержкой как в Лондоне и Вашингтоне, так и в Москве, попытки албанского восстания были заведомо обречены на провал.

Однако его смерть 4 мая 1980 г. сразу пробудила у албанцев, в своей массе тогда не отличавшихся образованием, надежды на то, что им удастся собственными силами добиться независимости Косово.

Похороны Тито в Белграде

Первые большие демонстрации албанцев начались 11 марта 1981 г. Их формальной причиной послужило плохое питание в студенческих столовых. В тот день после футбольного матча белградского клуба «Партизан» и приштинского

клуба «Приштина» в городе начали собираться студенты и молодежь, а вечером начались демонстрации, переросшие в беспорядки (Радослав Гаџиновић «Отимање Косово и Метохије» «Новинско-издавачки центар «Војска»», Београд, 2004. г.).

Демонстранты требовали «хлеба» и освобождения до этого арестованных албанцев, и в ту ночь в Приштине осталось около 4 тыс. человек, продолжавших демонстрации на следующий день (Радослав Гаџиновић «Отимање Косово и Метохије» «Новинско-издавачки центар «Војска»», Београд, 2004. г.).

Во время демонстрации ранили двух милиционеров – одного из револьвера, другого ударом тупого предмета (Радослав Гаџиновић «Отимање Косово и Метохије» «Новинско-издавачки центар «Војска»», Београд, 2004. г.). После временного затишья 25 марта состоялись новые демонстрации, но уже в Призрене

Демонстрации были подавлены ночью, но на следующий день они вновь возобновились в Приштине. Колонна в тысячу студентов, вышедшая ранним утром, к 12 часам выросла до 3 тыс. человек (Радослав Гаџиновић «Отимање Косово и Метохије» «Новинско-издавачки центар «Војска»», Београд, 2004. г.).

Демонстранты скандировали: «Косово – республика!», «Косово – косоварам», «Мы – албанцы, а не югославы», «Объединение с Албанией», «Трепча работает на других», «Да здравствует марксизм-ленинизм», «Долой ревизионизм». Колонна подошла к зданию радиотелевидения, где собралась большая масса людей (30 тыс. человек), ожидавших прибытия эстафеты Тито (совершенно глупое мероприятие с точки зрения здравого смысла, однако проводившиеся в полном соответствии с такими же традициями оглушения собственного народа в других соцстранах), здесь начались столкновения с полицией (Радослав Гаџиновић «Отимање Косово и Метохије» «Новинско-издавачки центар «Војска»», Београд, 2004. г.).

Затем начались забастовки в университете, продолжились беспорядки и в других городах. В Обиличе

30 марта 200 учеников технической школы перекрыли шоссе. 1 апреля в Подуево ученики сельскохозяйственной школы устроили беспорядки. 1 апреля в центре Приштины начались демонстрации учеников сельскохозяйственной и экономической школ, которые двинулись в центр, где с ними соединились студенты (Радослав Гаћиновић «Отимање Косово и Метохије» «Новинско-издавачки центар «Војска»», Београд, 2004. г.).

Трех-четырёхтысячная толпа устроила столкновения с милицией, скандируя: «Мы хотим республику!», «Косово – республика», «Долой ревизионизм!», «Мы албанцы, а не косовары», «Мы дети Скендер-бега», «Мы армия Энвера Ходжи».

Коммунистическая Марксистско-ленинская партия албанцев в Югославии взяла на себя ответственность за организацию демонстраций (Радослав Гаћиновић «Отимање Косово и Метохије» «Новинско-издавачки центар «Војска»», Београд, 2004. г.).

В ходе демонстраций в качестве организаторов так же выделялись группы «Красный фронт», «Марксисты-ленинцы Косова» и «Молодые марксисты», о воззрениях которых ясно свидетельствовали их названия (Марко Чупић «Отета земља» «Нолит», Београд, 2006. г.).

С «Группой марксистов-ленинцев Косова» была связана организация «Национальное движение по освобождению Косова и других албанских краев», требовавшая присоединения Косова к Албании (Радослав Гаћиновић «Отимање Косово и Метохије» «Новинско-издавачки центар «Војска»», Београд, 2004. г.).

Эти демонстрации возобновились 25 марта в Призрене, когда должны были встречать «Титову эстафетную палочку». Хотя демонстрацию в Призрене разогнали, но на следующий день начались демонстрации в Приштине, а затем 30 марта – и в Подуево.

1 апреля во время демонстрации в Приштине начались столкновения с милицией албанских студентов и учеников сельскохозяйственной школы, а на другой день к ним

присоединились албанские рабочие организаций «Рамиз Садику» и «Косово» (Радослав Гаџиновић «Отимање Косово и Метохије» «Новинско-издавачки центар «Војска»», Београд, 2004. г.).

Демонстрации в Косово в 1981 году. Фото PergatitiFlamurMaxharri

Комитет общенародной обороны Союзного автономного края (САП) Косово принял решение о выводе на улицы танков ЮНА (Радослав Гаџиновић «Отимање Косово и Метохије» «Новинско-издавачки центар «Војска»», Београд, 2004. г.).

Утром 2 апреля началась демонстрация рабочих строительных предприятий «Рамиз Садику» и «Косово». Рабочие собрались на окраине Приштины и двинулись в центр города. Милиция их разогнала, но они собрались в другом месте, где к ним присоединились рабочие, служащие, и ученики школьного центра «Джевджет Дода» (Радослав Гаџиновић «Отимање Косово и Метохије» «Новинско-издавачки центар «Војска»», Београд, 2004. г.). Через центр города направили танки, но это не предотвратило прихода новой колонны с рудника «Обилич», которая вошла в центр и присоединилась к демонстрантам. Начались столкновения с милицией, переросшие в перестрелки (Радослав Гаџиновић «Отимање Косово и Метохије» «Новинско-издавачки центар «Војска»», Београд, 2004. г.).

Беспорядки продолжились в Подуево, Глоговаце, Вучитърне, Миглянах. В Гниланах и Джаковице демонстрацию удалось предотвратить действиями милиции. Однако милицейская колонна из Куршумлии была остановлена у Подуево, где ученики школы открыли огонь по ней. Затем ученики ворвались в 34 сербских дома и угрожали местным сербам, которых заставляли покинуть Косово (Радослав Гаћиновић «Отимање Косово и Метохије» «Новинско-издавачки центар «Војска»», Београд, 2004. г.).

2 апреля начались демонстрации в Глоговаце, переросшие в беспорядки, и такая же картина повторилась в Гниланах. 2 апреля Президиум СФРЮ и Президиум ЦК СКЮ объявили о кризисной ситуации в Косово и Метохии, а в Приштине ввели чрезвычайное положение (Радослав Гаћиновић «Отимање Косово и Метохије» «Новинско-издавачки центар «Војска»», Београд, 2004. г.).

В Урошеваце на деревообрабатывающем комбинате рабочие, собравшиеся на митинг, скандировали: «Нам не нужно подразделение территориальной обороны на комбинате», «Требуем республику». Демонстрации прошли в Витине и на руднике Трепча, на предприятиях «Металлургия цинка», на «Фабрике аккумуляторов», где рабочие вышли на улицу в поселке Звеганы, а оттуда пошли в Косовскую Митровицу (Радослав Гаћиновић «Отимање Косово и Метохије» «Новинско-издавачки центар «Војска»», Београд, 2004. г.). К ним присоединились ученики, и колонна скандировала: «Трепча работает – Белград строится», «Трепча работает, а Белград развлекается», «Да здравствует Косовская республика!», «Республика, конституция – или мирно, или силой».

2 апреля Президиум СФРЮ и Президиум ЦК СКЮ приняли решение о провозглашении чрезвычайного положения в городе Приштине. Сюда же были направлены и дополнительные силы МВД из всех республик СФРЮ и Воеводины (Радослав Гаћиновић «Отимање Косово и Метохије» «Новинско-издавачки центар «Војска»», Београд, 2004. г.).

Так, в Косово и Метохию был переброшен объединенный отряд милиции (здружени одред милиције), командир которого Милан Стрика был подчинен напрямую генералу Франьо

Херлевичу в МВД Югославии. Также в Косово и Метохии находились подразделения специального назначения МВД во главе с Францем Кошером, участвовавшие в разгоне демонстрации в Приштине вместе с силами приштинского гарнизона ЮНА, которым командовал генерал Сакин Поздерац (Радослав Гаџиновић «Отимање Косово и Метохије» «Новинско-издавачки центар «Војска»», Београд, 2004. г.).

Однако это не предотвратило новые демонстрации 18 мая в Приштине, на которых скандировалось: «Республика, республика» и «Условия, условия».

Югославское руководство обвинило во всем контрреволюцию, и Стане Доланц, член президиума ЦК СКЮ, на пресс-конференции обвинил во всем реакционные фашистские силы (Радослав Гаџиновић «Отимање Косово и Метохије» «Новинско-издавачки центар «Војска»», Београд, 2004. г.).

Однако организатор демонстраций в Косово и Метохии – Коммунистическая марксистско-ленинская партия албанцев Югославии, которая требовала предоставления Косово статуса республики в СФРЮ – не являлась «фашистской партией», хотя и угрожала вооруженным восстанием и революцией. Эта партия являлась фактическим филиалом Партии труда в Албании и ничего «фашистского» ни в идеологии, ни в кадрах, ни в программе этой партии не было.

Китайская открытка, посвященная встрече Энвера Ходжи с Мао Цзедунем. Источник: Искендеров П. А. «Энвер Ходжа»

Югославские «товарищи» называли албанских товарищей «фашистами», что являлось диалектикой борьбы, ибо точно так же албанские «товарищи» называли «фашистами» югославских.

Всего в тех демонстрациях участвовали нескольких сотен тысяч албанцев, а в ходе столкновений с милицией погибло полтора десятка албанцев.

После этих демонстраций 4 тыс. албанцев понесли судебное наказание, а большое число партийных и государственных функционеров-албанцев сместили с должностей, в частности был уволен председатель Краевого комитета СКЮ Махмут Бакали (Радослав Гаџиновић «Отимање Косово и Метохије» «Новинско-издавачки центар «Војска»», Београд, 2004. г.).

Параллельно с самими демонстрациями в Косово и Метохии начались и вооруженные столкновения между силами ЮНА и милиции с одной стороны и группами албанцев – с другой.

Данные столкновения сводились к операциям по «зачистке» сел и поселков, населенных албанцами, силами безопасности с арестами подозреваемых, и применением оружия и спецсредств для разгона албанских демонстраций.

Главную роль тут играла ЮНА, чьей руководящей идеологией был коммунизм.

В событиях 80-х годов в действиях ЮНА главную роль играл Приштинский корпус, который был создан в 80-х годах в Косово и, соответственно, на подбор кадров в его командном составе ключевое значение имел не слабеющий Союз коммунистов Югославии (СКЮ), а Управление военной безопасности ЮНА (Светозар Йоканович «Боевые действия в Косово в период до конфликта с НАТО» Журнал «Экспорт вооружений», издание Центра анализа стратегий и технологий 2-й номер за 2014 год).

Очевидно, что первый командир этого корпуса Антон Лукежич, выходец из Сараева и хорват по национальности, был кадром как раз этого управления, в котором кадры из Боснии и Герцеговины играли традиционно важную роль со времени создания партизанской армии Тито в этой же Боснии и Герцеговине (Светозар Йоканович «Боевые действия в Косово в период до конфликта с НАТО» Журнал «Экспорт вооружений», издание Центра анализа стратегий и технологий, 2-й номер за 2014 год).

Специфика данного корпуса заключалась в том, что он был нацелен на борьбу против «внутренних врагов», и потому мобилизации Территориальной обороны с началом массовых беспорядков 1 апреля 1980 г. не было начато, а для поддержки корпуса были направлены две танковые бригады – 211-я из Ниша и 243-я из Скопья (Светозар Йоканович «Боевые действия в Косово в период до конфликта с НАТО» Журнал «Экспорт вооружений», издание Центра анализа стратегий и технологий, 2-й номер за 2014 год).

Кроме попытки захвата военного склада в Подуево иных операций албанцы против ЮНА проводить не могли, и их сопротивление было подавлено (Светозар Йоканович «Боевые действия в Косово в период до конфликта с НАТО» Журнал «Экспорт вооружений», издание Центра анализа стратегий и технологий, 2-й номер за 2014 год).

Часть сил ЮНА вывели, тогда как сам Приштинский корпус, согласно Светозару Йокановичу, получил в свой состав три моторизованные бригады, артполк, противотанковый артполк, полк ПВО и один инженерно-саперный полк (Светозар Йоканович «Боевые действия в Косово в период до конфликта с НАТО» Журнал «Экспорт вооружений», издание Центра анализа стратегий и технологий, 2-й номер за 2014 год).

В дальнейшем три моторизованные бригады Приштинского корпуса – 15-я Пролетарская, дислоцированная в Приштине, 125-я, дислоцированная в Косовской Митровице, и 549-я, дислоцированная в Призрене – были перевооружены танками Т-55, заменившими танки Т-34/85, и их главной задачей стала борьба против албанского сепаратизма в Косово и Метохии (Светозар Йоканович «Боевые действия в Косово в

период до конфликта с НАТО» Журнал «Экспорт вооружений», издание Центра анализа стратегий и технологий, 2-й номер за 2014 год).

Сами же силы Территориальной обороны в Косово были сокращены с 70 тысяч до семи тысяч (Светозар Йоканович «Боевые действия в Косово в период до конфликта с НАТО» Журнал «Экспорт вооружений», издание Центра анализа стратегий и технологий, 2-й номер за 2014 год).

У органов государственной безопасности Югославии был опыт подавления партизан такого рода, когда в Косово после Второй мировой войны была развернута широкомасштабная партизанская война албанцев. Албанских партизан смог за несколько лет разгромить югославский КНОЮ

После окончания боевых действий в Косово и последовавшей смены Ранковича – ОЗНА, переименованное в СДБ (Служба Државне безбедности – Служба государственной безопасности) больше не имела в подчинении воинских подразделений и частей специального назначения.

Югославская народная армия таких подразделений так же не имела (Бранко Богданович «Подразделения спецназа и осназа Вооруженных сил Югославии и МВД Сербии» АНО «Центр стратегических оценок и прогнозов», Москва, 2013 год).

Когда в июне 1972 года из заграницы силами «ушашкой» организации хорватской эмиграции «Хорватское революционное братство» (Hrvatsko revolucionarno bratstvo) была заброшена диверсионная группа числом в 19 человек, то ЮНА и МВД сумели уничтожить 15 диверсантов, а четверых взять в плен, потеряв при этом 13 убитыми и большое число ранеными.

В 1972 году в составе военной полиции ЮНА были созданы специальные антитеррористические батальоны. Такие же батальоны в 1977 году были созданы в составе Территориальной обороны, а при Министерствах внутренних дел каждой республики СФРЮ были сформированы отряды батальонного состава специального назначения (Бранко Богданович «Подразделения спецназа и осназа Вооруженных

сил Югославии и МВД Сербии» АНО «Центр стратегических оценок и прогнозов», Москва, 2013 год). Вот эти-то отряды после начала компании неповиновения албанцев каждое республиканское управление организовано отправляло в Косово и Метохию.

Вместе с тем албанцы применяли оружие для действий не только против милиции и ЮНА, но и против местных сербов, совершая акты индивидуального террора. Уже к весне 1981 г. на территории Косова и Метохии произошло 350 террористического по актов отношению к неалбанскому населению (Радослав Гаџинович «Отимање Косово и Метохије» «Новинско-издавачки центар «Војска»», Београд, 2004. г.).

В феврале 1982 года глава управления внутренних дел Косова и Метохии Мехмет Маличи заявил, что в Косово и Метохии действуют 33 нелегальных албанских группы, и всего с 1981 по 1985 г. 3444 албанца было осуждено за «националистическую деятельность».

Вооруженная борьба албанцев в Косово и Метохии началась в восьмидесятых годах, когда Белград установил свою прямую власть над Косовом. Разумеется, многие террористические и политические группы албанцев за это время были разбиты, а то и уничтожены, но число сербов на Космете от этого не только не увеличилось, но и уменьшилось. Конечно, местные сербы тогда получили большие права, и именно из них стала комплектоваться местная административная власть, в первую очередь в Приштине, но Приштина – это еще не все Косово, и в селах ситуация поменялась в худшую сторону для сербов. Большое количество милиции, посылаемое на Косово сначала со всей Югославии, а затем уже из одной Сербии, держало албанцев в повиновении, но проблема этим не решалась. Если были избиты пара десятков албанцев в какой-нибудь милицейской операции, или пара албанцев будет убита в перестрелке с пограничниками, Косово все равно сербским не становилось. Сербским Косово сделали бы лишь сербы, переселявшиеся в него, а этого-то и не делалось. Поразительно, что власть в стране, в которой веками именно пограничные села защищали землю, не могла принять решение создавать такие же поселения на Косово.

Вместе с тем сам албанский терроризм проявился еще до начала беспорядков в Косово, при жизни Иосипа Броза Тито, когда, согласно «Белой книге МВД Сербии», были созданы организации «Красный фронт» и «Народное движение за республику Косово», проповедовавшие революционную борьбу в Косово и являвшиеся левыми движениями «марксистско-ленинского» толка.

В 1976 г. в Брюсселе была создана «Албанская демократическая лига», а затем в 1977 г. – «Национальная революционная организация албанцев Косово».

В Бельгии совершили 4 террористических акта: против государственной авиакомпании JAT, против представительства туристического союза Югославии, против двух клубов организаций югославских граждан. В Брюсселе во время еще одного теракта 4 августа 1981 г. был убит работник посольства Югославии Столи Джерич и ранен Реджо Зуко.

В дальнейшем в Германии в 1982 г. была создана организация «Народное движение за освобождение Косово» LPRK (Levizja Popullore per Republike e Kosoves) путем объединения четырех организаций албанской эмиграции, которые вряд ли бы могли действовать без поддержки немецких спецслужб.

Как LPRK, так и его наследник LPK не пользовались популярностью у албанской эмиграции в США, ибо, как пишет Стэйси Салливан (Stacy Sullivan «Be not afraid» »St Martin's Press», New York, 2004), не скрывали своих симпатий к Энверу Ходже и, можно предположить, сохраняли связи с албанскими спецслужбами.

В эмиграции был создан ряд организаций албанских экстремистов: «Бали комбетар», «Легалитет», «Третья Призренская лига», «Национальный комитет – свободное Косово», «Народное движение за республику Косово», «Союз Косоваров», «Хорватско- албанский союз» (Милан Мијалковски, Петар Дамјанов «Тероризам албанских экстремиста» Новинско-издавачки центар «Војска», Београд, 2002. г.).

Кампания гражданского неповиновения албанцев в Косово не могла не отразиться на ЮНА, в которой албанцы составляли 14% личного состава (Светозар Йоканович «Боевые действия в Косово в период до конфликта с НАТО» Журнал «Экспорт вооружений», издание Центра анализа стратегий и технологий, 2-й номер за 2014 год).

Албанцы в рядах ЮНА были главной «враждебной» силой. Как пишет Гачинович, из семисот открытых вербальных враждебных выпадов 396, т.е. 60%, совершались албанцами, тогда как в 1989 году из 829 таких случаев албанцы совершили 456 (Радослав Гаџинович «Отимање Косово и Метохије» «Новинско-издавачки центар «Војска»», Београд, 2004. г.).

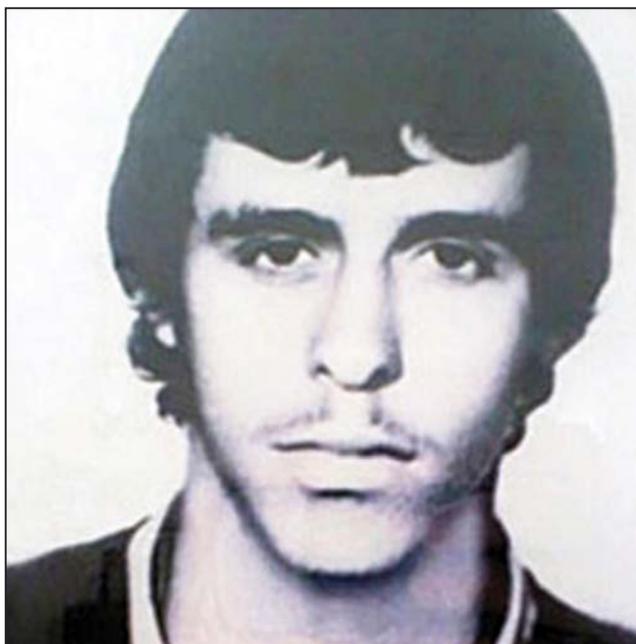
В рядах ЮНА началось формирование нелегальных политических групп албанцев, и во время операции «Златар» органы военной безопасности ЮНА с июля 1984 по февраль 1985 г. выявили четыре ранее существовавшие нелегальные албанские организации: «Группа марксистов-ленинцев Косова», «Движение национального освобождения Косова», «Марксистско-ленинские партии албанцев в Косово» и «Красный народный фронт», которые объединились в новую организацию – «Движение за албанскую социалистическую республику в Югославии».

Ее центр находился в Швейцарии, а в состав руководства входили Джафер Шартри, Сабри Новиела, Дурмуша Джафер, Зека Милим, Кадри Зека и Юсуф Гарвала (Радослав Гаџинович «Отимање Косово и Метохије» «Новинско-издавачки центар «Војска»», Београд, 2004. г.). Во главе комитета этой организации из рядов ЮНА состояли капитаны 1-го класса Малеку Наим и Джафер Яшари, поручик Фадил Хакию, водники (прапорщики) 1-го класса Рамадан Гаши и Тахир Хайдари и курсанты Фадил Делили и Шефчет Тахири. Когда члены этого комитета были арестованы, при них обнаружили большие запасы оружия и боеприпасов, равно как и план нападения на военную фабрику в Србице (Радослав Гаџинович «Отимање Косово и Метохије» «Новинско-издавачки центар «Војска»», Београд, 2004. г.).

Так же в гарнизоне Мостара в 1984 г. была выявлена группа военнослужащих-албанцев, которые украли 12

автоматов и 3 ручных пулемета и спрятали их на берегу реки Неретва (Радослав Гаћиновић «Отимање Косово и Метохије» «Новинско-издавачки центар «Војска»», Београд, 2004. г.).

Сербский военный историк Радослав Гачинович в своей книге «Захват Косова и Метохии» приводит документы 17-го заседания ЦК СКЮ, которые свидетельствуют, что с 1981 по 1988 г. в рядах ЮНА была разоблачена 241 нелегальная албанская группа, где состояли 1435 военнослужащих, албанцев по национальности (Радослав Гаћиновић «Отимање Косово и Метохије» «Новинско-издавачки центар «Војска»», Београд, 2004. г.). Нередко

Азиз Кельменди. Источник – «Википедия».

29 августа 1988 года в Центре военных школ в Белграде органы военной безопасности арестовали 9 военнослужащих-албанцев, членов организации «Марксисты-ленинцы Косова», планировавших террористический акт (Радослав Гаћиновић «Отимање Косово и Метохије» «Новинско-издавачки центар «Војска»», Београд, 2004. г.).

В 1989 г. в 14 гарнизонах ЮНА выявили 18 военнослужащих албанской национальности, принадлежавших к нелегальной организации «Дреница».

США на данные процессы особого влияния не имели, и события в Косово для них были не очень приятным сюрпризом, втянувшим их в конфликт с Белградом. Как пишет сербский историк Предраг Симич, само обострение отношений с СФРЮ началось с ареста в 1986 г. Петра Ивезая, албанца из Черногории, обвиненного в шпионаже в пользу Албании, но фактически работавшего на США. Однако коренная перемена курса США в отношении СФРЮ началась с назначения Ворена Циммермана послом США в СФРЮ (Предраг Симић «Пут у Рамбује. Косовска криза 1995–2000» «Неа», 2000. г.).

СФРЮ никоим образом не препятствовала основным принципам «атлантической» безопасности, которую британский лорд Измай охарактеризовал как: «To keep Americans in, Russians out, and German down». В силу этого многие в Белграде были против разрыва с США, и американская политика их раздражала как раз тем, что сами американцы отказались от своего союзника Югославии, а не наоборот. В номенклатурном аппарате в Сербии абсолютное большинство составляли все те же сербы, тогда как новую национальность «югослав» приняла незначительная часть этой номенклатуры. Было нелогичным для этой номенклатуры, частью которой были писатели, журналисты, ученые и многие церковные иерархи, обвинять в потере Косово какие-то тайные силы в мире, когда они и были властью. Именно они во имя интернациональных идей и способствовали росту числа албанских кадров, благодаря которым

Один из участников сербского политического движения в Косово и Метохии Марко Чупич писал в своей книге, что благодаря «национальному ключу», навязанному Союзом коммунистов Югославии, в Приштинском университете заведующие всех пять кафедр экономического факультета были албанцами (Марко Чупић «Отета земља» «Нолит», Београд, 2006. г.) Нехватка же преподавателей в школах на сербском языке, согласно Чупичу, никого не интересовала.

Выдумывать фантомы «германского фашизма» было еще более абсурдно, ибо вся деятельность как раз сербских коммунистов с 1944 г. была направлена на проведение в жизнь идей самоуправления. Германия на партийные кадры Сербии и Косово никакого влияния просто не имела. Потому непонятно было, как Германия могла повлиять на события в Косово в условиях абсолютной коммунистической власти в этом самом Косово.

Понятно, все это было пропагандистским трюком, хотя в такие идеи верили многие из тех, кто эти идеи пропагандировал, дабы снять ответственность с тех сил в Белграде, которые стремились покончить с православием в сербском обществе тем или иным способом.

Согласно точке зрения косовских сербов, высказанной в книге одного из их тогдашних политических лидеров Марко Чупича, со стороны партийных органов Сербии в Косово происходило замалчивание совершенных уголовных преступлений, и потому опасные албанские преступники провозглашались обычными хулиганами (Марко Чупић «Отета земља» «Нолит», Београд, 2006. г.).

В силу этого преступный элемент занимал в среде учеников ведущие позиции, тогда как хорошие ученики просто задвигались на второй план. Разумеется, были и албанцы, как пишет Марко Чупич, защищавшие сербов.

Случай с нанесением тяжких телесных повреждений пятидесятишестилетнему сербу Джордже Мартиновичу произошел 1 мая 1985 года, когда он был посажен на стеклянную бутылку.

Джордже Мартинович

Однако, по мнению тогдашнего министра внутренних дел Стане Доланца, Мартинович сам себя насадил на бутылку, что вызвало раздражение в сербской среде.

Закономерно, что в 80-х годах число столкновений между сербами и албанцами значительно выросло, что привело к началу самоорганизации местных сербов.

Движение косовских сербов фактически возникло после визита в 1983 г. в Белград делегации косовских сербов во главе с Костой Булатовичем и Марко Андреевичем. Там они посетили председателя Президиума Сербии генерала Николу Любича (Марко Чупић «Отета земља» «Нолит», Београд, 2006. г.).

В этом же году делегация косовских сербов в составе Косты Булатовича, Матии Стевановича, Войо Щепановича, Братимира Тошковича, Воислава Дудича, Любомира Тошковича встретила в Черногории с секретарем Союза коммунистов Косово Мичей Самарджичем, имевшим тесные связи с председателем Краевого комитета СК Косово Али Шукри (Марко Чупић «Отета земља» «Нолит», Београд, 2006. г.).

Было очевидно, что часть югославской номенклатуры в Белграде решила поддержать движение косовских сербов, дабы обеспечить себе лучшее положение в руководстве коммунистов СФРЮ.

Уже в первой половине 1985 года Вукашин Йованович потребовал принятия новой конституции в Скупштине Косово и Метохии.

Благодаря такой поддержке в середине июня 1985 г. в здании школы поселка Косово поле, населенного сербами, собралось руководство двух местных объединений (административных образований, на который делились общины – основные территориальные образования в Югославии) во главе с Костой Булатовичем, Мирославом Шолевичем, Зораном Груичем, Богданом Кецманом, Любо Вуйовичем и другими, и отказалось выполнять распоряжения Скупщины общины Приштина о запрете массовых собраний (Марко Чупић «Отета земља» «Нолит», Београд, 2006. г.).

В октябре 1985 г. 2016 сербов подписали петицию и отправили ее по 16 адресам, в том числе в Центральные комитеты СК Косово и СК Сербии, СКЮ, союзы писателей Косово, Сербии и Югославии.

В петиции обращалось внимание руководства на многочисленные злоупотребления албанских чиновников в Косово, хотя вместе с тем факты часто подавались предвзято (например, когда писалось о 260 тысячах албанцев, переселившихся из Албании в Косово с начала Второй мировой войны, хотя подтверждения тому не давалось).

Вместе с тем основная масса номенклатуры действительно считала, что Югославия для Сербии создает слишком много ограничений, и потому они и решили, используя вопрос Косово, привлечь сербские массы к решению политических вопросов в Белграде.

Как раз в силу этого новую петицию поддержали так же академик Михайло Маркович и ряд высоких партийных функционеров Сербии, бывших сторонниками, условно говоря, левого крыла в партийном руководстве, нацеленного на продолжение революционных процессов в обществе. Без поддержки этих функционеров тот же Добрица Чосич вряд ли смог бы вести активную деятельность по поддержке руководства косовских сербов.

Закономерно, что косовский вопрос вызвал конфликты во всей СФРЮ, ибо в Словении и Хорватии тамошние партийные круги стали считать, что «товарищи» в Белграде хотят набрать больше очков во внутрипартийной борьбе в СКЮ.

В 1985 г. делегация косовских сербов посетила тогдашнего президента Сербии Душана Шкырбича. Эта встреча и дала возможность провести массовый марш косовских сербов, который, начавшись 19 января 1986 г., окончился в Белграде перед зданием ЦК Союза коммунистов Сербии, в котором в это время находилась делегация косовских сербов (Марко Чупић «Отета земља» «Нолит», Београд, 2006. г.).

В феврале того же года новая делегация косовских сербов численностью в 106 человек во главе с Бошко Будировичем и Мирославом Шолевичем посетила Скупштину Югославии (Марко Чупић «Отета земља» «Нолит», Београд, 2006. г.).

Сербы из Батуса, Клине и Косова Поля на марше в Белград в 1986 году

Случай изнасилования одной сербки в селе Племетина вызвал новый марш косовских сербов на Белград, встретившихся там с тогдашним руководством Сербии: Лазаром Мойсовом, Иваном Стамболичем, Богданом Трифуновичем в ноябре 1986 г. у Союзного парламента, где собралась группа крестьян из села Племетина численностью в 250 человек (Марко Чупић «Отета земља» «Нолит», Београд, 2006. г.).

Сама реакция сербского народа в Косово в Белграде в коридорах власти была оценена как достаточная для создания критической массы, и потому была использована для организации массовых демонстраций в Сербии, затем вылившихся во многокилометровые автоколонны косовских сербов, двигавшиеся на Белград.

Аппарат МВД Сербии, очевидно, был далеко не единоклубен, и для основной массы милиции подобные демонстрации являлись проявлением «вражеских действий». Тогда в Управлении государственной безопасности Сербии имелись все нужные рычаги, чтобы подавить организацию этих демонстраций на самой ранней фазе. Коли этого сделано не было, следовательно, кому-то в югославском руководстве был выгоден приход к власти Милошевича, который сопровождался общественным давлением на партийные кадры Сербии в, условно говоря, «революционном виде», в рамках провозглашенной Милошевичем «антибюрократической революции».

Новое руководство СКЮ Сербии во главе с Милошевичем, таким образом, с поддержкой МВД и основной массы общества держало в напряжении партийные кадры Сербии, ибо в любой момент могло провозгласить несогласных «карьеристами и оппортунистами» и устроить обструкцию таким очередным «врагам народа».

Было очевидно, что без поддержки из Белграда такие марши были бы невозможны, и Азем Власи открыто обвинил Добрицу Чосича, Миодрага Булатовича и Вука Драшковича в том, что они подстрекали косовских сербов к подобным выступлениям.

Вук Драшковиц

В 1986 г. выходит известный Меморандум САНУ (Сербской академии наук и искусства), в котором первый раз поднимается «сербский вопрос». Хотя Милошевич вначале выступил против этого меморандума, вскоре он принял его идеи, а академики Михайло Маркович, Любо Тадич, Добрица Чосич, Милорад Экмечич, Матия Бечкович, как и ряд других академиков, стали поддерживать Милошевича.

Еще одной личностью, тесно связанной с Тито и сыгравшей важную роль в становлении политики Милошевича, был доктор Веселин Савич, являвшийся сербом по национальности, но вместе с тем воспринимавший православную церковь с «эзотерических» позиций, чему пример – его чертеж создания из православного собора святого Марка в центре Белграда-«гиперборической камеры» по освежению кислородом мозгов сербов.

Сам Воислав Савич в Белграде стал широко известен благодаря Миловану Джиласу, который в процессе своего послевоенного конфликта с Йосипом Брозом Тито нередко открывал тогдашние окол властные тайны, и, согласно ему, парапсихолог Савич был близок Тито, являясь его «целителем». Официальной информации о Савиче не было, однако в Белграде, где люди довольно тесно связаны, говорилось, что

Савич знал тайну происхождения Иосипа Броза Тито, так как многие югославы глубоко сомневались что сам Тито вообще был уроженцем города Кумровац в Хорватии, где его так никто после войны и не вспомнил при приезде. Как бы то ни было, но Савич создал в центре Белграда еще при Тито свой «

Как потом говорил вице-президент Республики Сербской Никола Колевич, знавший Савича лично, в статье на сайте «Видовдан» от 13 июня 2010 г., доктор Веселин Савич был масоном, тесно связанным с различными спецслужбами, от американской ЦРУ и британской Ми-5 до советского КГБ, и по сути стоял над всесильным тогда Управлением государственной безопасности МВД СФРЮ (Управа дрржавне безбедности Министарства унутрашњих послова СФРЈ – УДБ МУП СФРЈ), обладая при этом исключительными способностями к гипнозу как индивидуумов, так и целых масс («Pričao srpskom ludilu» «Vidovdan», 13.06.2010. g).

Как писал сам Савич в своем эссе о сербском народе, «...митинги соответствуют характеру сербского народа, его стремлению к коллективизму, и поддерживают состояние эйфории в нации, которая склонна к депрессии, меланхолии, безделью и паранойе» («Pričao srpskom ludilu» «Vidovdan», 13.06.2010. g).

В «салоне» доктора Савича в Белграде в 80-е годы частыми гостями были будущий вождь антиправительственных демонстраций 9 марта 1991 г. и автор популярной тогда книги «Нож», рассказывавшей о преступлениях усташей против сербов, Вук Драшкович и его супруга Даница, а также диссидент из Сараева Воислав Шешель, выступавший тогда с сербских националистических позиций (позднее ставший главой Сербской Радикальной партии), еще один диссидент, но пострадавший в ходе репрессий по делу «Информбюро» Драголюб Мичунович, вышеупомянутый первый диссидент СФРЮ Милован Джилас, сербские поэты Матия Бечкович и Стеван Раичкович, основатель и председатель общества Сербско-еврейской дружбы Клара Мандич, известный тогда официальный писатель и ветеран армии Тито Добрица Чосич, журналист и «великий мастер» масонской ложи Драган Танасич, художник Милич из Мачвы, будущие

ладыки СПЦ, епископы, а тогда еще монахи Амфилохий, Артемий и Атанасий, будущие лидеры сербов в Республике Сербская Краина- Йован Рашкович и в Республике Сербской – Радован Караджич, архиепископ Филарет и еще целый ряд деятелей («Pričaosrpskomludilu» «Vidovdan», 13.06.2010. g).

Как раз Савич, встретившись в Америке с тогдашним главой представительства югославского государственного банка «Югобанк» Слободаном Милошевичем, и сыграл немаловажную роль в карьере последнего («Pričaosrpskomludilu» «Vidovdan», 13.06.2010. g).

Лидер Сербской радикальной партии Воислав Шешель (в центре) в сербской части Сараева в августе 1993 года. Фото Неделько Марковича

Академики САНУ, в первую очередь Михайло Маркович и Тасо Младенович, прибегли к помощи тогдашних диссидентов Добрицы Чосича и Милована Джиласа, хотя если первый и являлся условным националистом, то второй с очевидностью – нет. Однако эти группы оказали поддержку Михайло Марковичу, причем Чосич смог установить хорошие связи с тогдашними белградскими сербскими интеллектуальными кругами, настроенными антикоммунистически и националистически.

Спецслужбы Белграда, которые контролировали как все так называемое патриотическое движение Сербии, равно как и ключевые области экономики – от торговли нефтью и оружием до экспорта малины и торговли героином, в данном случае вели заведомо двойную игру. Подконтрольные им олигархи финансировали все разнообразные «военные» проекты, но они же были тесно связанными с различными финансовыми центрами в США и Великобритании.

Нет смысла объяснять причины головокружительного успеха номенклатурных бизнесменов СФРЮ в 90-е годы, когда СФРЮ стала не нужна мировым политическим лидерам, и бывшее партийное окружение Тито, продолжавшее сохранять контроль над Союзом коммунистов Югославии, практически разрешило номенклатуре Сербии во главе с выдвинутым на волне «антибюрократической» революции Слободаном Милошевичем проводить «национальную революцию».

Партийная диктатура приводила к возникновению «культы личности», который делал политику «партийного» государства очень восприимчивой к личным качествам вождей. Вождь же, как и всякий человек, был восприимчив и к собственному окружению, которое с годами «партийной борьбы», входя во вкус власти, все больше пренебрегало «партийными обязанностями» в угоду «партийным привилегиям».

Но сами старые номенклатурные кадры отнюдь не ушли с политической арены, а продолжали ее контролировать с помощью созданных в конце 80-х годов олигархических бизнес-империй. Контроль над ними старые партийцы осуществляли через возникшие благодаря им же политические структуры, как, например, Союз коммунистов – движение за Югославию, позднее переименованный в «Югославянскую левую». Тем самым Милошевич, формально сумев поставить под свой полный контроль партийный аппарат, на деле стал его заложником.

Конечно, новые технологии и новое политическое устройство мира, возникшее с распадом СССР, диктовали свои правила, и «глобализация» означала все более тесные финансово-экономические связи политических элит различных государств, поэтому представители бизнеса социалистической Югославии могли только приспособливаться к тем требованиям, которые уже существовали на Западе. Однако все-таки более чем странно выглядит созданная югославскими пропагандистами картина так называемого сопротивления Югославии всему блоку НАТО, когда финансовые средства государства Югославия находились в руках олигархов с британскими, американскими и французскими паспортами, чьи капиталы находились в банках США, Великобритании и Франции.

Встав на путь капитализма, номенклатурный аппарат сделал предметом различных махинаций само государство, что привело к развалу экономики и вооруженных сил. Во времена социализма аппарат настолько был связан с идеологией, что отказ от нее привел к хаосу в рядах армии, а война только усугубила этот хаос. Было очевидно, что все это случайностью быть не может, и что в государственном аппарате Югославии

существовала определенная группа лиц, которая сделала все, что бы разжечь пожар войны на территории всей страны.

Тут приходят на ум слова Генри Киссинджера, который в своей книге «Дипломатия» писал, что балканские народы склонны к вовлечению других в свои междоусобицы, что, надо признать, было точно подмечено (Kisindžer H. «Diplomatija» «Verzalpress», Beograd, 1999.g.).

III

ГЕОПОЛИТИКА...

УДК 327::911.3(497.1)''1990/2000''+
327::911.3(477)''20''

Черданцев Валерий Вениаминович*

*г. Москва, Российский экономический
университет им. Г.В.Плеханова*

Cherdantsev Valery Veniaminovich

*Moscow, Russian University of Economics. G. V.
Plekhanov*

УРОКИ РАСПАДА ЮГОСЛАВИИ ДЛЯ РОССИИ И РЕСПУБЛИК ДОНБАССА

**Lessons of the breakup of Yugoslavia
for Russia and republics of Donbass**

Аннотация

В результате массированного разностороннего давления США и ряда стран Запада Сербия в 1990-е годы, отступая шаг за шагом по отношению к заявленной изначально позиции поддержки соотечественников в других республиках бывшей Югославии, отказалась помогать Сербской Краине, Республике Сербской в Б и Г, затем была фактически лишена Косово и ввергнута в Оранжевую революцию 2000 года. Современная Россия держит санкционный удар и своих союзников не сдает.

Ключевые слова: Югославия, Сербия, Республика Сербская, Косово, Россия, Украина,

* vvcher62@mail.ru

народные республики Донбасса, США, НАТО, санкции, оранжевая революция, межэтнический конфликт, гражданская война.

Annotation

As a result of the massive and multifaceted pressure exerted by the United States and a number of Western countries, Serbia in the 1990s, retreating step by step from its original position of supporting compatriots in other republics of the former Yugoslavia, refused to help the Serb Krajina, Republika Srpska in b and D, was then effectively deprived of Kosovo and plunged into the Orange revolution of 2000. Modern Russia holds a sanctions blow and its allies do not give up.

Keyword: Yugoslavia, Serbia, Republika Srpska, Kosovo, Russia, Ukraine, people's republics of Donbass, USA, NATO, sanctions, orange revolution, interethnic conflict, civil war.

Уроков распада Югославии для России и других стран постсоветского пространства можно извлечь множество. Наше внимание будет сосредоточено на тех из них, что связаны с санкционным и иным давлением США и Запада на руководство и элиты Республики Сербия с целью принудить их отказаться от поддержки своих соотечественников в Боснии и Герцеговине и в Хорватии, а затем и фактически уйти из Косово.

Политики и генералы современной Украины настолько часто твердят о стремлении уничтожить народные республики Донбасса по тому сценарию, что был реализован Хорватией по отношению к Сербской Краине в 1995 году, что само напоминание об этом уже выглядит банальным. Однако быть банальным в политике не значит числиться аутсайдером. И мировой гегемон часто не утруждает себя изобретением чего-то принципиально нового – достаточно обратиться к нынешней

кампании демонизации России и союзного ей сирийского правительства по части якобы использования химического оружия. Подобным образом действуют также «старшие» (Великобритания, Франция) и «младшие» (современный киевский режим) сателлиты США. Ведь в политике нередко реализуется не только креативное и прорывное, но и вновь повторяемое старое, даже еще не забытое.

Действительно, представители современного украинского политического руководства и генералитета неоднократно заявляли и заявляют о том, что их цель – ликвидировать самопровозглашенные республики Донбасса, ДНР и ЛНР в ходе стремительного фронтального удара, подобно тому, как летом 1995 года за несколько дней была уничтожена самопровозглашенная Сербская Краина в Хорватии. «О подобном сценарии для донбасских республик за время конфликта говорил ряд высокопоставленных чиновников Украины, таких как нынешний генеральный прокурор Украины Ю. Луценко, глава Верховной рады А. Парубий, ближайший соратник экс-главы СБУ М. Лубкивский ... председатель «Донецкой областной военно-гражданской администрации» П. Жебрийский» [3]. Характерно, что соотношение численности населения сербов в Сербской Краине и хорватов в остальной Хорватии напоминает нынешнее примерное соотношение населения республик Донбасса и остальной Украины (1:9). Еще более характерным для того времени, середины 1990-х годов, было отсутствие четкой позиции России по отношению к применению грубой силы со стороны Хорватии во время операции «Буря» и «Молния».

Ряд оппозиционных деятелей России, например политолог и экономист Михаил Делягин, неоднократно заявляли и заявляют о десятилетиях национального предательства, начиная с периода «перестройки» [1; 115]. На самом деле преодоление национального предательства и предательства своих ближайших союзников началось в России не со времени прихода В.В.Путина к власти и даже не со знаменитого разворота самолета главы правительства России Е.М.Примакова после того, как он узнал о начале натовских бомбардировок Сербии 24 марта 1999 года, а значительно раньше, с назначения того

же Е.Примакова министром иностранных дел России вместо А.Козырева в январе 1996 года. Но это долгий и трудный путь.

Российская Федерация в 1995 году молчаливо согласилась на проведение авиацией стран НАТО операции «Обдуманная сила», направленной на подавление военного потенциала боснийских сербов и поддержала Дейтонские соглашения по Боснии и Герцеговине. Как известно, эти соглашения не просто аннулировали результаты военных побед боснийских сербов, но фактически разделили территорию Республики Сербской на две части, с ограниченным сообщением между собой и уже в силу этого носили дискриминационный характер. С 1996 по 1999 годы Россия возвращается к позиции поддержки Сербии. С тех пор наша страна неизменно поддерживает справедливые требования основной части сербского народа, руководства Республики Сербия и боснийской Республики Сербской. В 1999 году Россия решительно осуждает действия США и НАТО – их агрессию по отношению к Сербии. Но реально воспрепятствовать планам западного альянса по отношению к Косово и самой Сербии российское руководство того времени было еще не в состоянии.

Для современной России и республик Донбасса важно извлекать уроки из постепенного все возрастающего давления США и НАТО на Республику Сербия в 1990-е годы. Уже в 1993 году югославское руководство под давлением санкций начало пересмотр прежней политики и постепенный отход от поддержки боснийских и краинских сербов. Слободан Милошевич согласился с планами мирного урегулирования, сначала по модели Вэнса-Оуэна, а затем с предложенным Контактной группой по бывшей Югославии. Последовали:

- Отказ от помощи Республике Сербская Краина в Хорватии;
- Отказ от помощи и закрытие границы с Республикой Сербской в Боснии и Герцеговине.

А ведь и основные требования нынешнего киевского руководства и их вашингтонских кураторов в лице специального представителя США на переговорах по урегулированию на Донбассе Курта Волкера имеют своей главной целью закрытие границы России с республиками Донбасса.

В 1995 году Милошевич стал одним из подписантов Дейтонского соглашения в США, формально завершившего войну в Боснии 1992-95 гг.

В качестве «благодарности» в 1996 году в Косово при активной поддержке Запада началось формирование вооружённых формирований сепаратистов, которые вскоре были объединены в Армию Освобождения Косово. Действия косоваров носили сепаратистский и экстремистский характер: «Сербия, вон из Косово!» - и вызвали жесткую ответную реакцию сербских властей.

В 1999 году С.Милошевич отверг ультиматум стран НАТО, требовавших вывода сербских войск и сил безопасности из Косово и ввода туда «миротворческого контингента» НАТО. В стране прошла мобилизация, звучали патриотические призывы. Однако после массированных натовских бомбардировок Сербии в течение двух с половиной месяцев правительство С.Милошевича уступило и выполнило требования НАТО по «демилитаризации» Косово в ответ на прекращение ударов коалиции с воздуха. Причем произошло это после того, как основные намеченные НАТО в Сербии цели были уже поражены и страна понесла огромный урон.

Ответственность США и НАТО за эти события очевидна, как и агрессивный характер блока НАТО, таким образом «отметившего» свой 50-летний юбилей. Однако и позицию С.Милошевича иначе как близорукой назвать трудно. У него был выбор из трех вариантов: отступить сразу после ультиматума НАТО и сохранить страну от разрушения, предотвратить которое в противном случае власти Сербии не могли; отступить сразу после начала ракетно-бомбовых ударов и свести разрушения к минимуму; не отступать ввиду малой вероятности наземной операции со стороны НАТО – тогда в глазах патриотической общественности Сербии С.Милошевич был бы национальным героем, несмотря на понесенные жертвы. Выбор С.Милошевича был наихудшим – «подставив» страну под нападение с воздуха превосходящих сил НАТО, после уничтожения основного стратегического потенциала Сербии он отступил и принял условия НАТО. Патриотическая общественность была подавлена, а либеральная, напротив,

перешла в наступление, активно поддерживаемое Западом через сеть НКО.

В итоге, заигрывания Милошевича с Западом лишили сербов реального шанса закончить гражданскую войну в Югославии победой и почетным миром совсем на иных условиях, чем Дейтонский. Разделавшись с Сербской Краиной и вынудив боснийских сербов пойти на невыгодный для них мир, западные стратеги направили следующий удар на саму Республику Сербия, использовав фактор Косово.

А потом против С.Милошевича была организована цветная революция в 2000 году, его власть была свергнута и вскоре он предстал перед судом Международного трибунала побывшей Югославии – точнее, антисербским судилищем, организованным Западом.

Уроки этого и других антисербских процессов для России и республик Донбасса очевидны: односторонние уступки США и Западу неуклонно ведут к сдаче стратегически важных позиций и приводят уступчивых политиков к расправе над ними посредством «суда» или же иным способом.

Конечно, у конфликтов в бывшей Югославии и нынешней Украине есть и существенные отличия. Если внутрюгославский конфликт (точнее, конфликты) имели ярко выраженный межэтнический характер, то в условиях современной Украины и народных республик Донбасса противостояние носит характер братоубийственной гражданской войны, где главные отличия проходят не по линии «русский – украинец», а связаны с принципиально разными, несовместимыми системами ценностей – противостоянием образов исторического прошлого, политического настоящего и проектов общества и государства будущего.

Героизация Бандеры и Шухевича несовместима с героями-молодогвардейцами и маршалом Жуковым, великая державная и суверенная Россия - с сервильной украиной вышиванок как изнанкой Европы, Россия как государство-цивилизация - с искусственным возвращением «почвенного» укронационализма.

По отношению к современной Украине уроки распада Югославии пока действуют в обратном отражении. США нужна «единая Украина» как таран против возрождающейся России. И поэтому они согласны с нынешним намерением украинских властей игнорировать региональные различия. Согласны со стремлением подавить Донбасс силой, хотя на словах выступают за мир в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН №2202 от 17 февраля 2015 года.

Когда англосаксам было выгодно существование единой Югославии – они поддерживали его, и даже поощряли умеренный сербский национализм как опору государственного единства – так было во времена существования Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев под властью сербской династии Карагеоргиевичей. Когда в 1990-е годы стал выгоден демонтаж единого государства, они инициировали и поощряли его.

Так и единая Украина представляет для США весьма относительную ценность, но – реальную в современных условиях. И они будут ее поддерживать. США нужна кровоточащая рана как можно ближе к сердцу русского мира. Донбасс для этого – идеальная мишень.

При возможном уничтожении республик Донбасса это неизбежно приведет не только к репрессиям по отношению ко многим тысячам его сторонников и защитников, но и к усилению давления на Россию в направлении Крыма и не только. Ведь современная Украина по своей сути – это АнтиРоссия. Поэтому, как недвусмысленно и неоднократно заявлял В.Путин, военного разгрома республик Донбасса Россия не допустит.

«Удар по России со стороны американской империи не только возможен, но и предопределен в том случае, если Россия в кратчайшие сроки не развернет строительство альтернативного мироустройства» [2; 12]. Начало этому строительству положено. Руководство Сербии во главе со С.Милошевичем отступило перед нажимом Запада и санкционным давлением в сочетании с давлением прозападной части сербского общества, выступавшей за договоренности с Западом. Россия в ситуации с республиками Донбасса санкционному давлению США и Запада не поддается и

не поддастся. При том, что и у нас давление влиятельного прозападного меньшинства весьма ощутимо. Политическое руководство России самым серьезным образом изучило, к чему ведет сдача позиций и одностороннее разоружение перед США и их союзниками и сделало далеко идущие выводы, актуальные для всех противников мондиалистского миропорядка.

ЛИТЕРАТУРА

Делягин М.Г. Путь России. М.:Эксмо, 2011. – 416 с.

Коровин В.М. Удар по России. СПб, Питер, 2014. – 304 с.

Новороссия и Украина. Сценарий атаки на Донбасс. http://ross-bel.ru/novorossiya-i-ukraina/news_post/stsenariy-ataki-na-donbass
Дата обращения 15.04.2018.

УДК 327::911.3(546.1)''1948/1949''

Милокост Л.С.*

*Луганский национальный университет имени
Тараса Шевченко*

Milokost L.S.

*Lugansk National University named after Taras
Shevchenko*

РОЛЬ ООН В РЕШЕНИИ КАШМИРСКОГО КОНФЛИКТА

The role of the UN in solving the Kashmir conflict

В статье анализируется роль ООН в решении кашмирского вопроса в 1948–1949 гг. Рассмотрены основные резолюции Совета Безопасности ООН по данному вопросу.

Ключевые слова: кашмирский конфликт, ООН, международно-правовые механизмы, резолюция Совета Безопасности ООН.

The article is devoted to the complex investigation of the role of the UN in solving the Kashmir conflict. The main resolutions of the UN Security Council have been considered.

Keywords: Kashmir conflict, UN, international legal mechanisms, UN Security Council resolution.

* lubov.milokost@mail.ru

После окончания «холодной войны» многие ученые, историки, политологи и философы задавались вопросом относительно характера нового миропорядка и взаимоотношений между государствами. Существовало представление о том, что с крушением биполярной системы в мире наступит эра спокойствия, всеобщего сотрудничества, исчезнет напряженность в отношениях между государствами, а, следовательно, прекратятся и вооруженные конфликты. Однако мир по-прежнему раздираем конфликтами и противоречиями, причем конфликты прошлого не только не разрешились, а подчас разгораются с новой силой. Под влиянием новых факторов постбиполярной системы международных отношений конфликты приобрели качественно иное звучание, в определенной степени преобразовались их структура и типология, изменилась динамика развития, что определяет актуальность изучения кашмирского конфликта как одного из дестабилизирующих факторов безопасности в регионе Южная Азия.

В свою очередь актуальность изучения роли ООН в урегулировании проблемы Кашмира определяется ответом на вопрос о возможности решения этнических и религиозных конфликтов посредством международно-правовых механизмов в рамках ООН.

Целью исследования является анализ попыток поиска путей урегулирования кашмирского конфликта в рамках ООН в 1948–1949 гг.

1 января 1948 года П.П. Пиллай, представитель Индии в ООН, направил официальную жалобу Председателю Совета Безопасности на Пакистан, обвиняя его в агрессии в Кашмире. Представитель Индии указывал на то, что индийское правительство обращается к ООН с просьбой потребовать от Пакистана: 1) предотвращения участия пакистанских военных лиц во вторжении на территорию Джамму и Кашмира; 2) призвать гражданских лиц Пакистана воздержаться от принятия участия в боях в штате Джамму и Кашмир; 3) не допустить использования территории Пакистана для организации операции в Кашмире и не оказывать иные виды помощи захватчикам [1].

В документе содержалось также предложение индийского правительства принять участие в урегулировании конфликта посредством организации и проведения плебисцита или референдума на территории княжества. Так, в письме указывалось, что «...как только земля штата будет очищена от захватчика и восстановлены нормальные условия, жители штата могли бы свободно решить свое будущее признанным демократическим методом плебисцита или референдума, который для обеспечения прозрачности может быть проведен под эгидой международного сообщества» [1].

15 января 1948 года министр иностранных дел оформил ответ Пакистана на имя Генерального секретаря ООН с просьбой направить его в Совет Безопасности для принятия соответствующих мер. В ответе, который был представлен тремя документами, отрицалось, во-первых, участие Пакистана в осуществлении подготовки вторжения; во-вторых, совершение Пакистаном акта агрессии против Индии. Указывалось, что, возможно, «... определенное количество добровольцев из Пакистана оказывали помощь войскам Азад Кашмира», но это не является свидетельством участия Пакистана в данных событиях [2]. По поводу предложения Индии провести в княжестве плебисцит, пакистанское правительство указывало, что для его осуществления необходимым условием будет нормализация ситуации посредством вывода с территории военных подразделений и создания новой администрации. Необходимым условием для проведения плебисцита Пакистан рассматривал деятельность ООН по обеспечению прекращения огня и решению вопроса с беженцами, созданию новой администрации [2].

В результате рассмотрения кашмирского вопроса 17 января 1948 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию 38 (1948), которая юридически закрепила вовлечение этой организации в конфликт в Кашмире [3]. В этой резолюции содержался призыв к правительствам Индии и Пакистана действовать в рамках «... их полномочий, направленных на улучшение положения, и воздерживаться от любых заявлений... и действий, которые могут ухудшить положение» [3]. Резолюция предполагала также дальнейшее рассмотрение Советом вопросов относительно конфликта Индии и Пакистана.

Уже 20 января 1948 г. Советом Безопасности принимается резолюция 39 (1948), в соответствии с которой учреждается Комиссия ООН по Индии и Пакистану, состоявшая из представителей трех государств: из которых – один должен быть выбран Индией, один – Пакистаном, а третий – назначаться двумя другими членами [4]. Основная работа комиссия была определена как подготовка к проведению плебисцита. В соответствии с резолюцией предусматривалось, что Комиссия должна действовать под руководством СБ ООН и согласно директивам, которые она получит от него. Были также определены функции Комиссии, а именно: 1) расследование фактов в соответствии со статьей 34 Устава ООН; 2) осуществление любых посреднических функций; 3) выполнение распоряжений СБ ООН 4) составление отчета о выполнении распоряжений Совета Безопасности [4].

При дальнейшем рассмотрении вопроса представитель Бельгии предложил такую последовательность действий по решению конфликта: проведение плебисцита и формирование нового правительства, а затем – реализация конкретных шагов для содействия прекращению военных столкновений в княжестве, что, по сути, отвечало интересам Пакистана и Азат Кашмир. Данная позиция была поддержана представителями западноевропейских государств и США. Однако бельгийские предложения не получили поддержку со стороны Индии, которая рассматривала первоочередной задачей именно вывод войск с территории княжества. Когда индийская делегация вернулась домой для консультаций с правительством, пакистанские представители жаловались, что Индия использовала этот период для дипломатического торга с Великобританией и США с целью изменения их позиции по проблеме Кашмира [5, р. 34].

В третьей резолюции по Индии и Пакистану от 21 апреля 1948 года (47(1948)) было принято решение увеличить членский состав Комиссии до пяти [6]. При этом предусматривалось, что в случае неукomплектованности Комиссии в течение 10 дней после принятия резолюции, Председатель СБ ООН имеет право доукомплектовать состав Комиссии. В числе членов Комиссии ООН были избраны Чехословакия (кандидатура была предложена Индией), Бельгия и Колумбия (назначенные

советом 23 апреля), Аргентина (предложенная Пакистаном 30 апреля 1948 г.), США (назначенные Председателем Совета Безопасности 7 мая 1948 г. ввиду отсутствия соглашения между Аргентиной и Чехословакией в отношении члена Комиссии, который должен быть назначен ими). В резолюции была оговорена необходимость срочного выезда Комиссии в регион конфликта для принятия необходимых мер как для восстановления мира и порядка, так и для подготовки к проведению плебисцита [6].

В соответствии с резолюцией 47(1948) указывалось, что для восстановления мира и порядка Пакистан должен был обеспечить выход из штата Джамму и Кашмира лиц, «обычно не проживающих в этом штате, а проникших туда для участия в вооруженной борьбе», а также не допускать дальнейшего проникновения военных контингентов на территорию штата и оказания им материальной помощи [6]. Одновременно правительство Индии должно было незамедлительно приступить к консультациям с Комиссией по вопросу вывода своих собственных вооруженных сил из княжества Джамму и Кашмир и постепенного сокращения до размера, необходимого для поддержания законности и порядка на данной территории.

На правительство Индии возлагалась ответственность за учреждение в Джамму и Кашмире администрации для проведения в кратчайший срок плебисцита. Учреждаемая администрация наделялась всеми необходимыми полномочиями для проведения плебисцита, включая право распоряжаться и контролировать военные и полицейские силы княжества. Кандидатура на должность администратора по проведению плебисцита предлагал Генеральный секретарь ООН. В свою очередь администратор по проведению плебисцита имел право предлагать кандидатуру своих помощников и других подчиненных, а также выработать правила проведения плебисцита. Администратор имел право непосредственной связи с правительством Джамму и Кашмира и с Комиссией Совета Безопасности, а также через Комиссию с Советом Безопасности, с правительствами Индии и Пакистана и с их представителями в Комиссии [6].

15 июня 1948 года в Женеве начала работу созданная в соответствии с резолюциями СБ ООН Комиссия по Индии и Пакистану. По прибытию в г. Карачи представители Комиссии были проинформированы об очередной эскалации конфликта и получили сведения о пребывании пакистанских подразделений на территории княжестве Джамму и Кашмир. Это было классифицировано как «существенное изменение ситуации» в рамках положений резолюции Совета Безопасности от 17 января 1948 года, о котором Пакистан немедленно должен сообщить ООН.

В результате работы Комиссии, несмотря на новые вспышки боев в конце 1948 г., Индия и Пакистан все же согласились на прекращение огня. Это было закреплено резолюцией, одобренной Комиссией ООН по Индии и Пакистану от 13 августа 1948 года [7]. Комиссия призвала стороны к прекращению огня и указала, что Исламабад должен согласиться на вывод своих войск с территории Кашмира. Индийское правительство в соответствии с резолюцией должно было вывести из княжества основную часть своей армии, оставив лишь силы, необходимые для поддержания порядка. После вывода пакистанских войск планировалась организационная работа по подготовке к проведению плебисцита территории княжества Джамму и Кашмира [7].

Исходя из того, что вышеперечисленные условия предусматривала вывод всех пакистанских войск и лишь частично индийских, Исламабад был в целом не доволен принятой резолюцией. Даже присутствие представителя Комиссии не обеспечило бы, по мнению пакистанского правительства, должного наблюдения за «прозрачностью» проведения плебисцита. В результате Пакистан не принял резолюцию СБ ООН от 13 августа 1948 года. В письмо, которое было направлено в Комиссию 6 сентября 1948 года, указывалось, что необходимо де-факто признать правительство «Азат Кашмира» участником конфликта и провести разграничение между пакистанскими войсками и собственными вооруженными формированиями Свободного Кашмира, которые не подлежали бы выводу с зоны конфликта. Кроме того, Пакистан требовал одновременного вывода индийских войск с территории Кашмира [8].

В декабре 1948 года Комиссия выступила с новыми предложениями, в которых содержалась детальная разработка принципов проведения плебисцита. Данные предложения были направлены одновременно в Дели и Карачи, где вызвали положительную оценку как индийской, так и пакистанской стороны. Так, Индия была удовлетворена, прежде всего, тем, что, по сути, правительство Шейха Абдуллы, в соответствии с предложениями, было признано временным правительством Кашмира. Пакистану в свою очередь импонировало то, что администратор плебисцита будет назначен Генеральным секретарем, который должен был провести консультации с Индией и Пакистаном по этому вопросу. Кроме того, администратор плебисцита не мог быть избран из сотрудников правительства Кашмира и имел «эксклюзивным» полномочия по организации и проведению плебисцита [5, р. 89].

23 декабря 1948 года правительство Индии, а 25 декабря правительство Пакистана подтвердили свое согласие с предложениями Комиссии. На определенное изменение в позиции Пакистана, а, по сути, принятие за основу ранее отвергнутых предложений, оказало влияние несколько факторов: 1) смерть М.А. Джинны в конце сентября 1948 года; 2) экономическая нестабильность Пакистана как следствие необъявленной войны с Индией; 3) военный успех Индии в Хайдарабаде и Кашмире в ноябре–декабре 1948 года.

В результате 5 января 1949 г. Комиссия ООН по Индии и Пакистану приняла резолюцию, согласно которой для урегулирования кашмирской проблемы необходимо проведение плебисцита, о котором речь шла в резолюции от 13 августа 1948 г., направление военных наблюдателей ООН в штат Джамму и Кашмир. Условием проведения плебисцита было обозначено полное прекращение огня и соблюдение договоренности [9], изложенные в частях I и II резолюции Комиссии от 13 августа 1948 года, выполнение всех подготовительных работ, необходимых для осуществления волеизъявления жителей штата Джамму и Кашмир. Генеральный секретарь ООН, по согласованию с Комиссией, должен был назначить администратора плебисцита, с которым должны сотрудничать все гражданские и военные власти, основные политические силы в штате. Детально прорабатывался вопрос

о механизме признания результата плебисцита [9]. В резолюции указывалось, что деятельностью по организации плебисцита будет руководить администратор, формально назначенный правительством Кашмира, но де-факто ООН.

24 января 1949 года в район расположения миссии ООН прибыла первая группа невооруженных военных наблюдателей, главной целью которых было: 1) наблюдения за выполнением соглашения о прекращении огня в Дхамму и Кашмире; 2) оказания поддержки Военному советнику Комиссии [10].

2 июля 1949 года Комиссия по Индии и Пакистану направила индийскому и пакистанскому правительствам письмо с предложением направить своих военных представителей для обсуждения вопроса о возможности установления линии прекращения огня в штате Дхамму и Кашмир. В письме указывалось, что запланированные «... встречи будут проводиться в военных целях, а политические вопросы не будут рассматриваться» и что «...они будут проводиться без ущерба для переговоров о перемирии» [11]. Уже 7 июля Комиссией был получен положительный ответ, как от правительства Индии, так и от правительства Пакистана.

В результате ряда встреч в Карачи в период с 18 по 27 июля между представителями Индии (генерал-лейтенант С.М. Шринагеш, генерал майор К.С. Тимайя, бригадир С.Х.Ф. Дж. Манекшау), Пакистана (генерал-майор В.Д. Кауторн, генерал-майор Назир Ахмед, бригадир М. Шер Хан) и Комиссии по Индии и Пакистана ООН, в состав которой входили Х. Сэмпер (Колумбия), В.Л.С. Уильямс (США), генерал-лейтинант М. Делвои (советник по военным вопросам) и М.А. Марин (советник по юридическим вопросам) были достигнуты договоренности, которые легли в основу соглашения о линии прекращения огня в Дхамму и Кашмире, подписанного 27 июля 1949 года [11].

В соответствии с документом «Соглашение между военными представителями Индии и Пакистана в отношении создания линии прекращения огня в штате Дхамму и Кашмир» линия прекращения огня рассматривалась в качестве дополнения к приостановлению военных действий, содержащееся в части I резолюции Комиссии ООН по Индии

и Пакистану от 13 августа 1948 года. Линия прекращения огня проходила от Манавара на юге, на севере до Керана и от Керана к востоку до зоны ледника. В соглашении четко были определены районы, через которые проходила линия прекращения огня. При этом указывалось, что войска останутся на расстоянии не менее 500 ярдов от линии прекращения огня, а районы, которые указывались как включенные в сферу влияния Индии и Пакистана, могут быть заняты этой стороной, но войска другой стороны должны оставаться на расстоянии 500 ярдов. Сторонам разрешалось свободно регулировать свои оборонительные позиции по линии прекращения огня, при условии, что при строительстве новых бункеров и защитных сооружений не будет иметь место минирование. Комиссия ООН получало право направлять своих представителей на линию прекращения огня для инспектирования ситуации. Кроме этого, «Соглашение между военными представителями Индии и Пакистана в отношении создания линии прекращения огня в штате Джамму и Кашмир» предусматривало: 1) право Комиссии размещать своих наблюдателей там, где она сочтет необходимым; 2) процедуру контроля над прекращением огня на местах, в которой участвовали командиры местных подразделений с каждой стороны при поддержке военных наблюдателей ООН; 3) рассмотрение спорных вопросов Военным советником, решение которого являлось окончательным; 4) 30-дневный срок для того, чтобы стороны освободили находящиеся на время подписания соглашения районы за пределами линии прекращения огня [11].

Таким образом, основным результатом деятельности Совета Безопасности ООН по решению кашмирского конфликта в 1948–1949 гг. стала линия прекращения огня в Кашмире, которая фактически превратилась в линию раздела бывшего княжества.

ЛИТЕРАТУРА

Government of India's letter to the Security Council. In its letter of 31 December, 1947, taking the Kashmir issue to the UN, the Government of India wrote to the Security Council [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.mtholyoke.edu/acad/intrel/kasindia.htm>, free.

Sheikh Mohammad Abdullah's Speech in UN Security Council, February 1948 [Electronic resource]. – Access mode: www.iam-mukashmir.nic.in, free.

Резолюция СБ ООН 38 (1948) от 17 января 1948 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/048/21/IMG/NR004821.pdf?OpenElement>, свободный.

Резолюция СБ ООН 39 (1948) от 20 января 1948 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/048/22/IMG/NR004822.pdf?OpenElement>, свободный.

Gururaj Rao H.S. Legal aspects of the Kashmir Problem. Bombay : Asia Publishing House, 1967. – 442 p.

Резолюция СБ ООН 47 (1948) от 21 апреля 1948 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/048/30/IMG/NR004830.pdf?OpenElement>, свободный.

Резолюция СБ ООН 47 (1948) от 21 апреля 1948 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/048/30/IMG/NR004830.pdf?OpenElement>, свободный.

Acceptance of Instrument of Accession of Jammu and Kashmir State [Electronic resource]. – Access mode: www.kashmir-information.com/historicaldocuments.html, free.

Resolution adopted at the meeting of the United Nations Commission for India and Pakistan 1950 [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.mtholyoke.edu/acad/intrel/uncom2.htm>, free.

Официальный сайт правительства штата Джамму и Кашмир Индии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.iammu-kashmir.nic.in, свободный.

Agreement between Military Representatives of India and Pakistan Regarding the Establishment of a Ceasefire Line in the State of Jammu and Kashmir (Karachi Agreement) [Electronic resource]. – Access mode: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/IN%20PK_490729_%20Karachi%20Agreement.pdf, free.

УДК 32 Wallerstein I.

Серостанова Оксана Борисовна*

Serostanova Oхana Borisovna

*Луганский национальный университет имени
Тараса Шевченко*

Lugansk Taras Shevchenko National University

АКТУАЛЬНОСТЬ ИДЕЙ И. ВАЛЛЕРСТАЙНА В УСЛОВИЯХ ПОВЫШЕННОЙ КОНФЛИКТОГЕННОСТИ В МИРЕ

**The urgency of the ideas of I. Wallerstein in
conditions of increased conflict in the world**

Аннотация

Какой самый важный вопрос волнует современное общество? По какому пути развивается мир и что нас ждет в будущем. Какие тенденции ставятся во главе данного процесса? Почему мы становимся свидетелями эскалации общественных отношений? Данная статья поможет рассмотреть эти вопросы через призму мир-системного подхода Иммануила Валлерстайна.

Ключевые слова: мир-система, обменные отношения, социальный конфликт, разделения труда, дерурализация

* afina.milova@inbox.ru

Annotation

What is the most important issue of modern society? On what path the world develops and what awaits us in the future. What tendencies are put at the head of this process? Why do we become witnesses to the escalation of social relations? This article will help to consider these issues through the prism of the world-system approach of Immanuel Wallerstein.

Keywords: world-system, exchange relations, social conflict, division of labor, derurality

В творчестве Иммануила Валлерстайна значительное место отводится анализу развития капиталистической мир-системы. В этой связи представляют интерес его работы «Анализ мировых систем и ситуация в современном мире» и «Конец знакомого мира: Социология XXI века», в которых автор моделирует реальность в ближайшей перспективе. Исходя из взглядов исследователя, будущее мир-системы будет сопряжено с увеличением очагов конфликта по всему миру. По мнению И. Валлерстайна, они были заложены в основаниях капиталистической мир-системы, которая в настоящий момент претерпевает кризис, вызванный логическим завершением гегемонии США, длившейся с 1945 по 1990 гг. Видится, что во многом, данные процессы связаны с циклическими колебаниями, которые сопровождаются географическими сдвигами центров концентрации капиталов и власти [1, с. 51], а также с нарастанием диспропорций в развитии обменных и пере/распределительных отношениях.

Исследователь отмечает, что главным эквивалентом обменных и пере/распределительных отношений между странами стали деньги, «размещенные в банках», которые «были затем вновь направлены в третий мир и социалистические страны (даже нефтепроизводящие) в виде государственных займов» [2, с. 162]. Подобным образом происходило замещение источников прибыли с производственной сферы в финансовую и наоборот. Создавались предпосылки к массированному

потреблению предметов роскоши, приводившее к падению темпов роста в странах третьего мира в совокупности с истощением финансовых и социальных резервов. При этом Иммануил Валлерстайн акцентирует внимание на то, что разрыв между Севером и Югом будет расти, провоцируя потрясения и хаос. Мы станем свидетелями нарастающей эскалации в мире.

Капиталистическая мир-система, сформированная в XVI веке представляла собой совокупность миро-хозяйств [1, с. 50], основанную на разделении труда. Отношения между ними выстраивались по принципу «центр-периферия». На важность фактора разделения труда в процессе развития общества указывали в своих работах К. Маркс и Ф. Энгельс. Они отмечали, что обмен напрямую связан с разделением труда, а «выгода каждой нации состоит не просто в избавлении от своего продукта, а в том, что она за него получает» [3, с. 15]. Получается, что в процессе преобразования обществ, происходит нарастание противоречий в обменных отношениях в связи с замещением существующих интересов и потребностей. Они кроются в глубинных слоях существования миро-хозяйств.

В частности, по мнению И. Валлерстайна, мы наблюдаем процессы дерурализации, экологический кризис, демократизацию мира и упадок традиционных антисистемных движений как естественные явления, являющиеся результатом эпохи перехода от одной системы к другой [1, с. 51]. В совокупности, выделенные тенденции продуцируют повышения конфликтогенности в мире, которые связаны с действиями социальных субъектов, вызывающими негативную реакцию значительной части общества. По большей части это связано с формированием диспропорций в отношениях, построенных на обмене и пере/распределении материальных и нематериальных ресурсов.

Примером, может служить судьба СССР. Скрытые формы обмена, присутствующие во взаимосвязях между советскими республиками порождали наложение государственных и региональных интересов. В свою очередь, данные процессы приводили к столкновению позиций контакторов в особо важных

вопросах социальной справедливости и властных полномочий. Иммануил Валлерстайн утверждает, что «фундаментальные противоречия капиталистической системы проявляются на уровне глубинных процессов в чередующихся циклических колебаниях, служащих разрешению этих противоречий» [1, с. 50]. В случае с СССР мы наблюдаем существование противоречий между существующей системой обмена и распределения ресурсов и развитием общественного сознания, что породило эскалацию в цепи обменных взаимоотношений, функционирующих по принципу «центр-периферия».

На уровне мир-системы в целом, нарастание противоречий, и как следствие возникновение зон конфликтов, связано с преобладанием тенденций к замещению производственных мощностей финансовыми между центром (США, Япония и ЕС), полупериферией (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР, Южная Корея и др.) и периферией (страны Латинской Америки и Африки, а также некоторые страны Азии).

«Ситуация, таким образом, предполагает возможность извлечения выгоды различными регионами, но допускает масштабный успех только одного из них» [1, с. 53], — отмечает И. Валлерстайн в работе «Конец знакомого мира: Социология XXI века».

Наложение противоречий между экономическим развитием и уровнем общественного сознания, приводило к антиправительственным движениям в 1980-е гг. в странах Латинской Америки и арабских странах, а также порождало преобразования 1989 г. в Восточной и Центральной Европе [2, с. 163-164].

Рассуждая о понятии современность, И. Валлерстайн акцентирует внимание на том, что человеческая цивилизация пошла не по пути интеллектуального и технологического прогресса, а «дорогой социальных конфликтов» [2, с. 167]. Эти два пути стали основной характерной символической чертой тех отношений, которые порождали множество противоречий между социальными субъектами. Именно в настоящее время мы становимся свидетелями морального и институционального кризиса, порождающего основные социальные проблемы мира: неконтролируемую миграцию,

локальные конфликты, сжатие средних слоев, загрязнение окружающей среды и прочее.

Гербер Маркузе в своей книге «Одномерный человек» отмечал, что понятие потребление не воспринимается в качестве удовлетворения потребностей, так как замещается «детерминацией ложных потребностей» посредством вовлеченности в систему потребления, навязанную СМИ [4].

Современная культура все более абстрагирована от исторических и географических условий и реализует себя в медиaprостранстве электронных коммуникаций, где создаются аудиовизуальные гипертексты культуры визуальной реальности. Подобная теоретическая модель является ярчайшим примером многоаспектности современной глобализации процессов, в контексте которых осуществляется развитие современной мир-системы.

Однако глобализация информационного обмена и коммуникации не ведет к слиянию различных культур и стиранию культурных отличий. Наоборот, особенностью современной мировой культуры является ее полимодальность и толерантность к различным этническим идентичностям.

Итак, в мировой культуре нового типа глобальные культурные образцы и стили жизни, пропагандируемые через искусство рекламы, соединяется с региональной идентичностью, которая сегодня приобретает большую значимость наряду с политической и классовой. Для становления медиaprостранства новой глобальной культуры характерна диффузия стилей жизни, свойственных разным этническим группам и культурным традициям, в массовой культуре большинства стран доминируют образцы, являющиеся типичными для западной, преимущественно, американской медиainдустрии. В локальных условиях эти образцы трансформируются под влиянием локальных норм, приобретая гибридные формы.

Таким образом, следует отметить, что идеи Иммануила Валлерстайна представляют огромную актуальность. Нельзя сказать, что исследователь, подобно пророчицу, точно предсказал каким будет наше завтра. Однако стоит отметить,

что описанные им тенденции имеют место в современном развитии человечества.

ЛИТЕРАТУРА

Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века [Текст]/ Иммануэль Валлерстайн ; пер. с англ. под ред. В. И. Иноземцева. — М.: Логос, 2004. - 368 с.

Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире [Текст] / Иммануил Валлерстайн ; пер. с англ. П. М. Кудюкина. под общей ред. канд. полит. наук Б. Ю. Кагалицкий. — СПб: Изд-во «Университетская книга», 2001. — 416 с.

К. Маркс. Коспект книги Джеймса Милля «Основы политической экономии. Сочинение [Текст] : в 50 т. / Карл Маркс — 2-е издание. — М.: Издательство политической литературы, 1974. — Т. 42. — С. 5-40.

Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества [Текст]/ Герберт Маркузе ; пер. с англ. — М., 1994. — 368 с.

УДК 327::911.3(498)

Зоран Милошевич*

Институт политических исследований, Белград

Zoran Milošević

Institute for Political Studies, Belgrade

РУМЫНИЯ И РАЗДЕЛЕНИЕ ЮЖНЫХ И ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН**

**Romania and the separation
of southern and eastern Slavs**

Резюме

Церковная уния, принятая в трансильванском Белграде (Алба-Юлии) в 1700 году, создала условия для формирования идеологии румынизма, навязанной жителям Эрделя (Трансильвании), а затем Валахии и Молдавии посредством социальной инженерии с целью изменения идентичности сербов и славян в целом. Новая попытка институционализации румынизма, теперь уже в форме государства, имела место после поражения России в Крымской войне (1853–1856), когда Запад на правах победителя вынудил Россию признать новое европейское государство с неороманской (латинской) идентичностью. Другими словами –

* Научный советник, профессор теоретической социологии. zoran.milosevic@yandex.ru

** Исследование проводилось в рамках научного проекта «Демократические и национальные ресурсы политических институтов Сербии в процессе международной интеграции» (179009), финансируемого Министерством просвещения, науки и технологического развития Республики Сербия.

признать антисербское и антирусское государство с перспективой дальнейшего расширения, а значит, румынизации и латинизации населения Балкан и Малороссии (Украины).

До того момента в истории не зафиксирована информация о существовании такого государства и народа на территории Валахии, Молдавии и Эрделя. Так исполнилась геополитическая мечта «создателя» Румынии, графа Камилло Бенсо ди Кавура. Он занимал должность премьер-министра Сардинского королевства с 1852 и до самой смерти в 1861 году – в то время, когда Румыния проходила процесс своего формирования, а Италия – путь объединения. Еще более значимо то, что он был во главе правительства тогда, когда началась Крымская война. Камилло Бенсо ди Кавур высказал мысль о том, что главное значение создания Румынии – «разделить южных и восточных славян», создав неороманскую идентичность, которая, по задумке Ватикана, должна одновременно стать семенем возрождения Римской империи.

Ключевые слова: геополитика, Румыния, румынизм, идеология, ассимиляция, уния, православие, идентичность, Ватикан, Трансильвания, Валахия, Молдавия

Abstract

The Unitarian Church, established in Transylvanian Belgrade in 1700, enabled the creation of the ideology of Romanianism, first imposed on the population of Transylvania, then on the population of Wallachia and Moldova through the method of social engineering, in order to change the identity of the Serbian and Slavic population. The new initiative for the institutionalization of Romanism, this time in the form of the state, came after the defeat of Russia in the Crimean War (1853-1856), when the victorious West forced Russia to accept a new state in Europe

with a neo-Roman (Latin) identity, that is, to accept an anti-Russian and anti-Serbian oriented state, with the potential for further expansion, that is, for the romanization and latinization of the population of the Balkans and Little Russia (Ukraine).

In the history, up to that point, the existence of such a state, and such a nation as well, in the area of Wallachia, Moldova and Transylvania was unprecedented. In this way, the geopolitical dream of the creator of Romania, Camillo Benso, Count of Cavour, was fulfilled (he served as Prime Minister of the Kingdom of Piedmont-Sardinia from 1852 until his death in 1861, at a time when Romania was going through its constitution and Italy through its unification, but, more importantly, he was at the helm of the government when the Crimean War began), who emphasized that the main purpose of the creation of Romania is to 'separate the South Slavs from the East Slavs' by creating a neo-Roman identity which, according to the ideas of Vatican, should also be the seed of the renewal of the Roman Empire.

Keywords: geopolitics, Romania, Romanianism, ideology, assimilation, union, Orthodoxy, identity, Vatican, Transylvania, Wallachia, Moldova

Для геополитики и специалистов в этой области Румыния во многом остается загадкой. О ее миссии в рамках Европы и Балкан рассуждают на основании ложных фактов¹. Мы

¹ Невероятно, но именно так рассуждает Александр Дугин (*Основы геополитике*, кн. 1, *Геополитичка будућност Русије*, Екопрес, Зрењанин, 2004, стр. 334–335), считающий неизбежным объединение Румынии и Молдавии на основании общей идентичности. Этим он продемонстрировал свою некомпетентность в вопросах балканской геополитики, а также в вопросах образования Румынии и происхождения румын. Если в случае с Дугиным проблема заключается в неосведомленности, то в случае с «румынским» историком Овидиу Печиканом речь идет о заведомом конструировании положений, основанных на фальсификациях и игнорировании исторических данных и доказательств (*Историја Румунá*, Клио/Бесједа, Београд, Бања Лука, 2015). Книга вышла при финансовой поддержке румынского института культуры, расположенного в Бухаресте. К сожалению, она написана в целях румынизации Балкан, и именно поэтому переведена на сербский. При этом на данное «творение» не отреагировал никто из сербских ученых.

О характере этой книги многое говорит тот факт, что в ней участие Румынии во Второй мировой войне на стороне нацистской Германии представляется как «антисоветская война»

попытаемся доказать в нашей статье, что предназначение Румынии – разделить восточных и южных славян, т.е. «великороссов» и «малых русских» (т.е. сербов). Путем социальной инженерии создается романская и латинская идентичность, которая позволит возродить Римскую империю, полностью ликвидировать сербскую идентичность и частично – русскую (в Малороссии, современной Украине).

Пойдем по порядку.

Рассуждая о политике Римско-католической церкви, нельзя обойти стороной вопрос унии, т.е. подчинения православных патриархов власти Ватикана. Уния, среди прочего, открывает нам специфику римского миссионерства: это не только вера, но и политика. Миссия не сводится к убеждению человека или группы людей в том, что католицизм лучше других религий. Она заключается в политической трансформации самосознания крупных общностей через романизацию и латинизацию их идентичности и включение ее в общую римско-католическую идентичность. Чтобы осмыслить новую «восточную политику» Ватикана потребуется время, но некоторые детали уже видны. Ясно, что в Ватикане восточное направление рассматривается как долгосрочный проект – особенно если принять во внимание то, что нынешний Папа Франциск в своей энциклике «*Lumen Fidei*» назвал себя последователем и сторонником идей Бенедикта XVI, который, в свою очередь, продолжал политику Иоанна Павла II. Иными словами, православным христианам и Русской православной церкви не стоит ожидать, что Ватикан оставит свои стремления возродить Священную римскую империю: ничего не поменялось в политической философии Святого Престола².

(стр. 535.), а СССР – как «сталинская советская тоталитарная империя» (стр. 537). Оправдывая нацистскую Румынию, автор утверждает, что «Ион Антонеску присоединился к общеполитическому видению европейского ультраправого крыла» (стр. 537). А русских и политику их государства он рассматривает в рамках клише – «русская угроза».

2 «Что на сегодняшний день представляет из себя Россия, во что она скоро превратится? Эта проблема, как грозные облака на горизонте, возвышается над всеми проблемами Европы. В тот день, когда русские солдаты в разрушенной Москве, святом для славянского мира городе, воскликнули: «Мы – новые римляне»; в тот день, когда таинственный Александр заклинал всех христианских правителей во имя Святой Троицы и связал свободный, разнообразный мир в едином неразрывном союзе, – именно в тот день Европа научилась побаиваться народа, которым до того момента восхищалась и которому завидовала как лидеру в вопросе национальных свобод и последнему оплоту в борьбе с автократией Наполеона». По этой причине Россия должна быть поражена – так рассуждают почти все крупные субъекты

Ясно, что на государственном уровне от Ватикана ожидается изменение политики – «от традиции *arcane imperiik* традиции *raison d'etat*...», т. е. отказ от реализации своих интересов насильственными, безнравственными способами и переход к «разрешенным» приемам и методам, соответствующим нынешнему статусу Православия и той помощи, которую православные христиане как раз сейчас оказывают на Ближнем Востоке, в том числе и католикам³.

Однако если мы обратимся к истории, то заметим, что всякая уния с Ватиканом – от Брестской, до Ужгородской унии, унии в Жумберке или любой другой, менее крупной, – всегда следовала одной и той же методологии. Кроме Марчанской⁴, на Балканах заключались и другие унии, «мишенью» которых тоже были сербы – Тржичская уния (1820), уния в Дишнике (1841), уния в Поганаце и Промеле (заключена в 1894/1897 гг.). Здесь же стоит упомянуть и унию в Среме, Славонии и Пече, а

политики. Когда в начале XIX века русский царь Александр I, преследуя Наполеона, вошел в Париж, он стал судьей, который вершит судьбу Европы. **Тогда Европа, анализируя успехи России, обратила внимание на православных жителей Балкан, прежде всего – на сербов. Их посчитали важными «сообщниками» самого большого государства Европы, и с тех пор начали вести политику по подчинению сербов и отделению их от России – не только с точки зрения политики, но и в культуре, в религии.** «В таких условиях идеализация славянского движения везде – и в Италии, и в Европе в целом – сменяется зрелым пересмотром национальных проблем средней и восточной Европы, в первую очередь в связи с все более открытой панславянской политикой царской России и неизлечимым кризисом Османской империи». См.: Анђело Тамбора, *Кавур и Балкан*, Завод за уџбенике, Београд, 2007, стр. 16, 17-18, 31.

3 Зоран Милошевић, Шта Русија очекује од Ватикана, *Печат*, бр, бр. 512, 23. март 2018, стр. 35– 37.

4 Марча, имевшая центральное географическое положение, выбрана была в качестве резиденции новой сербской епархии, которую в 1609 году основал сербский патриарх Йован Кантул для всех православных христиан, живших на западных территориях – в Хорватии, Славонии, Крайне, Штирии и западной Венгрии (в тех частях, которые находились под властью австрийских монархов). Патриарх назвал эту западную епархию Вретанской. Так она называлась до начала XVIII века, но ее одновременно называли Марчанской и Ускочской. Епископа Симеона Вретанского назначил патриарх Йован, но тот в 1611 году по настоянию и под давлением католических священнослужителей и военных властей поехал в Рим на поклонение Папе. После того, как Симеон согласился на унию, он получил условный титул «бискупа греческого обряда», и это стало началом столетних страданий православных сербов, населявших принадлежавшие Габсбургам территории. Однако после возвращения из Рима Симеон оказался между двух огней. С одной стороны, государственная власть и католические бискупы надеялись, что уния приживется среди священства и паствы, но вскоре стало ясно, что народ решительно намерен хранить верность православию. Таким образом, уния Симеона осталась лишь на словах, как его личный акт. Со временем стало понятно, что даже он сам не намерен навязывать унию взволнованному народу. См.: Душан Кашић, *Оттор Марчанској унији*, Лепавинско-северинска епархија, Православље, Београд, 1986.

также унии в Далмации и Македонии, которые плохо известны широкой общественности, но при этом являются основанием для сегодняшних претензий Римской церкви и хорватов на данные территории и их население. Известно, что в каждом случае уния навязывалась через политические механизмы с применением силы⁵. С сожалением снова констатируем: **в православной среде так и не появилось исследование, которое бы охватило все унии. Нет даже книги, в которой бы унии были описаны в хронологическом порядке, с указанием исхода событий.** Не установлены все факты подвижничества православных христиан, связанные с попыткой вернуть паству (всю или часть её) в лоно Православия. Среди таких выделяется подвиг митрополита Семашко, которые вернул население Беларуси и части Украины в православие. К сожалению, православные знают о нем мало, чего нельзя сказать о католиках – особенно, хорватах.

Балканы, как и все территории православных, с момента падения Римской империи и раскола христианства в 1054 году превратились в миссионерскую зону для римской церкви и до сих пор таковой являются, несмотря на подписанные договоренности и снятие анафемы. Поэтому мы решили в нашей работе сосредоточиться прежде всего на самой значительной и самой трагичной по своим последствиям унии, **унии в эрдельском (трансильванском) Белграде**, чтобы потом указать на ее трагические политические последствия. Дело в том, что упомянутая уния привела к созданию идеологии новой романизованной и латинизированной румынской идентичности. Более того, под ее знаменем проведен этноцид всего славянского населения на территории Эрделя (Трансильвании), Валахии и Молдавии. Этот прецедент социальной инженерии, на тот момент абсолютно новый, к сожалению, остался недостаточно изученным, из него не извлекли уроки, проект дальнейшей румынизации продолжает развиваться и уничтожать, прежде всего, сербов, но также болгар и молдаван.

⁵ Епископ Никодим Милаш, *Православна Далмација*, историјски преглед, Издавачка књижара А. Пајевића, Нови сад, 1901.

ОТ УНИИ В ЭРДЕЛЬСКОМ БЕЛГРАДЕ ДО РУМЫНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Мало кто из нас, услышав сегодня название города Алба-Юлия (рум. Alba Iulia), сможет сказать, в каком регионе или государстве он находится. И совсем сомнительно, что многие будут знать о значительной его роли в истории православных славян – как трагического поприща, места, где две церкви и многочисленные государства боролись против православных христиан, у которых на тот момент не было не только государственной, но и дипломатической или любой другой защиты. Сегодня, как и ранее, Алба-Юлия является столицей румынского края Трансильвания (в прошлом – Эрделя⁶), а до переименования этот город назывался Белград⁷. Изменение названия края и его столицы «помогло» славянам забыть об этой трагедии. Сегодня мало кто знает, что данная территория принадлежала именно славянам. Здесь жили славяне православного вероисповедания, находившиеся под юрисдикцией Сербской православной церкви.

О предыстории обращения в униатство славян в Эрделе (Трансильвании), Валахии и Молдавии, их борьбе за православие, о сохранении «поврежденного» православия, сопровождавшемся потерей национальной идентичности (полной романизации и латинизации), мы поговорим в другой раз. А сейчас сосредоточимся на унии в Алба-Юлии (Белграде) и ее последствиях.

6 Эрдель, арийск. *árd'a* – земля, территория, регион, место, часть, сторона; √ *árd*. – протрясти, сдвигать, двигаться, разойтись...; серб. ардия, помещение (за домом); англ. *earth*; нем. *Erde*... Корень *Эрдель* со значением *земля, страна* (государство или территория) обнаруживается в названиях семи городов.

В первом из известных документов, который датируется 1075 годом, упоминается «Ультра Силвам» (лат. *Ultra silvam*), в переводе – «за лесом» (так называли данную территорию). В том же веке этот край называли также «Партес Трансильвана» (лат. *Partes Transsylvania*). В начале XII века в источнике Легенда Санти Герхарди (*Legenda Sancti Gerhardi*) упоминается это же самое название, имеющее значение «край по ту сторону леса». В Венгрии того времени это название закрепилось в качестве официального наименования. Однако в разговорной речи и далее использовалось название «Эрдель». Первый документ, в котором это зафиксировано, – хроника Геста Хунгарорум (*Gesta Hungarorum*), XII в. В ней данная территория упоминается под названием «Ердеель» (*Erdöelv*).

7 Напомним, что на древних картах горы Карпаты назывались *Montes Serrorum* – Сербские горы. См.: Реља Новаковић, „Мирислав“, Карпатски и ликијски Срби, , 1997, стр. 9.

Прямая романизация населения сегодняшней Румынии началась через народное образование прежде всего на территории Эрделя, под контролем Габсбургов. Сначала действовали на уровне унии православных предстоятелей с католической церковью; затем – через общее образование, которое молодежь из среды обращенного в унию населения получала в католических учреждениях; и, наконец, после всего этого сосредоточились на «разрушении сербско-румынского церковного единства и создании самостоятельной румынской митрополии в Трансильвании во главе с румынским митрополитом»⁸.

В новое время учителя-грекокатолики занимались пропагандой идеи румынского национализма в эрдельском крае, а после освобождения Валахии и Молдавии от османов, учителя начали свою работу и там. Идеи румынского национализма они распространяли совместно с образованными людьми, которые, что весьма примечательно, были, в основном, иностранцами. Также имела место прямая поддержка католической церкви (особенно иезуитов), Габсбургской монархии, потом – Франции и Королевства Сардиния, а еще позже – Италии. Влияние на сознание людей оказывалось в первую очередь через просвещение, школьное образование, печать и литературу⁹.

Сначала иезуит **Ладислав Барняи** от имени Римско-католической церкви провел переговоры об унии Рима с митрополитом эрдельского Белграда (Алба-Юлия) **Феофилом Серемием** (митрополит в 1692–1697 гг.), который был готов нарушить единство православной церкви¹⁰. Митрополит Феофил с этой целью в 1697 году созвал Собор митрополии, чтобы согласиться на унию с Римом. После его смерти Афанасий Ангел, новый кандидат на место митрополита, прибыв в Царьград для рукоположения, был вынужден поклясться, что не согласится на унию с Римом. Афанасий

8 Nikola Gavrilović, *Srpsko-rumunskoklirikalnoučilišteuVršcu 1822 – 1867*, Filozofskifakultet, NoviSad, 1983, str. 11.

9 Душан Ковачев, „Преглед романизације простора Румуније“, в сборнике *Румунија и румунизација Срба*, приредио Зоран Милошевић, Центар академске речи, Шабац, 2018, стр. 50.

10 Факт того, что большинство населения Эрделя составляли сербы, славяне, Овидиу Печикан (*Историја Румунџ*, стр. 354) ошибочно объясняет тем, что здесь доминировало сербское духовенство, пришедшее сюда с Арсением III Черноевичем, а их прогресс и компактность связывает с «ревностной и верной службой Габсбургам».

Ангел был сыном православного священника из Бобяйны (ныне – вблизи Хундедоары). Однако после приезда в эрдельский Белград оказалось, что клятва для нового митрополита ничего не значит. **Благоприятные условия для заключения унии сложились, когда все иерархи на территории монархии Габсбургов во главе с Афанасием Ангелом (?–1713 г.) официально согласились на унию с Римом на новом Соборе в эрдельском Белграде в 1698 году.** Потом, в 1700 году, остальные православные иерархи Эрделя утвердили на Соборе унию с Римом. Все сохранившиеся документы с этого собора написаны на славянском языке (сегодня румыны скрывают этот факт, называя славянский язык «древнерумынским»). Среди этих «иерархов» Афанасий Ангел был единственным епископом, остальные были священниками. После заключения унии с Римско-католической церковью представители народа, обращенного в унию, были признаны отдельным этносом под названием «валахи», а их грекокатолическая митрополия получила высший ранг в системе Габсбургской монархии: она стала именоваться архиепископией Алба-Юлии и Фэгэраша. По правде говоря, все это время в Эрделе и восточном Банате продолжалась борьба православных «валахов» за освобождение от унии, начатая Виссарионом Сараем и Софронием Поповичем.

Иоанн Боб (1783–1830) – на тот момент крупнейший румынский националист среди эрдельских валахов. Дело его жизни – труд «*Supplex Libellus Valachorum Transsilvaniae*», над которым он трудился с 1790 до 1792 года. Когда он стал примасом (предстоятелем) грекокатолической церкви, он осуществил окончательную латинизацию валашского национального вопроса в Эрделе. Романизация народа была полностью завершена. Боб имел дворянское происхождение, получил иезуитское образование. В Блаже в 1764 г. принял монашество, вступив в Базилианский орден. Его другом был Гаврило Григора Майор, на тот момент – примас. Он пошел навстречу беспокойному характеру Боба, который с трудом выдерживал монастырскую дисциплину. Боба отправили в Трнаву, где он получил богословское образование, в 1778 году был рукоположен в сан иеромонаха, а затем принят в качестве секретаря епархии в Блаже. Затем он был назначен деканом

(благочинным) униатских монастырей Дая Романа и Таргу Муреш. После отставки его друга и предшественника император Иосиф II назначил Боба примасом. Назначение одобрил Папа Пий VI. Боб руководил церковью весьма своевольно. Когда разделение между православными и униатами стало очевидным, между ними сложился политический союз. Вместе с православным митрополитом эрдельского Белграда Герасимом Адамовичем (сербом) Иоанн Боб представил при венском дворе свой труд *Supplex Libellus Valachorum*, который мы упоминали ранее. Он написал словарь румынского языка из 11 тысяч слов, напечатанный в Клуже в 1822 году. Опубликовал издание нового перевода Библии на румынский язык авторства Самуила Мику-Клайна, более известное как «Библия из Блажа».

В 1948 году коммунистические власти Румынии объявили унию с Римом незаконной: они посчитали униатский церковный режим обременительным для румынского народа. Выполняя распоряжение Сталина, они свергли всех двенадцать епископов Румынской грекокатолической архиепископии, а имущество, храмы и паства перешли к Румынской православной церкви. Униатский епископ Блажа Юлиу Хосу отказался от предложения православного патриарха Юстиниана Марина перейти в православие и в качестве архиепископа возглавить митрополию в Молдавии. Он умер в домашнем заключении. В Римско-католической церкви сейчас идет процесс его беатификации. Когда в 1950 г. Александру Тодя был тайно назначен викарным архиереем Румынской грекокатолической церкви, он был арестован и находился в заключении вплоть до амнистии 1964 года. Только после того, как в 1989 году пал режим Чаушеску, Ватикан подтвердил назначение Тодя новым иерархом Румынской грекокатолической церкви – митрополитом Блажа. Он оставался во главе архиепископии до 1992 года, когда оставил свои обязанности по причине болезни.

С 1994 года архиепархией Румынской грекокатолической церкви управляет митрополит Лучиан Мурешан, верховный архиепископ Фэгэраша и эрдельского Белграда (Алба-Юлия). Хотя в Королевстве Румыния было более полутора миллионов румынских униатов, в конце XX века в грекокатолическую церковь вернулось всего около 300 тысяч. Потомки униатов

в большинстве своем остались верными румынскому «искаженному» православию, как его называют в научном обиходе из-за принятия латиницы и календаря Ватикана.

Исходно все три региона – Эрдель (Трансильвания), Валахия и Молдавия принадлежали Сербской православной церкви¹¹. Как писал Джордже Бранкович, святой Савва основал 12 архиерейских престолов, распространяя православную веру среди сербов. Некоторые из них – на территории сегодняшней Румынии, где не было никаких румын¹². Автор использует малоизвестное на сегодняшний день понятие – «в Диоклетиановом наследии». Румынская православная церковь в 1885 году получила от Вселенской патриархии томос об автокефалии, что является грубым нарушением церковного права. Сербская православная церковь (на тот момент представленная Карловацкой митрополией, поместной автокефальной церковью (1848–1920), и Белградской митрополией, поместной автокефальной церковью (1879–1920)) прекратила отношения с раскольнической церковью, но спустя какое-то время политика заставила «принять» реальное положение дел.

Православные церкви на территории Баната, Валахии и Трансильвании находились в прямой юрисдикции Сербской православной церкви с 1691 по 1864 гг. и входили в Карловацкую митрополию¹³. Вршацкий епископ Иосиф Йованович Шакабента (1743–1805) был первым сербским епископом, который заискивал перед австрийским двором в ущерб интересам Сербской православной церкви: он заявил, что в его епархии, там, где живет «румынское население», служить надо на румынском языке, а там, где население смешанное – и на сербском, на румынском.

11 СРПСКА ПРАВОСЛАВНА ЦРКВА: *Изгубљена јурисдикција над Влашком, Молдавијом и Трансилванијом*, <http://www.carsa.rs/srpska-pravoslavna-crkva-izgubljena-jurisdikcija-nad-vlaskom-moldavijom-i-transilvanijom/>

12 Ђорђе Бранковић, *Хроника Словена Илирика, Горње Мезије и Доње Мезије*, Прометеј, Нови Сад, 1994, стр. 32.

13 Карловацка митрополија со дня своего основания и до провозглашения автономии эрдельской Румынской православной митрополии в 1864 году осуществляла власть церковную и духовную над миллионами православных христиан (в том числе и валахов, позже «переименованных» в румын) на австрийских землях, что действительно о многом говорит. См.: Nikola Gavrilović, *Srpsko-rumunskoklirikalnoučilišteu Vršcu 1822-1867*, стр. 14.

Стремление румын отделиться от сербов и получить своих епископов проявилось открыто только в 1816 году под влиянием Римско-католической церкви, а если точнее – униатов¹⁴. Стефан Станимирович, митрополит Карловацкий, поддался австрийскому давлению и пошел на уступки в вопросе церковной «эмансипации» румын Карловацкой митрополии.

Так, в Араде епископом был назначен румын, а Вршацкого и Тимишоарского епископа¹⁵ обязали выучить румынский язык. Здесь важно разъяснить, как именно создавался новый политический конструкт – румынская нация. Этим занимались иезуиты – вернее, грекокатолики с той же самой идеологической матрицей. Их обучали иезуиты. Потомки грекокатоликов из Эрделя получали образование в католических учреждениях на Западе (прежде всего – в Вене) и своим трудом, творчеством и пропагандой пламенно и неустанно убеждали валахов, что они являются потомками римского населения Дакии, а также в том, что все жители Валахии, Молдавии и Эрделя имеют общее происхождение. **Эрдельские грекокатолики принадлежали к движению Арделянской школы, организованному иезуитами, и повлияли на создание в 1791 году политической петиции валахов Трансильвании («Supplex Libellus Valachorum Transsilvaniae»). В ней содержалось требование об объединении валахской, трансильванской и молдавской наций на идеологических принципах Великой французской революции.** Именно тогда впервые появилось политическое требование об объединении народов, которые на сегодняшний день представляют собой румынскую нацию. Сторонники Арделянской школы создали румынский язык, правописание, грамматику и румынский национализм.

Один из известнейших представителей движения Арделянской школы – Самуил Мику (1745–1806), образованный грекокатолик и епископ Фэгэраша. Он

14 См.: Ранко Яковљевић, Милисав Фируловић, *Српски изданци румунске стварности*, Пешић и синови, Београд, 2015.

15 Тимишоара с давних времен называлась **Йованополь**. Венгры переименовали этот город: от венг. Temes – Тимиш (река), vár – замок. Так называемые румыны переняли у венгров это название. О том, как румыны получили большую часть Баната, см.: Зоран Милошевић, „Узроци и околности који су утицали на предају Источног Баната Румунији од стране Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца (Југославије) после Првог светског рата“, *Национални интерес*, бр. 3, Београд, 2018, стр. 127-141.

учился в Римско-католическом «*Collegium Pazmanianum*» в Вене, много работал над унией православных с Римом. Является автором труда «*De ortu progressu conversione valachorum episcopia item archiepiscopus et metropolis eorum*». В нем в форме научной теории обосновал свою позицию о том, что жители Валахии, Трансильвании и Молдавии происходят от римлян из древней римской провинции Дакия, интенсивно изучал романский говор, распространенный севернее Дуная, чтобы найти филологические аргументы для своей теории. Кроме Мику стоит также упомянуть Иона Будай-Деляну (1760–1763) – пятого и самого известного члена движения Арделянской школы¹⁶. Его отец, Соломон Будай, был униатским священником. Безусловно, список сторонников движения Арделянской школы намного обширнее, но мы решили остановиться только на этих именах.

Стоит отметить, что сопротивление членам Арделянской школы оказывал русский монах с Афона Паисий Величковский (1722–1794), рожденный в Малороссии (нынешней Украине). Он жил в Нямецком монастыре, и благодаря ему не вся Молдавия была румынизирована – лишь та ее часть, которая находилась в составе государства Румыния. Самую большую опасность для православной церкви представляла униатская пропаганда среди валахов и священнослужителей. Эта пропаганда усилилась после того, как Самуил Вулкан в 1806 году был назначен Велико-Варадинским епископом, а кульминации достигла после основания в 1853 году Банатской униатской епархии, центром которой стал Лугож. Дако-романский национализм представлял серьезное основание для принятия унии. Он давал униатам ощущение принадлежности к высшей цивилизации, а вину за «низкое культурное развитие румын в Монархии возлагали на сербский клир»¹⁷, что на самом деле было искусно и хитро связано с обращением в унию¹⁸.

16 Кирил Шевченко, Од језуитске искре до „румунске бакље“ (Трансилванијска “Школа Арделјана“ као катализатор „румунског пројекта“), в сборнике *Румунија и румунизација Срба*, приредио Зоран Милошевић, Центар академске речи, Шабац, 2018, стр. 77- 90.

17 Nikola Gavrilović, *Srpsko-rumunskoklirikalnoučilišteuVršču 1822-1867*, str. 20.

18 Nikola Gavrilović, *Srpsko-rumunskoklirikalnoučilišteuVršču 1822-1867*, str. 17. В одной из жалоб, которую сербы из Баната направили митрополиту Стратимировичу в Сремски-Карловцы в 1816 г., указано, что некоторые румыны «имеют огромные амбиции любой ценой добиться епископских титулов, хотя сами знают, что до них не доросли. Не обладая

СПОСОБЫ РУМЫНИЗАЦИИ СЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Новый румынский национализм, пропагандировавшийся униатами и католиками, начал процесс отмежевания нового народа от славян, прежде всего – от русских (они в то время считались главной угрозой для объединения Валахии и Молдавии в унитарное государство Румыния) и сербов, распространяя сильнейшую русофобию и сербофобию.

После Крымской войны 1853–1856 гг., осознавая геополитическое значение реки Дунай и Черного моря, а через них – Анатолии и Персидского залива, западно- и среднеевропейские колониальные завоеватели обратили внимание на географическое положение Сербии и так называемых «Дунайских княжеств» (Валахии и Молдавии) – другими словами, территорий винчанско-трипольской археологической культуры или Мезии / Дакии / Сарматии, как эти земли назывались во времена Римской империи. Как только колонизаторы поняли, что завоевание этой территории без военного вмешательства не потребует крупных расходов, которые будут необходимы в случае ведения войны, они решили прибегнуть к культурным реформам. В рамках «мирного» решения восточного вопроса («прорыва на восток») в XIX и XX вв. они задумали провести такие реформы, которые перекроют историю этих стран, спрячут те факты, которые позволяли людям знать о местных человеческих, природных и культурных ресурсах и гордиться ими. В процессе этих колониальных культурологических трансформаций были изменены этнонимы и наименования государств, а также языки, алфавиты, традиции, быт, флаги, государственные границы и другие элементы национальной идентичности людей¹⁹.

Позиция графа Кавура сыграл ключевую роль в процессе привлечения европейских центров для превращения Валахии и Молдавии в бастион против России (а сей факт гарантировал

нужными умениями и нравственными качествами, они шли на различные уловки и хитрости, что отразилось на распространении зависти, злобы и нетерпимости среди валахов (румын) и сербов (стр. 21).

19 Сања Шульгаић, Поништавање националних идентитета на Балканском полуострву у деветнаестом веку са посебним освртом на Румунију, в сборнике: *Анатомија румунске политике*, приредио Зоран Милошевић, Центар академске речи, Шабац, стр. 31.

также объединение Италии). Одновременно румыны вознесут это на уровень политического мифа и сформируют сильнейшую антиславянскую пропаганду и политическую доктрину²⁰.

В 1856 году из Валахии и части Молдавии была образована Румыния, и в тот же самый момент началось навязывание новой румынской идентичности. Этот процесс состоял из нескольких этапов. Сначала предлагалось сменить стиль одежды. Настаивали на том, чтобы люди одевались по-европейски. А для сельского населения придумали новые национальные костюмы. Церковь оказывала сопротивление процессу навязывания идентичности, поэтому в 1863 году был принят государственный указ конфисковать имущество православных церквей и монастырей. Третье: на территориях Валахии и Молдавии в «дорумынский» период в церкви использовался церковнославянский язык и кириллический алфавит. В 1820 году в Румынии принимается указ, который открывает вопрос о переходе с кириллицы на латиницу. Этот процесс продолжался до 1860 года, когда в систему просвещения официально и в обязательном порядке была введена латиница. Четвертое: поднимается вопрос создания румынского языка. Этим занимались Августин Трибоний Лауриано и Иоанн Массим, издавшие «Словарь румынского языка». Речь шла об искусственном языке, из которого были исключены все использовавшиеся в то время нелатинские слова. Словарь встретили критикой, но румынизаторы продолжили свое дело.

Доктор Илие Барбулеску (кстати, румын), университетский профессор и академик, пишет: «Вообще, во всей Трансильвании (Эрделе), да и во всем Банате, обнаруживаются только сербы как наиболее численное население, которое преобладает, и сербский язык как подлинный славянский литературный и церковный язык не только сербов, но и самих румын». В своей книге «Румыны по отношению к сербам и болгарам и, особенно, вопрос македонских румын» на страницах 89–95 Барбулеску пишет, что сербы значительно преобладали в Валахии и Молдавии (с XIV века), а ранее они также составляли большинство – на протяжении XIII века, когда валашская знать породнилась с сербской. Например, в 1274 году валашский воевода Олтений Лютивой выдает свою дочь

20 Анђело Тамбора, *Кавур и Балкан*, стр. 37-38.

за Стефана Милутина, короля Сербии, того самого Милутина, которому в скором времени предстояло распространить свою власть на Боснию и Македонию вплоть до Скопье.

Зачем православным христианам сейчас знать, что из сербской Молдавии в 1567 году в монастырь Милешева «прибыло» небо, собственноручное произведение госпожи Роксанды, жены Александра, воеводы Молдавии? Зачем нынешним славянам знать, что молдавский боярин Штефан Боул, великий ворник Нижней Земли, имел на своей печати вырезанный год 1655, а также именование «Сербин»²¹. Зачем православным христианам знать, что в 1512 году Георгий Скорина был в Молдавии у царицы Елены Бранкович? Они вели переговоры об издании книг, которые могли бы помочь в борьбе с иезуитской пропагандой и клеветой против самой уважаемой сербской семьи Валахии, Эрделя и Молдавии – против Бранковичей. Их обвиняли в предательстве, совершенном на Косовом поле в 1389 году²². Исторические факты говорят о том, что Вук Бранкович никого не предавал, однако миф, в отличие от самых Бранковичей, дожил до сегодняшнего дня. Сегодня Бранковичи считаются румынами. Все православные храмы на территории сегодняшней Румынии строили сербские семьи Бранкович-Басара. Монастырь Хорезу – один из красивейших монастырей Румынии. Его в 1690 году основал Константин Бранкович – валахский воевода, который позже был причислен к лику святых. Румыны пишут его имя так: Constantin Brâncoveanu – и ни в одном тексте, ни в одном документе они не засвидетельствовали его сербское происхождение²³. Здесь важно подчеркнуть следующее: модель распространения клеветы и ненависти (этнической дистанции) по отношению к народу или отдельному человеку функционирует безупречно.

И все же компетентные ученые, каким мы считаем Барбулеску, на основании обнаруженных ими вышеуказанных

21 Илије Барбулеску, *Румуни према Србима и Бугарима нарочито с погледом на питање македонских Румуна*, Издање Задужбине Илије М. Коларца, Београд, 1908, стр. 87.

22 Иван Чарота, „Да ли је Скорина био у Молдавији?“, в сборнике *Румунија и румунизација Срба*, приредио Зоран Милошевић, Центар академске речи, Шабац, 2018, стр. 174.

23 КАКО РУМУНИ ФАЛСИФИКУЈУ СРПСКУ ИСТОРИЈУ: Пример Константина Бранковића и манастира Хуреџија, <http://www.carsa.rs/kako-rumuni-falsifikuju-srpsku-istoriju-primer-konstantin-brankovica-i-manastira-hurezija/>

фактов делят историю Румынии на два периода – «эпоха славянизма» и «эпоха румынизма».

Меморандум, предложенный Эмилианом Кенгелацем (1807–1885) 16 октября 1863 года и призывающий к введению румынского языка в церковное употребление, а латинского алфавита – в церковные книги и документы, взволновал сербскую общественность в Валахии, да и не только там. Затем, 1 августа 1864 года, румынские делегаты передали меморандум и свое заявление австрийскому монарху. Там было объяснено, почему румыны не признают Карловацкий конгресс и почему не участвуют в избрании сербского митрополита. Монарх заступился на румын. После «экуменического» синода 1864 года сербский патриарх Савва-Самуил Маширевич (1804–1880) разрешил отделение так называемой Румынской православной церкви.

Указом Франца Иосифа I от 24 декабря 1864 года румыны получили свою церковь. Была образована самостоятельная румынская митрополия в Трансильвании и с центром в Сибине. Она состояла из двух епископий (Арадской и Карансебешской), в состав которых входили даже территории сегодняшнего сербского Баната. Населенные пункты южного Баната принадлежали Карансебешской епархии, а северного Баната – Арадской. Пять православных епархий Княжества Румыния (в Валахии и Молдавии) не подчинились царскому указу и оставались в составе Сербской православной церкви до 1919 года. Только тогда они стали частью так называемой Румынской православной церкви.

Первый румынский митрополит Андрей Шагуна (1809–1873) работал также в сербско-румынском духовном училище в Вршаце.

Под контролем Вены в 1872 году объединились митрополии Валахии и Молдавии, с тем чтобы сформировать единую новую германскую Румынскую православную церковь. В том же году митрополит Угро-Валашский получил титул митрополита Румынии, а после этого был создан Священный Синод Румынской православной церкви.

Как сербы могли принять такое развитие событий?

Ответ, конечно же, однозначен: благодаря «негативной селекции» внутри Сербской православной церкви, о которой позаботился австрийский двор. Чтобы дать полный ответ на данный вопрос, необходимо начать с рассмотрения событий, связанных с Карловацкой патриархией (1848–1920). **Арсений Стойкович (1804–1892), епископ (местоблюститель) Бачский (епископ с 1843 по 1851 г.) и епископ Будимский (епископ с 1852 по 1892 г.), был единогласно избран в 1874 году Патриархом Карловацким, но Венский двор не утвердил его кандидатуру.** То же самое произошло в 1881 году, когда его «конкурентом» был Григорий-Герман Анджелич (1822–1888), получивший всего 12 голосов, в то время как Арсений получил 53 голоса.

И снова вмешались германцы, на этот раз в лице Франца Иосифа I (1830–1916), императора Австрийской империи (годы правления 1848–1867) и главы Австро-Венгрии (годы правления 1867–1916). Франц Иосиф упорно отказывался признать Арсения Стойковича патриархом, поэтому силой протолкнул своего кандидата – Германа Анджелича.

Благодаря австро-венгерскому двору Анджелич становится патриархом Карловацким (с 1881 по 1888 гг.), и под влиянием своих покровителей не противится ни формированию так называемой Румынской православной церкви, ни предоставлению ей «автономии» от Вселенской патриархии (1885).

Чтобы разобраться в происходившем, вернемся снова в **1859 год, когда произошло объединение княжеств Валахии и Молдавии в рамках нового государственного образования под названием Румыния («государство римских воинов»).**

Тогда же там учредили **новый орган церковного управления – Генеральный национальный синод**, в состав которого входили епископы, а также по три депутата из рядов священнослужителей епархии. Синод имел право собираться раз в два года и находился под полным контролем светских властей. Архиереи назначались решением князя – Александра-Иоанна Кузы (1820–1873), потомка греческих фанариотов с

румынизированным именем, который добрался до власти и правил Валахией и Молдавией.

В соответствии с законом, принятым в 1863 году, была проведена полная конфискация (секуляризация) всего церковного и монастырского имущества. Такую антиклерикальную (читай – антиправославную) политику румынского правительства открыто поддерживала Австрийская империя (1804–1867), а позже – и Германская империя (1871–1918). Дальнейшие события более-менее известны. Румыния, находясь в тени общественного мнения, начинает постоянно расширяться (что хорошо видно на прилагаемой карте).

Расширение территории Румынии с момента формирования (1856) до сегодняшнего дня (2018)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ ЭРДЕЛЯ (ТРАНСИЛЬВАНИИ), ВАЛАХИИ И МОЛДАВИИ

Необходимо иметь в виду, что простейшая форма румынского языка, записанная сербской кириллицей, впервые появляется лишь в 1521 году под сильным венгерским (читай – католическим) влиянием.

С кириллицы на латиницу румыны перейдут только в XIX веке, в 1859 году. Тогда и начинается культурный геноцид – вернее, общая «десербизация» населения (языка, алфавита и топонимов). Румыны еще какое-то время будут пользоваться кириллицей – до 1862 года в Валахии и до 1989 года в Молдавии. Разновидность кириллического письма использовалась в Бессарабии (часть Молдавии) и оставалась в употреблении вплоть до 30-х гг. XX века. Эта старинная версия письма отличается от той кириллицы, которая использовалась в

Молдавской АССР (1924–1940) и оставалась в употреблении до 1989 года в Молдавской ССР (1940–1989), когда часть жившего там румынизированного сербского населения переходит на румынскую версию латиницы.

Из Королевства Греция, на тот момент лишь недавно было образованного (1833), эти процессы через греческих священнослужителей поддерживал немецкий (вернее, баварский) принц Отто Фридрих Людвиг фон Виттельсбах (1815–1867), который будет известен как Оттон I и станет первым королем Греции за всю ее историю (время правления 1833–1862). Его преемник усилит эту антисербскую и антиславянскую деятельность. Речь идет о немецком принце Кристиане Вильгельме Фердинанде Адольфе Георге Шлезвиг-Гольштейнском (1845–1913), из северогерманской дворянской семьи Ольденбург. Он стал вторым в истории греческого государства королем, известным под именем Георг I (время правления 1863–1913).

В то время как греческий король Оттон I был сыном Людвигу I (1786–1868), немецкого короля Баварии (время правления 1825–1848), его преемник Георг I был сыном Кристиана IX (1818–1906), немецкого короля Дании (время правления 1863–1906). Георг I, «немецкий» король Греции, своему соотечественнику – немцу, занимавшему румынский трон, – обеспечит поддержку в получении автономии, оказывая давление на Вселенский патриархат. **Результат этого – получение автономии так называемой Румынской православной церковью в 1885 году.**

Конечно же, все эти шаги поддержал упомянутый ранее Франц Иосиф I, австро-венгерский монарх. Дело приобрело особый размах, когда немецкий (вернее, прусский) принц Карл Людвиг фон Гогенцоллерн (1839–1914) стал первым королем в истории Румынии под именем Карл (Кароль) I (время правления 1866–1914).

Румынский король Карл I был сыном Карла Антона Иоахима, прусского принца из династии Гогенцоллерн-Зигмаринген. «Логистическую» поддержку созданию так называемой Румынской православной церкви окажет также немецкий принц Александр Йозеф фон Баттенберг (1857–

1893), первый князь Болгарии (1879–1886), правитель так называемого «третьего болгарского княжества на Хелме» (т.е. на Балканах). Он правил Княжеством Болгария под именем Александр I. Его отцом был немецкий (вернее, гессенский) принц Александр Людвиг Георг Фридрих Эмиль фон Гессен (1823–1888). Такую же политику продолжит и его преемник на троне Болгарии, немецкий принц Фердинанд Максимилиан Карл Леопольд Мария фон Саксен-Кобург, который будет править Княжеством Болгария под именем Фердинанд I. Отцом второго князя Болгарии был немецкий (баварский) принц Август Людвиг Виктор фон Саксен-Кобург (1818–1881).

Теодор-Феодосий Мраович (1815–1891), митрополит Белградский (с 1883 по 1889 г.), под влиянием сербской династии Обреновичей, которая вела ярко выраженную австрофильскую политику, в 1885 году согласился с антисербской политикой в Румынии.

К вышеупомянутым событиям в связи с т. н. Румынской православной церковью причастен также немецкий (и католический) принц Фердинанд Виктор Альберт Майнрад фон Гогенцоллерн-Зигмаринген (1865–1927), который сменил Карла I, короля Румынии, на престоле в этой стране. Он продолжит править ею, представляя свою династию, под именем Фердинанд I (период правления 1914–1927).

Александр Караджорджевич (1888–1894), король Королевства сербов, хорватов и словенцев (годы правления 1921–1929), король Королевства Югославия (1929–1934), и румынская (вернее, немецкая) принцесса Мария фон Гогенцоллерн-Зигмаринген (1900–1961) обвенчались 8 июня 1922 года. Ее дед по матери – немец Альфред Эрнест Альберт фон Саксен-Кобург (1844–1900), герцог области Саксен-Кобург (годы правления 1893–1900), а по отцу – уже упоминавшийся немецкий принц Леопольд фон Гогенцоллерн-Зигмаринген (1835–1905).

Итогом всего этого стало признание т. н. Румынской православной церкви остальными церковными организациями, поскольку Сербская православная церковь нисколько не возражала против конфискации ее имущества на территории Королевства Румыния, т. е. игнорировала уничтожение

сербского культурного наследия и румынизацию сербов в соседнем государстве. Решением своего Священного синода от 4 февраля 1925 года т. н. Румынская православная церковь была провозглашена Патриархатом. Это было канонически признано томосом Вселенской патриархии 30 июля 1925 года.

Торжественное принятие примасом-митрополитом Мироном (Элие Крестя, 1868–1939) титула Патриарха всея Румынии, наместника Кесарии Каппадокийской, митрополита Унгро-Влахийского и архиепископа Бухарестского состоялось лишь 1 ноября 1925 года.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ УНИИ В ЭРДЕЛЬСКОМ БЕЛГРАДЕ

Уния 1700 года в эрдельском Белграде позволила посредством методики социальной инженерии изменить идентичность жителей Эрделя (Трансильвании, Валахии и Молдавии), создать идеологию румынизма. А поражение России в Крымской войне (1853–1856) привело к реализации главной цели Запада – к созданию нового государства в Европе с романской (латинской) идентичностью, вернее, антирусского и антисербского государства с потенциалом дальнейшего расширения, романизации и латинизации населения Балкан и Малороссии (Украины).

Напомним, что до того момента не зафиксировано существование на территории Валахии, Молдавии и Эрделя такого государства или народа. Вернемся в ту эпоху и обратимся к записям одного из создателей Румынии, графа Камилло Бенсо ди Кавура²⁴ – премьер-министра Королевства Сардиния с 1852 года и до своей смерти в 1861 году, в то время, когда создавались и Румыния, и Италия, а также шла Крымская война. Становится понятным, почему Европа того времени, несмотря на идеологические и религиозные взгляды, поддержала создание Румынии. **Кавур указывает, что Румыния создана, «чтобы разделить южных и восточных славян».** «Когда Крымская война победоносно завершилась, Запад столкнулся с проблемой: каким образом

²⁴ Анђело Тамбора, *Кавур и Балкан*, Завод за уџбенике, Београд, 2007, стр. 166-168. (Кавур, когда речь шла о латинской идентичности румын, слово «латинский» брал в кавычки).

закрепить результат? Все почувствовали, что царская Россия не исчерпала своего экспансионизма. Другими словами, все хотели предотвратить возможный приход России на Балканы (вплоть до самого пролива и Константинополя), а также помешать слиянию движений малых славянских народов и царской политики России на религиозных и национальных началах. Конечно же, Кавур и дипломатия Сардинии серьезно рассчитывали на национальные движения, развивавшиеся на Дунае и на Балканах, причем с расчетом на то, что они укажут направление этим движениям и воспользуются ими, чтобы преградить дорогу России (а в этом была заинтересована вся Европа)²⁵. С того момента румын в Европе называли «бастионом Западной Европы перед северным гигантом» (Наполеон) или «Фермопилами Европы» (Мольтке). На всякий случай новому государству и народу дали «государя-иностранца»²⁶, и эта практика продолжается до сегодняшнего дня, за некоторыми исключениями, имевшими место в период коммунизма.

Карта, демонстрирующая геополитическую роль Румынии

25 Анђело Тамбора, *Кавур и Балкан*, стр. 169-170.

26 То же самое, стр. 186.

Новое государство начало превосходно выполнять предназначенную ему геополитическую роль²⁷. Во-первых, у Румынии нет четко определенных с политической точки зрения границ, т.е. это государство создано для бесконечного расширения. Во-вторых, румынское государство и церковь активно культивируют ненависть к православным славянам (славянофобию), говоря об их культурной «отсталости». Исходя из этого, задача Румынии – «эмансипировать» православных славян, вернее, «подарить» им цивилизацию, что на самом деле превратилось в ассимиляцию²⁸. О том, что ассимиляция удалась, свидетельствуют результаты исследования ДНК жителей Балкан (см. изображение ниже)²⁹.

РУМЫНИЯ – ДОЛГОСРОЧНАЯ МИССИЯ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ

Святослав Мазур из Молдавии указывает на реальную природу Румынии. Само слово «Румыния» в переводе означает «государство римских воинов», а румын – «римский воин». Румыния создана на развалинах Римской империи. Это означает, что по своей природе она выполняет задачи и несет в себе черты своего «прародителя»³⁰. Главная идея Римской империи – светская власть. Именно поэтом олицетворением Римской империи стал орел, держащий в своих когтях

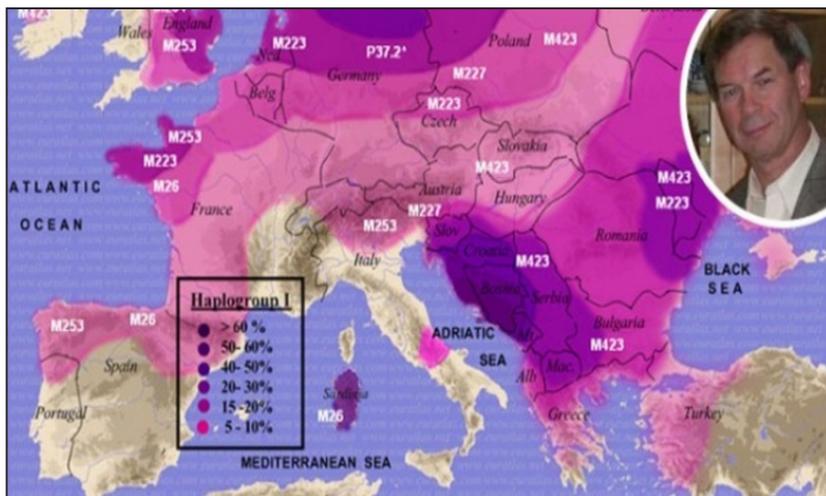
27 Для Наполеона III защита целостности Османской империи была частью обширного стратегического плана: он хотел, чтобы Крымская война стала не просто фазой в решении Восточного вопроса, но и поворотным моментом в европейской истории. Стратегическая задумка Наполеона удалась: Крымской войной (а в ней Россия потерпела поражение) он отделил Австрию от этого государства, но одновременно и поддержал формирование Румынии, а также румынизацию и латинизацию населения Валахии и Молдавии, чтобы закрыть дорогу России на Балканы, а сербам – путь к России. См.: Никша Стипчевић, Анђело Тамбора и његова књига о Кавуру и Балкану, предговор књизи Кавур и Балкан, Завод за уџбенике, Београд, 2007, стр. IX.

28 См.: Зоран Милошевић, „Извори румунске политике“, в сборнике *Анатомија румунске политике*, приредио: Зоан Милошевић, Центар академске речи, Шабац, 2017, стр. 14-16.

29 Нелишним было бы подчеркнуть, что Клесов не одинок в своих выводах. Его разработки основываются на более старых работах. Например, Джордже Бранкович, ссылаясь на имевшуюся информацию на тот момент (а книгу он писал в 1645–1711 гг.) в Мунтении (ныне – Румыния), указывает, что сербы происходят от Иафета, сына Ноя – «ибо знал Ной, что лучшая часть народа произойдет от Иафета» (*Хроника Словена Илирика, Горње Мезије и Доње Мезије*, Прометеј, Нови Сад, 1994, стр. 20).

30 Святослав Мазур, „Румунија–држава-паразит створена по канонима древног Рима“, в сборнике *Румунија и румунизација Срба*, приредио Зоран Милошевић, Центар академске речи, 2018, стр. 70.

символ мира. Идеология и символика Древнего Рима на различных исторических этапах порождали свои копии: они до сегодняшнего дня близки и привлекательны для ряда государств, проповедующих идею мирового господства.

Как утверждает анатоль клёсов, представленность сербских днк шире в боснии и герцеговине, хорватии, прибалтике и молдавии – больше, чем в самой сербии

ИСТОЧНИК: Анатолий А. Клёсов, *Порекло Словена. Осерти на ДНК-генеалогiju*, Београд, “Мирослав“, 2013, стр. 213.

Эти «цивилизации» легко узнать по римской символике, по орлу, который в когтях держит символ мира и оружие. Данный символ в основание своей империи заложил Наполеон Бонапарт. Его же «обновили» Бенито Муссолини и Адольф Гитлер. Европа XIX века именно так воспринимала Румынию,

называя ее «второй Италией», «Италией, которая вернее нас сохранила римское имя»³¹.

Этот же формат и ту же символику взяли создатели США, формируя свое государство. Данный символ – основа и главная деталь герба Румынии. Все указанные страны и империи объединяет одно: желание владеть миром, завоевывать и грабить чужие земли, присваивать чужие ценности, культуру и искусство.

Румыния как раз постулирует упомянутые стремления: в активной форме – по отношению к Молдавии и Сербии, в пассивной – к Балканам и Украине. Напомним, что Румынский парламент 8 мая 2013 года подавляющим большинством голосов принял поправку к закону, объявляя румынами все романские народы и этнические группы, населяющие Балканы. Румынское издание «*Romanian Global News*» сообщало, что решение поддержано всеми парламентскими фракциями, несмотря на отрицательные комментарии о проекте закона со стороны Министерства иностранных дел Румынии.

Согласно принятой поправке, проживающие в государствах Балканского полуострова представители балкано-романских народов (аромуны – арманы, куцовалахи, валахи, цинцары; истрорумыны – истрийские валахи, руманы, румары, чирибири, чичи; мегленорумыны, молдаване, валахи и другие) «официально» объявляются Бухарестом «румынами отовсюду» («români de pretutindeni»), независимо от того, какое название либо самоназвание они имеют. К «румынам отовсюду» также «официально» причислены «бессарабцы», «буковинцы», «марамурешане», которые живут в Молдавии, Одесской, Черновицкой и Закарпатской областях Украины.

Другими словами, на Балканах (да и за их пределами, на значительной части территории Украины) нет других народов, кроме «различных» румын (см. карту ниже).

31 Анђело Тамбора, *Кавур и Балкан*, стр. 167.

Румынские «ученые» считают, что на Балканах нет других народов, кроме румын. Сегодняшние сербы, греки, болгары и т. д. – это славянизированные румыны, которые должны вернуться к своим корням.

ЛИТЕРАТУРА

Барбулеску, Илије: *Румуни према Србима и Бугарима нарочито с погледом на питање македонских Румуна*, Издање Задужбине Илије М. Коларца, Београд, 1908.

Бранковић, Ђорђе: *Хроника Словена Илирика, Горње Мезије и Доње Мезије*, Прометеј, Нови Сад, 1994.

Gavrilović, Nikola: *Srpsko-rumunsko klirikalno učilište u Vršcu 1822 – 1867*, Filozofski fakultet, Novi Sad, 1983.

Дугин, Александар: *Основи геополитике*, књ. 1, Геополитичка будућност Русије, Екопрес, Зрењанин, 2004.

Јаковљевић, Ранко/ Фируловић Милисав: *Српски изданци румунске стварности*, Пешић и синови, Београд, 2015.

Кашић, Душан: *Отпор Марчанској унији*, Лапавинско-северинска епархија, Православље, Београд, 1986.

Ковачев, Душан: Преглед романизације простора Румуније, у зборнику *Румунија и румунизација Срба*, приредио Зоран Милошевић, Центар академске речи, Шабац, 2018.

Кљосов, Анатолиј А.: *Порекло Словена. Осврти на ДНК-генеалогiju*, Београд, “Мирослав“, 2013.

КАКО РУМУНИ ФАЛСИФИКУЈУ СРПСКУ ИСТОРИЈУ: Пример Константина Бранковића и манастира Хурезија, <http://www.carsa.rs/kako-rumuni-falsifikuju-srpsku-istoriju-primer-konstantin-brankovica-i-manastira-hurezija/>

Мазур, Свјатослав: Румунија – држава – паразит створена по канонима древног Рима, у зборнику *Румунија и румунизација Срба*, приредио Зоран Милошевић, Центар академске речи, 2018.

Милошевић, Зоран: Извори румунске политике, у зборнику *Анатија румунске политике*, приредио: Зоран Милошевић, Центар академске речи, Шабац, 2017.

Милошевић, Зоран: Шта Русија очекује од Ватикана, Печат, бр, бр. 512, 23. март 2018.

Милошевић, Зоран: Узроци и околности који су утицали на предају Источног Баната Румунији од стране Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца (Југославије) после Првог светског рата, *Национални интерес*, бр. 3, Београд, 2018.

Милаш, Епископ Никодим: *Православна Далмација*, историјски преглед, Издавачка књижара А. Пајевића, Нови сад, 1901.

Новаковић, Реља: *Карпатски и Ликијски Срби*, „Мирослав“, Београд, 1997.

Печикан, Овидију: *Историја Румунa*, Клио/Бесједа, Београд, Бања Лука, 2015.

СРПСКА ПРАВОСЛАВНА ЦРКВА: Изгубљена јурисдикција над Влашком, Молдавијом и Трансилванијом, <http://www.carsa.rs/srpska-pravoslavna-crkva-izgubljena-jurisdikcija-nad-vlas-kom-moldavijom-i-transilvanijom/>

Тамбора, Анђело: *Кавур и Балкан*, Завод за уџбенике, Београд, 2007.

Чарота, Иван: Да ли је Скорина био у Молдавији?, у зборнику *Румунија и румунизација Срба*, приредио Зоран Милошевић, Центар академске речи, Шабац, 2017.

Шуљагић, Сања: Поништавање националних идентитета на Балканском полуострву у деветнаестом веку са посебним освртом на Румунију, у зборнику: *Анатомија румунске политике*, приредио Зоран Милошевић, Центар академске речи, Шабац, 2017.

Шевченко, Кирил: Од језуитске искре до „румунске бакље“ (Трансилванијска школа Ардељана као катализатор „румунског пројекта“), у зборнику *Румунија и румунизација Срба*, приредио Зоран Милошевић, Центар академске речи, Шабац, 2018.

УДК 316.48

Любинко Джуркович

Белград, Сербия

ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ

Internal State Conflicts

Резюме

В статье анализируются социальные истоки и причины внутригосударственных конфликтов, дается их типология и характеристики, а также механизмы их регулирования и прекращения. Особое внимание уделяется конфликтам в постсоциалистических странах Центральной и Восточной Европы, а также Балкан. Важным условием разрешения конфликтов является наличие развитых демократических институтов и гражданского общества. Кроме того, существенную роль в разрешении конфликтов может сыграть международное сообщество при условии отсутствия фаворитизма и поддержки им какой-либо из вовлеченных сторон.

Ключевые слова: Безопасность, социальные конфликты, разрешение конфликтов, профилактика, демократические институты

Resume

The article analyzes social preconditions and the reasons of internal state conflicts and provides their

typology and characteristics as well as various mechanisms of their regulations and resolutions. The article focuses mostly on conflicts in post-socialist countries of Central and Eastern Europe and in the Balkans. One of the most important preconditions of successful conflict resolution process is the availability of long and highly developed democratic institutions and civil society. Apart from that, international community can also play a significant and constructive role in the process of conflict resolution. However, international community should avoid any favoritism and refrain from supporting any of the parties involved.

Keywords: Security, social conflicts, conflict resolution, prevention, democratic institutions

Эскалация региональных и внутригосударственных конфликтов в последнее десятилетие двадцатого века способствовала тому, что вопрос профилактики и разрешения социальных конфликтов стал важной теоретической и политической темой. Применяемые способы и стратегии разрешения конфликтов в юго-восточной Европе оказались недостаточно эффективными, особенно в аспекте долгосрочных и устойчивых решений. Одновременно анализируются вопросы, связанные с огражданствлением и институционализацией самих конфликтов, а также эффекты международного посредничества и применение силы в их окончании.

Развитие идей и практических усилий, связанных с предотвращением и разрешением социальных конфликтов, имеет долгую историю¹; трагический опыт двух мировых

1 О причинах конфликтов и их преодолении свидетельствуют письменные документы древнейших цивилизаций. Древняя вавилонская цивилизация известна Законами Хаммурапи (около 1750 г. до н. э.), в которых с точки зрения подавления конфликтов и установления социального контроля особый интерес представляет раздел, относящийся к закону возмездия или Lex talionis. В древнем Китае существовали значимые идеи по предотвращению социальных столкновений в трудах Конфуция (KungFuCu, 551-478 г. до н. э.) особенно в „Книге Песен“ (ShuChing). Отсутствие социальных конфликтов и мир как духовная ценность являются центром буддистской философии и бытия. В античной Греции о причинах и преодолении конфликтов писал еще Фукидид (360-95 г. до н. э.) в своей „Истории“. Идеи

войн, а также постоянно присутствующий страх перед экстремистскими группировками и идеологией способствовали тому, что профилактика и разрешение конфликтов стали предметом серьезных исследований в рамках различных наук и научных дисциплин. Профилактика и разрешение социальных конфликтов стали неотъемлемой частью и отдельного исследовательского направления под названием „исследование мира“, которое сегодня объединяет наиболее выдающихся ученых со всего мира².

Вплоть до девяностых годов двадцатого века исследования проблем мира, профилактика и предотвращение конфликтов основывались на традиционном принципе, то есть моделях классических межгосударственных конфликтных ситуаций, а также на общей фикции глобальных конфликтов супердержав и военных блоков того времени. Такой подход оказался недостаточно адекватным, так как преувеличивал политико-идеологические аспекты, при этом полностью пренебрегая региональными, экономическими, экологическими и культурными факторами. Внутренние причины конфликтов, как и виртуальная природа этнокультурных факторов систематически игнорировались. Конфликты „низкой интенсивности“ игнорировались, поскольку рассматривались через призму предполагаемого „конфликта высокой интенсивности между Востоком и Западом“. В действительности результатом этих так называемых малых

о предотвращении конфликтов можно найти и в иудео-христианских писаниях, прежде всего в Старом и Новом Завете. Основными религиозными ценностями иудаизма являются справедливость и мир (Shalom), и в соответствии с этим сутью библейской религии является завет между Богом и его народом, Израилем, посредством вечного завета мира (Исаия, 54:10;). Бог - творец мира, а мир обеспечивает присутствие Бога (Числа, 6:26;), откуда исходит что Бог Израиля отрицательно относится к войне (Псалмы, 49:6). Теологическое понимание конфликтов и их преодоления в средние века представлено в трудах Блаженного Августина, особенно в 19 Книге *Deciviate Dei*, а также в трудах Фомы Аквинского (Государство). Для ислама характерно учение о добре и зле, которое по своей сути имеет манихейский характер. Ислам, как, впрочем, и другие мировые религии, предусматривает, прежде всего, мир как самоцель и может в исходном смысле считаться религией мира. Этики и философы (Кант, Гроций, Вольтер) полагали, что конфликтов и войн можно избежать, а здравый смысл и моральные добродетели могут их предотвратить.

2 Важнейшими мировыми организациями, занимающимися вопросами урегулирования конфликтов и проблемами мира, являются Институт исследования проблем мира в Осло и Стокгольмский институт исследования проблем мира SIPRI. Среди важнейших организаций выделяются Международное объединение по исследованию проблем мира (IPRA) в Гронингене и Институт ООН по исследованию и разрешению конфликтов (UNITAR).

этнокультурных конфликтов стали миллионы жертв, что намного превышает число жертв межгосударственных конфликтов, произошедших после Второй мировой войны.

Появление новых вызовов и угроз миру и безопасности на рубеже веков, непредсказуемость и эскалация различных форм социальных конфликтов (от военных до классовых), рост радикальной идеологии (экстремистский национализм, шовинизм, религиозный фундаментализм, нигилистический терроризм, классический и культурный расизм), обратила внимание научной и гуманистически настроенной общественности на иной подход к изучению, профилактике и разрешению внутриобщественных региональных и межгосударственных конфликтов. Кроме ряда национальных и общественных научных учреждений и организаций получил развитие некоммерческий сектор, который на различных уровнях общности и специализации начал заниматься исследованием проблем мира и разрешения конфликтов всех типов, от межгосударственных, внутригосударственных, этнических, религиозных до деловых и семейных³.

Особым стимулом к развитию новых исследовательских направлений и практической деятельности, связанных с огражданствлением конфликтов, стали международная политическая обстановка и вспышки конфликтов в юго-восточной Европе в начале девяностых годов, которые вынуждали к разрешению конфликтов и строительству мира. В этот период для юго-востока Европы стали характерны эскалация кризиса безопасности и военная конфронтация на территории бывшей СФРЮ. Национальная и государственная эмансипация вновь возникшей демократии приобрела драматичные направления развития, результатом чего стал уход от традиционных и поиск современных моделей урегулирования кризисных и конфликтных ситуаций, а также экстенсивное участие членов „международного сообщества“ в попытках дипломатического посредничества на территории бывшей СФРЮ.

3 Conflict Management Group (CMG) при Гарвардском университете; INCORE, организация, ответственная за инициативу по разрешению конфликтов и этическим вопросам; Professors World Peace Academy некоммерческая образовательная организация. PWPA публикует исследования по проблематике решения конфликтов и регулярно издает авторитетный журнал *International Journal on World Peace*;

Конфликты по своему содержанию являются изменчивыми, динамичными, сложными общественными явлениями, имеющими множество причин. Их глубочайшие корни находятся в противоречии между интересами, ключевыми ресурсами (материальными и духовными), которыми желают располагать участники конфликта. Социальные конфликты могут возникать и развиваться как постепенно, так и стихийно, что зачастую приводит к их обострению, эскалации и слиянию с другими конфликтами, а в самом крайнем варианте их результатом может стать полное уничтожение существующей системы, как в случае революции или войны. Помимо перечисленного следует учитывать применение насилия в развитии конфликта, а также наличие объективной возможности и воли к окончанию конфликта. Одним из старейших и наиболее распространенных способов прекращения конфликтов являются соглашения, возникающие вследствие истощения материальных и человеческих ресурсов, по причине чего радикальные лидеры и группы оказываются не в состоянии продолжать поддерживать гнев участников конфликта. Однако такое прекращение конфликта самоограниченно и краткосрочно, поскольку соглашение дает конфликтующим сторонам короткую передышку для возобновления конфронтации. Если соглашение возникло при посредничестве третьей стороны или арбитра, особенно если посредник располагает эффективной силой и нормативным принуждением, то возможно долгосрочное перемирие, но не окончательное разрешение конфликта. Вытеснение и устранение компонента насилия из процесса преодоления и разрешения конфликта означает отгражданствление конфликта. Ненасильственное, то есть цивилизованное разрешение конфликта возможно, если противоборствующие стороны приходят к соглашению по определенным правилам и соблюдают их, в результате чего удастся направить конфликт в нужное русло и предотвратить нарастание его интенсивности и эскалацию. В отношении институционализации конфликта существуют различные мнения, являющиеся следствием не только идейно-теоретической ориентации, но и понимания сути и причин социальных конфликтов в целом. Однако бесспорным является факт, что социальные конфликты ни в одном обществе невозможно окончательно и полностью

институционализировать, так как в конфликтах существует ряд факторов, которые непредсказуемы и неповторимы, а также не могут заранее регулироваться никакими общими правилами, принципами или нормами.

Противоборствующие стороны в политике принимают определенные правила игры и создают учреждения, формирующие рамки рутинизации конфликтного процесса (посредничество, арбитражные органы, законодательные органы, суды и т. д.), что, однако, не означает исчезновение мотива борьбы за власть, могущество, статус и богатство. Этот мотив как константа существует во всех обществах, независимо от уровня демократии или режима власти. Однако демократические принципы, легальность институтов в политическом конфликте, а также контроль общественности над властью одновременно означает ограничение неполитических средств в виде „дикой“ борьбы за саму власть или применение силы и насилия в политических процессах. Таким образом, власть и могущество перестают быть основной и исключительной целью политической борьбы между политическими субъектами.

Профилактика внутри государственных конфликтов представляет собой вызов правящим структурам, при этом используемые методы разрешения конфликтов говорят о степени демократичности и развитости конкретного общества. Подход к разрешению конфликтов внутри конкретного общества детерминирован, в первую очередь, типом конфликта (классовый, расовый, этический, конфессиональный и т. д.) и наличием институциональных возможностей выражения различных, противоположных и противоречащих интересов участников конфликта. В современном обществе существует единое по вопросу „философии“ и нужности ведения переговоров, медиации применения мирных, приемлемых и других ненасильственных методов предупреждения и разрешения социальных конфликтов. Эти общие принципы на декларативном уровне приняты и на национальном уровне всех государств. Это привело к развитию специализированных институтов и учреждений государственного и некоммерческого

сектора, а также разнообразных способов, технологий и инструментов разрешения внутригосударственных конфликтов.

В самом широком смысле, когда речь идет о стабильных внутригосударственных отношениях (в том смысле, что существующие государственные институты и структуры обладают легитимностью), правящие структуры стремятся сохранять континуитет существующего состояния отношений в обществе и подавлять все потенциальные или острые конфликты, предполагающие борьбу за перераспределение или контроль общественных ресурсов: богатства, могущества, власти, привилегий, влияния, статуса, и др. При этом правящие структуры используют различные методы и средства ликвидации или амортизации социальных конфликтов. Некоторые из них:

- *Подмена конфликта* (религиозный или классовый конфликт часто демонстрируется как расовый), если, по оценкам, это менее опасно, что является частым случаем в США;
- *Снижение конфликта на уровень узких и парциальных групп* (например, классовый конфликт расчленяется на ряд изолированных конфликтов внутри или между группировками);
- *Идеологическая и медийная манипуляция и индоктринация* (в виде искусственного провоцирования новых кризисов и конфликтов с целью уменьшения значения, масштабов или интенсивности существующих; подкуп лидеров протеста, подача ложной информации, уступки и т. п.; затем посредством так называемых предохранительных клапанов: кича, идола массовой культуры, спортивных мероприятий, массовых торжеств и др.)
- *Открытая репрессия* (применение силы и насилия – полиции и армии против стороны, требующей перемен в отношении силы и власти).

Когда речь идет об этнически и конфессионально сложных обществах, подход к профилактике и разрешению конфликтов оказывается еще более сложным и

неопределенным. О сложности предотвращения и подавления конфликтов, подпитываемых этническими различиями и причинами, наиболее выразительно свидетельствует опыт внутригосударственных конфликтов на территории юго-восточной Европы и бывшей СФРЮ в 90-е годы XX века.

Внутригосударственные конфликты, возникшие в юго-восточной Европе (бывшем СССР) после холодной войны являются последствием краха регулирующих механизмов и вспышки экстремистского этнического национализма, который в период правления репрессивного развитого социализма успешно подавлялся. Как правило, крах регулирующих механизмов влечет за собой появление дистанции между этническими и конфессиональными сообществами и различное отношение к ним со стороны государства в смысле большей или меньшей дискриминации. Так, в Боснии и Герцеговине эскалация национализма произошла, с одной стороны, как реакция на коммунистическую репрессию, а, с другой стороны, как следствие потребности политической номенклатуры того времени в сохранении могущества и власти путем трансформации в националистскую элиту. Аналогичные процессы происходили в Чечне.

Конфликты, вспыхивающие в подобных обстоятельствах, при попытке силового подавления пробудившегося национализма (военно-полицейскими методами) сопровождаются высокой степенью насилия и отличаются готовностью к приношению больших жертв. Зачастую в таких обстоятельствах межэтнический конфликт с элементами религиозного конфликта трансформируется в гражданскую войну. Сопутствующим явлением становится и постановка вопроса об идентичности развитие психологии коллективной жертвы у всех народов, чьи государственно-политические устремления ставятся под вопрос. Перцепция других этнических групп, являющихся возможными военными противниками, имеет настолько враждебную окраску, что практически единственный путь выхода из конфликта связывается либо с полной победой, либо с полным поражением. Поскольку такой желаемый исход по причине подобия ресурсов, которыми располагают конфликтующие стороны, маловероятен, то

конфликт продолжается “до последней капли крови” или до решительного вмешательства из-за рубежа.

В качестве основных характеристик внутригосударственных конфликтов, возникших после холодной войны, можно указать:

1. Интенсивная локальная враждебность и иррациональная ненависть конфликтующих сторон.
2. Участники конфликта обычно располагают одинаковыми ресурсами.
3. Уровень осознания необходимости мирного урегулирования снижен вследствие убеждения всех участников конфликта в необходимости приложить “еще совсем немного” усилий для достижения критического прогресса, который определит область самих переговоров по мирному урегулированию.
4. Дипломатическое мастерство участников конфликта, влияющее на эффективность переговоров, которые они ведут. Это выражается в неготовности к реальным компромиссам, опоре на силу и абстрактные правовые аргументы, проистекающие из устаревших конституционных и других положений.
5. Внутригосударственные конфликты сужают международно-политические перспективы конфликтующих сторон, создают кризис безопасности в соседних странах и тормозят региональные интеграционные процессы.

Специфика конфликтов, возникших на территории бывшей СФРЮ в прошедшие десятилетия, состояла в элементах, которые обуславливали их трудноразрешимость. В них, как правило, присутствовали конфронтующие интересы на малых территориях, отмеченных долгосрочными, зачастую травматичными совместными традициями.

Враждебность и высокая степень насилия между конфликтующими сторонами в основном не были результатом актуального конфликта, а имели относительно долгую историю и известные параметры в видеэкстремистской идеологии,

созданной квази-элитами с целью захвата и удержания рычагов силы и власти. Поэтому структура дезинтеграции бывших федераций развитого социализма (СССР, Чехословакия, СФРЮ, СРЮ), основанных на этническом антагонизме, может быть представлена как “контролируемый взрыв в определенном направлении, причем национальные элиты определяют направление взрыва и части системы, которые будут максимально подвержены этому взрыву”.

В аспекте предотвращения и разрешения конфликтов важно упомянуть, что, как правило, этнические конфликты легче всего генерируются в дополитических племенных обществах или обществах, не достигших уровня современной парламентской демократии. С другой стороны, этническо-конфессиональные конфликты наиболее распространены там, где существует так называемая “демократия в ручном режиме” или “демократия низкой интенсивности”. В этих обществах вместо политических элит и борьбы между ними по установленным правилам игры действительности присутствуют квази-элиты, кланы и их конфликты за власть, могущество и ресурсы. Для этих обществ характерна неконтролируемая власть узкого круга людей, и гражданские ценности в них отвергаются в такой мере, что государственной политикой невозможно сформировать образ мыслей граждан. Бывшие югославские республики, как и большинство государств, прошедших через кровопролитие гражданской войны, предполагали такие общества. Установление мира в таких обстоятельствах связано с восстановлением гражданских ценностей, а поскольку они уничтожены внутри социальной системы, то могут быть восстановлены только путем привлечения международного сообщества различными способами. При этом очень важно, каким способом будет происходить это привлечение.

Участие международного сообщества в санации конфликтов этого типа является весьма сложной задачей. И сегодня большее число международных организаций не лучшим образом подготовлено к участию в медиации этнических конфликтов. Поэтому вопрос об их готовности к этой роли часто совпадает с их реальным участием в таких ролях, что может иметь весьма негативные последствия

для самих участников конфликта. Пример бывшей Югославии наглядно это иллюстрирует, так как международное сообщество участвовало в посредничестве с целью разрешения конфликтов, проистекающих из процессов распада бывшей Югославии, на протяжении нескольких лет способом, который был, по меньшей мере, контрпродуктивен и нерационален.

Опыт прошедших десятилетий говорит о том, что контроль конфликтов, вспыхивающих на национальной, этноконфессиональной или государственно-политической основе должен включать международные факторы. Для процесса разрешения конфликта оптимальным является международное влияние субъектов (коалиции, национальные государства), обладающих высоким уровнем авторитета среди местного населения и реальными международно-правовыми и военными механизмами, с помощью которых они могут навязать свою волю в ситуациях, когда царит насилие и хаос.

Когда речь идет о предотвращении и разрешении внутренних конфликтов, наибольшие разногласия и недосказанность возникают по поводу применения силы в этих процессах. Легитимная и легальная сила, применяемая государством, необходима и нужна в некоторых внутригосударственных конфликтах, грозящих перерасти во всеобщее насилие и кровопролитие, как в случае межнациональных, религиозных или идеологических конфликтов, которые могут иметь и вооруженный характер, что ведет к разрушению и общества, и государства (СФРЮ и СССР представляют собой убедительные примеры). Поэтому легальность и легитимность применения силы в разрешении социальных конфликтов должны основываться на конкретной исторической ситуации.

Принцип легальности и легитимности применения силы в разрешении социальных конфликтов имеет свои международные масштабы. Голосование в ООН по вопросу применения силы с целью окончания неких конфликтов не означает, что сила приобретает легитимность. Опосредованное или непосредственное применение силы большими и сильными государствами с целью окончания каких-либо конфликтов зачастую мотивировано не подлинным

стремлением к решению проблемы, а установлением позиции доминирования и могущества. Опыт применения силы для прекращения конфликтов, особенно сопровождавшихся высокой степенью насилия, как это было на территории бывшей СФРЮ, разумеется, принес определенные результаты в смысле прекращения военной конфронтации. Однако окончательное разрешение этих конфликтов оказалось сложным, неопределенным и длительным процессом.

Окончание холодной войны и крах европейской модели развитого социализма в начале девяностых годов прошлого века означали появление этно-национальной мобилизации, создание государств-наций и увеличение числа внутригосударственных и региональных конфликтов. Для территории бывшей СФРЮ характерен кризис безопасности высокой степени и эскалация этнических конфликтов с применением насилия, ведущего к военной конфронтации. Однако вплоть до гражданских войн на территории бывшей Югославии в начале девяностых годов не существовало значительных исследований внутригосударственных и этно-национальных конфликтов. Внимание общественности было направлено на методы профилактики и разрешения идеологических споров и конфронтации.

Экстремальное насилие, массовые человеческие жертвы, исход беженцев и материальный ущерб на протяжении периода девяностых годов стимулировали развитие миротворческих движений, организацию научных институтов, разработку новых стратегических направлений и моделей разрешения конфликтов, урегулирование конфликтов в целях строительства мира. Однако в этой области по сей день существуют серьезные пробелы с точки зрения исследований и полученных эффектов по установлению и применению мира. Наиболее существенные недостатки выявляются в определении причин и динамики различных типов силовых конфликтов: применении мира, в конструктивном управлении конфликтами, а также миротворческой интервенции, прекращении вражды и окончании конфликта. Международное посредничество влиятельных коалиций в разрешении конфликтов в значительной мере определяет эволюцию политики международных организаций и создает политические

предпосылки, на которых происходит апробация новых комплексов политики и безопасности. Неготовность правящих структур к реалистичному восприятию внутренней ситуации и непризнание потребности в конструктивных изменениях вопреки ситуации на местах сигнализирует о деструктивном и негибком подходе, уничтожающем перспективы установления доверительных отношений с международными посредниками и вызывающем однонаправленную коммуникацию и навязывание решений извне. Поэтому формирование стабильной внешней политики, а особенно политики безопасности, предполагает также налаживание стабильных отношений с организациями, занимающимися международным посредничеством в разрешении кризисов безопасности и конфликтов и их мониторингом. Таким образом, международное посредничество становится полем для тестирования внешней политики, что представляет собой новшество, подразумевающее быструю интеграцию в институты, а также кадровую и политическую адаптацию, что в наибольшей степени относилось к республикам бывшей СФРЮ.

Можно сделать вывод, что профилактика разрешения и окончание внутригосударственных конфликтов в любом обществе связана, в первую очередь, с развитием демократических принципов и гражданских ценностей. В их восстановлении или развитии значительную роль играет международное сообщество и его посредничество, при условии, что оно не несет в себе силу и принуждение или фаворизацию одной стороны как основного виновника возникновения конфликта. Поэтому внешняя интервенция может быть как кооперативной и стимулирующей, так и изолирующей и стигматизирующей. Стигматизация одного участника конфликта дает плохие результаты и, как правило, приводит к обострению антагонизма между участниками конфликта, потере коммуникации со стигматизированной стороной, к ее самоизоляции от внешних воздействий и непредсказуемому поведению.

ЛИТЕРАТУРА

Фатић, А.: *Нови међународни односи*, Службени лист СРЈ, Београд, 1999.

Фром, Е.: *Анатомија људске деструктивности*. Загреб, 1975.

Grant, T., Woods, A.: *Нови светски неред: светски односи у зору 21. века*.

Hantigton, S.: *Сукоб цивилизација*, ЦИД, Подгорица, 1998.

Hobsbaum, E.: "Куда иде Америчка империја", *Le Monde Diplomatique*, 6/2003

Др Зоран Милашиновић и др Зоран Кековић,: Профилактика и разрешавање друштвених конфликта, Војно дело 2/2008, Београд

Ранковић, М: *Социологија и футурологија*, II институт за социолошка истраживања Филозофског факултета у Београду, Београд, 1998.

Сартори, Ђ,: *Демократија шта је то*, ЦИД, Подгорица, 2001

Здравомаслова, А. Г.: *Социологија конфликта*, Аспект пресс, Москва, 1996

CIP - Каталогизација у публикацији
Народна библиотека Србије, Београд

323.1(477)(082)(0.034.2)
271.2(470)(082)(0.034.2)
271.222(497.11)(082)(0.034.2)
327::911.3(470)(082)(0.034.2)

**МЕЖДУНАРОДНАЯ научно-практическая конференция
Исторические связи России и Сербии (2018 ; Луганск)**

Исторические связи России и Сербии [Електронски извор]
/ Международная научно-практическая конференция 23-24
апреля 2018 года г. Луганск (Луганская Народная Республика);
редактор Зоран Милошевич. - Белград : Институт политических
исследований : Обществена организација Славјаносербија, 2019
(Житиште : Ситопринт). - 1 електронски оптички диск (CD-ROM)
: tekst ; 12 cm

Системски захтеви: Нису наведени. - Насл. са насловног екрана.
- Тираж 100

ISBN 978-86-7419-313-6

а) Национални идентитет -- Луганска област -- Зборници б)
Православље -- Русија -- Зборници в) Православље -- Србија --
Зборници г) Геополитика -- Русија -- Зборници

COBISS.SR-ID 279983628

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЯЗИ РОССИИ И СЕРБИИ

Беспалова Т.В.	Ларионцев М.М.
Серебряк Владимир Васильевич	Богиня Юлия Александровна
Беспалова Татьяна Викторовна	Ларионцев Михаил Михайлович
Герасимов А.В.	Чеботарева Ирина Владимировна
Евсюкова Наталья Владимировна	Прилуцкая Елена Анатольевна
Кирмач Г.А.	Ефимова Ирина Витальевна
Ильин Сергей Александрович	Турбина Марина Александровна
Рочняк Елена Владимировна	В.Ю. Даренский
Анпилогова Татьяна Юрьевна	Велимирович Светлана Сергеевна
Капитонова Марина Сергеевна	Татоли Т.В.
Владимир Коларич	Кожушко Андрей Валерьевич
Соловей Мария Александровна	Болтаевский Андрей Андреевич
Загороднова Елена Михайловна	Олег Валецкий
Ольга Милунович	Черданцев Валерий Вениаминович
Милокост Л.С.	Серостанова Оксана Борисовна
Зоран Милошевич	Любинко Джуркович

ЕДИЦИЈА
РАСПРАВЕ

